Федор Раззаков

Девять женщин Андрея Миронова

Жениться нужно на сироте.
Если женщина что-то просит, то ей надо непременно дать! Иначе она возьмет сама!
Каждая ваша слезинка — это молекула в космосе.
Девушка, мы с вами рядом не лежали?
Руссо туристо облико морале.

Биографии великих

Неожиданный ракурс

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Помните, как в фильме «Соломенная шляпка» чертовски привлекательный герой Андрея Миронова поет и загибает пальцы: «Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта…»? Что интересно, Андрей Миронов, в самом деле, не представлял свою жизнь без женщин. Еще бы! Они, как музы, вдохновляли Андрея на творчество, давали ему силы, зажигали в его сердце пламя любви и страсти. Именно женщины вкупе с природным талантом сделали Андрея Миронова неотразимым в жизни, в кино и на сцене. Стоит ли удивляться, что этого удивительного человека беззлобно называли дамским угодником. Кому же из представительниц прекрасного пола угодил Андрей Миронов?

- Федор Раззаков
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая
    - ■ Мама: Мария Миронова
    - ■ Первая любовь: Галя Булавина (Дыховичная)
    - ■ Девушки из «Щуки»
    - ■ Несостоявшаяся жена: Наталья Фатеева
    - ■ Будущая жена: Лариса Голубкина
    - ■ Любовь на разрыв: Татьяна Егорова
    - ■ Женщина-загадка: Нина Корниенко
    - ■ Первая жена: Екатерина Градова
    - ■ Вторая жена: Лариса Голубкина
    - ■ Последняя женщина: Алена Яковлева
    - ■ Дочери Андрея: две Маши
    - ■ Женщина с косой, или Смерть на миру
  - ○ Часть вторая
    - ■ Мама: Мария Миронова
    - ■ Первая жена Андрея: Екатерина Градова
    - ■ Вторая жена Андрея: Лариса Голубкина
    - ■ Дочери Андрея: две Маши
    - ■ Миронов и Она: Татьяна Егорова
  - ○ Источники:

Федор Раззаков
Девять женщин Андрея Миронова

© Раззаков Ф., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

В жизни Андрея Миронова женщины играли главную роль. Поэтому не случайно этого великого актера называли дамским угодником. Он и в самом деле стремился угодить женщинам, поскольку видел в них своих главных вдохновительниц как в творчестве, так и в жизни. При этом через судьбу актера прошло множество женщин. Но среди них многие были случайными, а главных женщин было не так уж и много. Именно им и посвящена эта книга. Среди них: женщина, которая родила на свет нашего героя – его суровая мама. А также девушка, которая подарила ему первую любовь, когда они были еще школьниками. В этом же списке женщины, которые могли быть его женами, но так и не стали ими в силу различных обстоятельств, женщины, сумевшие-таки стать его женами, две его дочери, а также женщины, которые снимали его в своих фильмах, и женщины-актрисы, с которыми он играл в кино любовь. Все они оставили свой след в судьбе Андрея Миронова и без них его жизнь и творчество не обрели бы той феерической привлекательности, которая до сих пор заставляет людей помнить об этом прекрасном актере. Прочитайте эту книгу и вы узнаете массу интересного из жизни «дамского угодника», у ног которого в свое время лежала вся страна – причем не только слабая ее половина.

Часть первая
Женщины в жизни Андрея

Мама: Мария Миронова

Эту женщину люди знали не только как великолепную артистку, но и как мать гениального артиста, кумира целой нации. А ведь сама она, когда ее сын только делал первые шаги на актерском поприще, не слишком верила в его выдающиеся способности, опасалась, что он не сумеет стать достойным продолжателем их актерской династии. Потом она признала эту ошибку.

Мария Миронова родилась 6 января 1911 года в Москве в зажиточной семье – ее отец был товароведом. Жили Мироновы в центре Москвы, на Таганке, и являли собой пример образцовой семьи. Когда родилась Маша, в доме был устроен званый обед, где стол буквально ломился от угощений. Однако, выпивая за здоровье девочки, никто даже представить себе не мог, что вскоре случится трагедия. Но не с девочкой, а с ее старшим братом, 10-летним Колей. Это был на удивление красивый и талантливый мальчик: владел тремя языками, рисовал, занимался музыкой. Все, кто его знал, были уверены, что впереди его ждет блестящее будущее. Однако этим планам не суждено было воплотиться в жизнь. Спустя два месяца после рождения сестренки Коля заболел дифтеритом и сгорел за считаные дни.

Эта трагедия сильно отразилась на родителях Маши, особенно на ее матери – она стала болезненно мнительной. Опасаясь, что ее дочка может умереть так же внезапно, как и ее первенец, она опекала ее ежедневно и еженощно, и порой эта опека принимала нездоровые формы: например, она постоянно заставляла дочку полоскать горло керосином.

Интерес к театру возник у Маши еще в детстве. Ее родители были заядлыми театралами и не пропускали ни одной премьеры в столичных театрах. В их доме постоянно бывали актеры, режиссеры и другие деятели театра, которые бесконечными спорами о работе привили Маше интерес к этому виду искусства. А после того как она попала на спектакль «Синяя птица», ее любовь к театру стала неистребимой. Именно эта любовь впоследствии приведет Миронову в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на Сретенке, где она будет проходить свои первые театральные университеты.

В школу Маша пошла перед самой революцией – в сентябре 1917 года. Это была одна из старейших школ города, расположенная в Мерзляковском переулке бывшая гимназия Флерова. В одном классе с Мироновой учились дети, которые впоследствии станут известными людьми: Алексей Спешнев –

будущий сценарист, Леонид Пирогов – артист драмтеатра, Григорий Конский – артист МХАТа, Лина Кабо – писательница. В классах постарше учились Игорь Ильинский, Леонид Варпаховский, который свою первую режиссерскую работу сделал именно в бывшей гимназии Флерова, поставив «Розу и крест» Александра Блока.

Когда много лет спустя перед Мироновой встанет выбор, где поселиться со своей семьей, она выберет окрестности возле Мерзляковского переулка. И своего единственного сына Андрея приведет учиться именно туда – в бывшую гимназию Флерова.

Помимо театра у Мироновой было еще одно сильное увлечение – балет. Оно было настолько сильным, что девочка какое-то время посещала вечернюю балетную школу при Большом театре. Школа помещалась в театре Незлобина, там, где потом будет Центральный детский театр. Маша занималась у знаменитого балетного педагога Веры Мосоловой, которая весьма восторженно отзывалась об успехах своей ученицы. Маше прочили хорошую карьеру в балете, но судьба распорядилась по-своему. При всей страсти Маши к танцу она не могла долго выдерживать большие нагрузки – у нее начались малокровие и головокружения. И врач посоветовал ей оставить балетную школу. Что было сделано незамедлительно: мама Маши так дрожала над здоровьем своего ребенка, что даже страстные уговоры Мосоловой не помогли.

Окончив в 1924 году седьмой класс школы, Миронова поступила в Центральный техникум театрального искусства имени Луначарского на вечернее отделение. И довольно быстро стала там одной из самых способных учениц. Там же она подружилась с двумя своими ровесниками, которые впоследствии станут не менее знаменитыми, чем она: Верой Марецкой и Ростиславом Пляттом. С последним Миронова любила похулиганить – вывинчивала лампочки во всех подъездах на Сретенке, где располагался техникум. Причем заводилой была именно Маша: она взбиралась на плечи высокому Плятту, вывинчивала лампочку и прятала ее к себе в карман. Эти лампочки они потом меняли на любимое лакомство – пирожки с мясом, повидлом и капустой.

После окончания техникума Миронова встала перед выбором, в какой театр поступать. Вместе со своим однокашником Борисом Щукиным она написала на бумажках названия лучших театров и решила тянуть жребий. Вытянула Вахтанговский, но Щукин ее отговорил: сказал, что там все актеры молодые и новенькую будут постоянно затирать. Тогда Миронова отправилась во 2-й МХАТ. Там был большой конкурс, но Миронову не взяли не из-за

отсутствия таланта, а по возрасту – ей еще не было семнадцати. Она так переживала по этому поводу, что отец решил ей помочь. Он воспользовался своими связями в театральной среде и способствовал тому, чтобы Машу приняли во 2-й МХАТ.

Несмотря на юный возраст, Миронова достаточно быстро сумела освоиться в труппе и стала играть одну роль за другой. И хотя роли эти были небольшие, но даже в них она обнаруживала несомненный актерский талант. Например, на спектакле «Хижина дяди Тома», где она играла роль Фанни, побывал сам Владимир Немирович-Данченко и был в восторге от игры Мироновой. И когда спектакль закончился и они случайно встретились в гардеробной, признанный мэтр театра взял у гардеробщика пальто Мироновой и лично накинул его ей на плечи в знак уважения.

Однако этот успех юной актрисы нравился далеко не всем в труппе. Например, прима театра Серафима Бирман с самого начала невзлюбила Миронову. А потом случился скандал, который окончательно развел их по разные стороны баррикад. Бирман почему-то решила, что Миронова красит щеки, хотя применение косметики в театре было категорически запрещено. И однажды в буфете, при многочисленных свидетелях, Бирман подошла к Мироновой и провела носовым платком по ее щеке. Миронова возмутилась: «Вы что, с ума сошли?» С этого момента Бирман невзлюбила ее окончательно и бесповоротно.

Именно во время работы во 2-м МХАТе, осенью 1927 года, Миронова начала выступать на эстраде – читала произведения Чехова. Потом расширила свой диапазон и включила в свою программу юмористический номер – телефонный разговор с некой Капой. Эта интермедия имела феноменальный успех и стала тем счастливым билетом, который открыл Мироновой путь на большую эстраду. Кроме этого, после него на Миронову обратили внимание кинематографисты, пригласив ее сниматься в фильме «Городские неудачи».

Неожиданный успех, обрушившийся на голову юной актрисы, стал главным побудительным мотивом к тому, чтобы она покинула стены 2-го МХАТа. Причем уходила Миронова не в никуда – ее взял в свою труппу Московский мюзик-холл и положил 17-летней актрисе зарплату в пять раз большую, чем она получала во МХАТе. Даже ее недоброжелательница Серафима Бирман не получала таких денег. Кроме этого Мироновой дали главную роль в пьесе «Артисты варьете». Это была поистине роль-сказка: за границей ее играла знаменитая Элизабет Бергнер, а партнером ее был Михаил Чехов. В советском варианте этой пьесы партнером Мироновой стал Сергей Мартинсон, уже

известный зрителям по спектаклям Театра Мейерхольда.

Но если в творческой судьбе Мироновой все обстояло благополучно, то в обычной жизни все было сложнее. После того как новая власть раскулачила отца Мироновой и отобрала у него собственный дом, жить Мироновы были определены в коммуналку – в тесную комнату в густонаселенном доме в центре Москвы. Но даже там их не оставляли в покое. По доносу кого-то из соседей к Мироновым однажды нагрянули реквизиторы, чтобы произвести обыск и конфисковать все имеющиеся драгоценности. Дома в тот момент находилась одна Миронова, которая легко обманула непрошеных гостей, применив свой актерский талант. Она затолкала драгоценности в грелку и, улегшись на диван, положила ее себе на живот. Беспокоить «больную» девушку визитеры не решились и ушли ни с чем.

В первый раз Миронова вышла замуж в 1932 году, в 21 год. Ее мужем стал молодой известный оператор-документалист Михаил Слуцкий. Однако идеальным этот брак назвать было нельзя. Миронова была девушкой избалованной, своенравной и быстро сумела загнать под каблук мягкого и добродушного мужа. Во многом из-за этого не сложились и ее отношения со свекровью. В итоге очень скоро Слуцкий стал болеть, врачи обнаружили у него серьезное легочное заболевание. А тут еще на Миронову свалилась новая напасть – арестовали ее отца. И хотя через год его все-таки выпустили, это событие стало роковым: вскоре после освобождения отец слег с тяжелой болезнью. Следом за ним в эту же больницу попала и мама Мироновой. Мария навещала своих родителей, скрывая от них правду о состоянии друг друга. Но эта ложь не спасла родителей: они скончались в марте 1937 года. После этого Миронова тоже слегла и провалялась несколько месяцев. Депрессия могла длиться и больше, если бы не работа: Миронову пригласил в свою картину «Волга-Волга» Григорий Александров. Роль у нее была хоть и небольшая, но колоритная – секретарша Бывалова.

В 1938 году Миронова поступила работать в Театр транспорта, но пробыла там недолго – пару месяцев. Потом заболела и почти год нигде не работала. А когда в начале следующего года поправилась, ее пригласили работать в Театр эстрады. Именно там она и познакомилась со своим вторым, и последним, супругом – ленинградским эстрадным актером Александром Менакером. На тот момент тот был тоже несвободен: он был женат на артистке Ирине Ласкари и у них рос трехлетний сын Кирилл. Но, встретив Миронову, Менакер принял решение оставить семью.

Знакомство Мироновой и Менакера произошло за кулисами

Театра эстрады во время очередного приезда Менакера с гастролями в Москву. В перерывах между выступлениями артисты играли в популярную игру «балда», где Миронова была фаворитом – почти никогда не проигрывала. Именно эта черта и поразила в ней Менакера. Он стал к ней присматриваться, надеясь при первой же возможности познакомиться поближе. Однако это ему долгое время не удавалось, поскольку после каждого концерта Миронову встречал у служебного выхода ее супруг. Но Менакер продолжал надеяться. И счастье ему улыбнулось.

Однажды стылым осенним днем Слуцкий не смог вырваться к жене, и Менакер немедленно воспользовался ситуацией. Навязавшись в провожатые, он довел Миронову до парадного подъезда ее дома в Нижнекисельном переулке. Правда, первая прогулка выглядела не слишком романтично – всю дорогу они говорили исключительно о работе. Но впечатление друг о друге у обоих сложилось весьма лестное. Окрыленный этим успехом, Менакер спустя несколько дней назначил Мироновой новое свидание – у памятника А. Островскому, что возле Малого театра. Именно с этой встречи, собственно, и начался их роман. Отныне все свободное время Менакер и Миронова проводили вместе, гуляя по Москве (любимым местом их прогулок был Александровский сад). А когда гастрольная судьба вынудила их расстаться (Менакер уехал с гастролями в Харьков), оба только и делали, что считали дни и с нетерпением ждали момента, когда судьба снова сведет их вместе. Ждать пришлось недолго: уже зимой того же 1939 года Менакер вернулся в Москву, чтобы участвовать в сборных концертах в Зимнем театре сада «Аквариум». Романтические свидания возобновились. Влюбленные чаще всего встречались под сценой театра или в закулисных закоулках.

Несмотря на то что влюбленные тщательно конспирировались, скрыть от глаз коллег свои отношения им так и не удалось. Узнал об этом и муж Мироновой, однако скандала затевать не стал. Ему казалось, что это всего лишь мимолетное увлечение супруги, которое вскорости обязательно пройдет. Но он ошибся. Летом 1939 года, когда Менакер и Миронова гастролировали в Ростове-на-Дону, Миронова приняла окончательное решение расстаться со Слуцким. Внешне все выглядело спонтанно. Влюбленные сидели в тесной актерской компании в гостиничном номере, когда Миронова внезапно поднялась из-за стола и, отойдя в сторону, стала что-то писать. Подождав, когда все разойдутся, Менакер тактично поинтересовался у возлюбленной, что это она так сосредоточенно

писала. «Письмо Мише Слуцкому, – последовал ответ. – В нем я сообщаю, что мы должны расстаться».

Письмо должен был вручить Слуцкому режиссер Давид Гутман. Но тот поступил непорядочно. Пока ехал в Москву, не удержался от искушения и заглянул в конверт. И, когда приехал в Москву, рассказал о содержимом письма своему приятелю сценаристу Иосифу Пруту. А тот, в свою очередь, разнес эту новость всей столичной богеме. Вечером того же дня эта новость дошла до Слуцкого. Говорят, он был в шоке. Он искренне любил Миронову, многое ей прощал и совершенно не ожидал такого поворота событий. Но дело было сделано, и поворачивать назад Миронова была не намерена. Она была женщиной волевой, властной и никогда не меняла ранее принятых решений. Не случайно в актерской среде за ней закрепилось прозвище «ведьма с голубыми глазами».

Что касается жены Менакера Ирины Ласкари, то она о романе супруга не догадывалась и продолжала пребывать в неведении до августа 1939 года. Когда влюбленные вернулись с гастролей в Москву, первое, что сделал Менакер, – объяснился с женой. Она с трехлетним сыном вернулась после летнего отдыха с Волги и поджидала мужа в гостинице «Москва», чтобы через несколько дней отправиться вместе с ним в родной Ленинград. Но совместного возвращения не получилось. Как вспоминал сам Менакер, объяснение с женой вышло тихим, нескандальным. Ирина все поняла и отпустила мужа на все четыре стороны. И в тот же день уехала с сыном в Питер. Менакер приехал туда днем позже, чтобы сообщить радостную новость Мироновой (она была там на гастролях). Вскоре Менакер и Ирина оформили развод, и на следующий же день Менакер с Мироновой официально скрепили свой союз. На календаре было 26 сентября 1939 года.

Уже спустя несколько дней после бракосочетания молодая семья едва не распалась. Виноват был Менакер. Он в ту пору вел дневник, который и стал камнем преткновения. Это случилось 2 октября. В тот день Менакер приехал в Москву и заночевал у Мироновой. Это событие нашло свое отражение в его дневнике, в котором он записал свои краткие впечатления: мол, приехал в Москву, остановился у Мироновой. И неосмотрительно оставил дневник на ночном столике. Утром хозяйка проснулась раньше него, заглянула в дневник… и устроила дикий скандал. В таком гневе Менакер ее до этого никогда еще не видел. Она кричала, что он может убираться к чертовой матери, что она не публичная девка, у которой можно «остановиться». Буря бушевала больше часа. Но даже когда утихла, Миронова в течение нескольких дней продолжала дуться на супруга. И тому стоило больших усилий

буквально вымолить у нее прощение. Как напишет позднее он сам: «Потом я не раз переживал эти внезапные мироновские вспышки. Но тогда меня можно было поздравить с премьерой. Ничего не поделаешь, таково свойство ее характера».

Менакер переехал в Москву и стал работать в Театре эстрады вместе с женой. Впервые их фамилии были объявлены в одном эстрадном номере 10 октября 1939 года: они исполняли стихотворение И. Уткина «Дело было на вокзале» и песенки-диалоги Л. Давидович «Случай в пути» и «Телеграмма». Вместе они отправились и на 1-й Всесоюзный конкурс артистов эстрады, который проходил в Москве в декабре того же года. Там они выступали дуэтом и по отдельности: Миронова исполняла интермедии, а Менакер делал пародии. Последние его и погубили. Он пародировал артистов, которые входили в состав жюри. Миронова умоляла мужа не исполнять эти пародии, но Менакер ее не послушал. В итоге она удостоилась звания лауреата, правда, получив третье место, а Менакер заработал утешительный похвальный отзыв.

Весной 1940 года в репертуаре Мироновой появилась новая интермедия – «Нужна няня». Миронова играла все роли – трех разных нянь, которые приходят устраиваться в разные дома на работу. И надо же было такому случиться, что в разгар репетиций над этой интермедией – в конце мая 1940 года – Миронова забеременела. Тогда никаких УЗИ еще не существовало, и пол ребенка определить было практически невозможно. Но у будущих родителей были уже свои планы на этот счет. Менакер, у которого один сын уже был, хотел девочку, а вот Миронова загадала мальчика. Кому из них повезло, мы уже знаем.

Чуть ли не до самых родов Миронова продолжала выступать на сцене. Ее друзей это пугало, а вот дирекция театра была в восторге – спектакли с участием Мироновой собирали неизменные аншлаги и ее уход в декретный отпуск грозил театру убытками. Поэтому беременной актрисе создавались все условия для работы: ее не загружали на репетициях, пораньше отпускали домой. И даже интермедию соответствующую придумали: она играла упитанную блондинку-маникюршу из парикмахерской гостиницы «Метрополь».

В канун Международного женского дня 8 Марта в Театре эстрады и миниатюр, как всегда, шло представление. Миронова тоже в нем была занята, хотя врачи предупреждали ее об опасности такой ситуации – она вот-вот должна была родить. Но актрису это не испугало. Как результат: прямо во время исполнения миниатюры «Жестокая фантазия» у Мироновой начались схватки. Коллеги немедленно вызвали «Скорую»,

которая увезла роженицу в роддом имени Грауэрмана на Арбате. Стоит отметить, что Менакер узнал об этом одним из последних. Он в этом спектакле играл роль дирижера и находился в оркестровой яме, исполняя куплеты. Когда во втором отделении среди артистов Менакер не увидел своей супруги, ему стало дурно. А тут еще Рина Зеленая, игравшая одну из героинь, пыталась знаками показать ему, что Миронову увезли в роддом. Но делала она это так экспрессивно, что Менакеру почудилось что-то ужасное. Поэтому конца представления он дождался с трудом. А едва спектакль закончился, как тут же бросился в роддом.

Миронова разродилась 8 марта 1941 года горластым мальчишкой, которого назвали Андреем. По заявлению врачей, мальчик был совершенно здоров. Как покажет будущее, этот диагноз был верен лишь наполовину. У будущего великого актера была предрасположенность к аневризме. Судя по всему, она передалась Миронову по наследству от предков отца: от аневризмы умрет его отец, сестра отца, тетя.

С рождением сына перед молодыми родителями, которые часто вынуждены были уезжать на гастроли, встала проблема – поиск подходящей няни. Конечно, эту проблему можно было решить достаточно просто – если бы мать новорожденного на какое-то время бросила свою работу, целиком сосредоточившись на ребенке. Но Миронова наступать на горло собственной песне не хотела – в те годы она была на вершине успеха, дела в театре складывались для нее как никогда замечательно. Поэтому ребенку стали подыскивать подходящую сиделку. Нашли ее достаточно быстро. Это была Анна Сергеевна Старостина, которая до этого служила в семье старейшей артистки МХАТа Софьи Халютиной и зарекомендовала себя там с самой положительной стороны. И хотя Старостиной было уже за семьдесят, да и светским манерам она была не обучена (родилась в Нижегородской губернии и окала, говорила «утойди», «офторник» и т. д.), ее кандидатура устроила Менакера и Миронову. Хотя сомнения, конечно, были. Особенно когда Старостина потребовала себе в виде жалованья не только деньги, но еще… два килограмма «конфетов по выбору» и полтора литра водки. Последнее заявление повергло нанимателей в шок. Но потом все разъяснилось. Оказалось, что водка понадобилась нянечке исключительно в лечебных целях: она настаивала ее на полыни и перед обедом выпивала маленькую рюмочку.

Уже первые дни пребывания нянечки в доме показали молодым родителям, что они не ошиблись – Анна Сергеевна управлялась с новорожденным великолепно. Она умело пеленала

ребенка, гуляла с ним, ловко убаюкивала под свои колыбельные. Без участия матери тоже не обходилось: в антрактах руководство Театра миниатюр присылало в Нижнекисельный переулок машину, которая забирала маленького Андрюшу в театр, чтобы мама могла его покормить грудным молоком. Короче, детство будущего гения было вполне типичным для отпрысков людей искусства. Оно обещало быть совсем безоблачным, если бы не война, которая грянула спустя три с половиной месяца после рождения Андрея.

Война застала родителей Андрея в Москве. Накануне страшного дня 22 июня Менакер и Миронова ужинали в любимом летнем актерском садике «Жургаза» (Журнально-газетного объединения) на Страстном бульваре (слева от задника бывшего кинотеатра «Россия», ныне – «Пушкинский»). Погода в тот вечер была восхитительная, настроение у всех собравшихся было сродни погоде. Ни у кого и в мыслях не могло возникнуть, что спустя каких-нибудь несколько часов они проснутся совершенно в другом мире.

Воскресным утром 22 июня Менакер и Миронова еще спали, когда им домой позвонил их театральный врач Бурученков. К телефону подошел Менакер и услышал шокирующую новость: якобы немецкие самолеты вот уже несколько часов бомбят Минск. Поверить в это сообщение было невозможно. И Менакер в первые минуты и в самом деле не поверил. Чтобы развеять свои сомнения, он осторожно, чтобы не разбудить близких, оделся и вышел на Петровку. Улица была запружена народом. И у всех прохожих были растерянные, серьезные лица. Никто не улыбался. Менакер подошел к Столешникову переулку, когда из репродуктора раздался голос Юрия Левитана: «Внимание! Внимание! Говорит Москва…» Так москвичам объявили о начале войны.

Двадцать третьего июня Менакер должен был отбыть вместе с Театром эстрады и миниатюр на гастроли в Ереван (Миронова оставалась в Москве с сыном). Однако из-за начавшейся войны поездка была отменена. Было решено остаться в столице и в спешном порядке подготовить к выпуску антифашистский спектакль. Литературную композицию для пролога и музыку заказали Менакеру. Репетиции шли чуть ли не каждый день. А вечером в театре шли запланированные спектакли. Однако в начале июля Москву начали бомбить немецкие бомбардировщики и людям стало не до спектаклей. Сами Менакеры спасались от налетов в бомбоубежище, которое располагалось в подвале их дома на Петровке, 22. Так продолжалось до середины июля. Затем председатель Комитета по делам искусств М. Храпченко

подписал приказ, в котором предписывалось: всем женщинам-актрисам с детьми в кратчайшие сроки эвакуироваться из города. Поскольку Театр эстрады и миниатюр в ближайшее время должен был отправиться с гастролями в Горький, именно туда и предстояло ехать маленькому Андрею, его родителям и няне. Причем ждать отправления всей труппы Миронова не стала: узнав, что в Горький отправляется директор-распорядитель театра Климентий Мирский, она, прихватив Андрея и Аннушку, отправилась вместе с ним. Менакер должен был выехать чуть позже вместе со всеми. Но судьба распорядилась по-своему. Вот как об этом вспоминал сам А. Менакер:

«Поезд уходит поздно вечером. А до этого – тревога за тревогой, и мы сидим в бомбоубежище. Боимся опоздать на поезд. Бомба падает в дом на Неглинной. От взрывной волны разбиваются уникальные в нашей коллекции чашки Ломоносовского завода – они стояли на подоконнике, приготовленные для упаковки.

Отбой. Едем на грузовике на Курский вокзал. Грузимся. Опять тревога. Отправление поезда задерживается. Трудно расстаться с женой и сыном. Мирский предлагает мне ехать с ними. Театр все равно скоро приедет в Горький. В самом деле, почему бы и нет? И я решил ехать без билета…»

В Горький приехали следующим утром. Жить Менакеров определили в гостиницу «Москва». Правда, номер был заказан на двух человек, а приехали сразу четыре. Но эту проблему разрешили быстро: занесли в номер дополнительную кровать.

Менакер и Миронова с утра до вечера пропадали в драмтеатре и за маленьким Андреем присматривала Аннушка. Гулять обычно они выходили в скверик возле театра. Причем из-за отсутствия прогулочной коляски, которую оставили в Москве, ребенка приходилось все время держать на руках. Естественно, пожилая няня уставала. И однажды едва не случилась беда. Как-то вечером Менакер и Миронова возвращались после работы домой и по своему обыкновению шли через сквер, чтобы забрать с собой Андрея и Аннушку. И что же они увидели? Няня сидела на лавке и спала, а Андрей лежал на земле, скатившись туда с лавки. Супруги бросились к сыну, предполагая самое страшное. Но все обошлось: толстое одеяло смягчило удар и ребенок остался цел и невредим. Ругать пожилого человека не стали: такое могло случиться с каждым.

В начале августа в Горький прибыл Театр эстрады и миниатюр. Начались регулярные представления в драмтеатре, выступления в госпиталях. А во второй половине августа театр отправили в агитационный поход по Волге на теплоходе

«Пропагандист». Пятимесячного Андрея и няню Менакеры взяли с собой. Вчетвером они жили в каюте с двумя иллюминаторами почти на уровне воды. Агитпоездка длилась до конца октября. Затем теплоход отправился в обратный путь, а театр высадился в Ульяновске. На полуразбитом автобусе работников театра (более тридцати человек) привезли в гостиницу. Свободными оказались лишь два номера, куда всех и разместили. Но Менакерам повезло. В коридоре они встретили свою знакомую – сценаристку Ирину Донскую, супругу кинорежиссера Марка Донского, и она забрала их к себе в номер. А вечером того же дня у Андрея резко поднялась температура – до тридцати девяти градусов (видимо, он простыл, когда его выносили из жаркой комнатки на дебаркадере к автобусу). Все, естественно, переполошились, бросились искать лекарства, но к утру температура спала так же резко, как и поднялась.

Отыграв спектакли в Ульяновске, театр продолжил свои гастроли. Теперь его путь лежал в Куйбышев. Менакеру эта поездка была особенно радостна – в этом городе жили его родители, которые еще ни разу не видели воочию своего второго внука. Первого они уже много раз видели, к тому же в ту осень 41-го Кирилл Ласкари находился у них в Куйбышеве. Там и произошла первая встреча двух сводных братьев: шестилетнего Кирилла и восьмимесячного Андрея. Вот как об этом вспоминает сам К. Ласкари:

«Впервые я увидел Андрея на перроне железнодорожного вокзала. Шла война. «Ташкентский» прибывал в Куйбышев глубокой ночью. Очень хотелось спать.

– Сейчас мы его увидим, боже мой. Не спи, Кирочка, – говорил дед Сеня. Голова моя лежала у него на плече. Глаза слипались, убаюкивал цокот копыт по булыжной мостовой. На вокзал мы отправились заранее заказанным гужевым транспортом.

Из вагона Андрюшу вынес папа. Тетя Маша отдернула угол теплого одеяла, в которое он был завернут, и я увидел смешное личико спящего маленького мальчика.

– Это твой брат, – сказал, улыбнувшись, папа. Они, наши родители, папа, моя мама и тетя Маша, сделали так, что с малых лет наше отношение друг к другу было братским, родственным в подлинном понимании этого слова. Низкий им за это поклон…»

У дедушки и бабушки Андрей вместе с родителями пробыл около недели. После чего 11 ноября труппа выехала в Ташкент. Добирались туда девять дней. А когда наконец приехали, прямо на вокзале Андрей внезапно стал сильно плакать. Поначалу никак не могли определить причину слез, пока нянечка не догадалась

открыть младенцу ротик. Оказалось, у мальчика прорезался первый зубик.

Первую ночь труппа провела в фойе Театра оперетты. А утром следующего дня все отправились искать себе жилье. Сделать это было не так легко, если учитывать, что к тому времени Ташкент был буквально переполнен эвакуированными – сюда перебросили крупнейшие заводы, театры, киностудию «Мосфильм». И Менакерам снова повезло. На улице они встретили свою давнюю знакомую Клавдию Пугачеву (Менакер знал ее еще по своему ленинградскому житью-бытью), которая забрала их к себе – в однокомнатную квартиру в центре города, на Пушкинской улице. Менакерам и Аннушке была отдана под жилье кухня. Все спали на полу, причем Андрюше было выделено в качестве матраца каракулевое пальто его матери. Там они прожили несколько дней. Как будет вспоминать много позже К. Пугачева: «Андрюша был прелестный и спокойный ребенок с большими светлыми глазами. Даже когда у него поднималась температура, он как-то нежно и покорно прижимался к няниному плечу. Я ни разу не слышала его плача ни днем, ни ночью, даже тогда, когда он был сильно простужен и кашлял беспрерывно. Няня, показывая на меня, говорила Андрюше: «А вот эта тетя Капа. Понял? Тетя Капа», – повторяла она. Так до конца его дней он и называл меня «тетя Капа»…»

Спустя несколько дней дирекции театра удалось выбить для своих сотрудников более комфортное жилье – в гостинице «Узбекистон». Менакерам достался номер, в котором было две кровати. Обе заняли взрослые, а для Андрея Аннушка раздобыла корзину, которую она выклянчила у сердобольной узбечки – дежурной по этажу. Как нянечка умудрилась это сделать, Менакеры так и не поняли – узбечка ни слова не говорила по-русски. Но еще сильнее их ошеломило то, что раньше корзина служила местом, куда складывали грязное белье. Узнав об этом, Миронова категорически заявила: «Андрюшу я туда не положу!» Но нянечка и здесь нашла выход из трудного положения. «Ничего, я ее опарю». И целый день парила карзину, после чего столько же ее сушила. И только после этого родители Андрея разрешили уложить в нее сына.

В начале декабря Театр эстрады и миниатюр дал свое первое представление – в Доме Красной Армии Среднеазиатского военного округа. Прошло оно с огромным успехом, и военное начальство попросило труппу дать гастроли в воинских частях округа (Фергана, Самарканд и др.). Естественно, эта просьба была воспринята как приказ. Но не всеми. Мария Миронова отказалась уезжать из Ташкента, сославшись на то, что она кормящая мать и

что ее ребенок плохо себя чувствует. Может быть, в других обстоятельствах на этот отказ руководство театра закрыло бы глаза, но время было другое, военное. И директор театра по фамилии Махнуро… подал на Миронову в суд. Ситуация складывалась нешуточная, если учитывать, что по законам военного времени саботажникам грозило суровое наказание – вплоть до расстрела. Однако суд длился каких-нибудь несколько минут. Вот как об этом вспоминал А. Менакер:

«Для защиты мы обратились к одному из наиболее видных московских адвокатов, Леониду Захаровичу Кацу, тоже находившемуся в Ташкенте, и он согласился участвовать в этом «шумном процессе». И вот идет суд. Душное помещение набито до отказа. Тут актеры театра и многие наши друзья. Судья прочитала исковое заявление, в котором звучало грозное слово «саботаж», но не была указана причина отказа Мироновой от поездки. Когда Кац назвал причину, по залу пронесся гул возмущения. Представитель Дома Красной Армии развел руками, сказав, что его ввели в заблуждение, а судья сделала выговор директору: «Как вам не стыдно бросаться такими словами и отнимать время у суда?!» Естественно, справедливость восторжествовала, и театр поехал без Мироновой…»

Примерно около месяца Менакер с театром колесил по Узбекистану, после чего вернулся в Ташкент. Сразу после этого его семье удалось подыскать себе более подходящее жилье – частную квартиру на Учительской улице. За стенкой жил старейший драматург Константин Липскеров, а за углом – популярный актер МХАТа Осип Абдулов (спустя год он снимется в фильме «Свадьба», где произнесет свою крылатую фразу: «В Греции все есть!»).

Примерно через неделю, в январе 1942 года, Менакер снова уехал на гастроли. Миронова осталась в Ташкенте и откровенно изнывала от скуки (за Андреем большую часть времени приглядывала Аннушка). И однажды, будучи у Бернесов, она поделилась с ними своими мыслями на этот счет. И попала в точку. Как оказалось, Марк Бернес тоже давно подыскивал достойное занятие для своей жены-актрисы Паолы и предложил им с Мироновой выступать дуэтом. А тексты для будущих миниатюр надоумил заказать у драматурга Николая Погодина. Женщинам совет пришелся по душе. Так появился эстрадный дуэт Мария Миронова и Паола Бернес, который исполнял миниатюру «На Алайском базаре» (Миронова играла украинку, эвакуированную в Ташкент, а Паола – местную жительницу, торговавшую на базаре продуктами).

И все же на душе у Мироновой было неспокойно. Снова

заболел Андрей, причем очень серьезно. Он спал только на руках, и в течение недели они с няней днем и ночью попеременно носили его по комнате, пол которой был… земляным. Это были бессонные ночи, когда Миронова то и дело слушала, дышит сын или нет, и ей иной раз казалось, что уже не дышит. Андрей лежал на полу, на газетах, не мог уже даже плакать. Глазки у него совсем не закрывались. Каждый день Миронова уходила на базар и продавала последние вещи. А на базаре лоснящиеся от жира торгаши, сидящие на мешках с рисом, неизменно повторяли ей: «Жидовкам не продаем» (они почему-то упорно принимали ее за еврейку).

Между тем врач, которому она показала сына, сказал, что это похоже на тропическую дизентерию и что спасти мальчика может только одно лекарство – сульфидин. Но где его взять в Ташкенте? После нескольких дней безуспешных поисков Миронова впала в настоящее отчаяние – Андрей буквально таял на глазах. Она знала, что от этой же болезни некоторое время назад умер сын Абдуловых, и эти мысли приводили ее в отчаяние. Неужели эта же страшная участь ожидает и ее сына, ее Андрюшеньку? Смириться с этим было невозможно. Спасло чудо. На том самом Алайском базаре, про который шла речь в миниатюре Мироновой, она случайно встретила жену прославленного летчика Михаила Громова (в 1937 году вместе с А. Юмашевым и С. Данилиным он совершил беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – США, а теперь был командующим ВВС Калининского фронта) – Нину Громову. Узнав, какое лекарство необходимо Мироновой, она немедленно вызвалась помочь. В тот день в Москву летел спецсамолет, к отправке которого Нина Громова имела непосредственное отношение. Она наказала летчику связаться с ее мужем и передать ему настоятельную просьбу – достать сульфидин. Просьба была выполнена. Так будущий гений театра был спасен в очередной раз. Спустя много лет, встретившись с Михаилом Громовым, Миронова от всей души поблагодарит его за спасение сына.

К слову, Громовы были не единственными, кто отнесся к Мироновой и ее сыну с участием. В те же дни в Ташкенте оказалась знаменитая «королева романса» Изабелла Юрьева с мужем Исааком Эпштейном, и они, узнав о болезни Андрея, немедленно пришли в домик на Учительскую и принесли с собой несметные богатства: манную крупу, сахарный песок, шоколад. Объяснили, что только что получили из Москвы посылку и хотят поделиться ее частью с Андреем. Миронова, глядя на гостей, не могла вымолвить ни слова – только стояла и плакала. И опять много лет спустя, уже после войны, во время концерта Юрьевой в

Доме литераторов в Москве, Миронова придет к ней в гримерку и начнет благодарить за тот ташкентский эпизод. Юрьева удивится: «Машенька, как? Вы это помните?» – «Такое не забывается», – ответит Миронова.

Тем временем в конце марта должны были закончиться гастроли Менакера. Но после короткого пребывания в Ташкенте он снова уехал на очередные выступления: на этот раз в Барнауле, Новосибирске и Томске. Деньги, которые он привез с гастролей, быстро закончились, и его семье снова пришлось потуже затягивать пояса. Но в мае Менакер их здорово выручил – прислал переводом целых две тысячи рублей. Эти деньги он раздобыл, продав свое роскошное зимнее пальто с воротником и лацканами из серого же каракуля. И хотя пальто стоило вдвое дороже той суммы, что ему заплатили, но Менакер и этому был рад – он знал, что вырученных денег его семье хватит надолго.

В Ташкент Менакер вернулся в начале июня 1942-го. К великой радости отца, сын, который не видел его почти пять месяцев, узнал его и даже вслух выговорил слово «папа». Впервые выговорил! Словом «мама» он к тому времени владел уже в совершенстве.

Спустя неделю после возвращения в Ташкент Менакер взялся за подготовку новой эстрадной программы для театра. Еще через некоторое время программа была готова и состоялась ее премьера. Успех у нее был грандиозный. Причем настолько, что про нее прознали в Политуправлении Красной Армии и немедленно затребовали в Москву. Благодаря этому пребывание Менакеров в Ташкенте закончилось: в середине октября 1942 года они вернулись в Москву. Вот как вспоминала о тех днях М. Миронова:

«Москва была иной, чем мы ее покинули – строгой, дисциплинированной, малолюдной и поразительно чистой. Встретивший нас главный администратор театра Сергей Алексеевич Локтев, которому мы, уезжая из Москвы, оставили ключи от нашей квартиры, возвращая их, сказал, что первое время все-таки будет удобнее пожить в гостинице – номера ждут. В то время многие писатели и композиторы жили в гостиницах – там было теплее и можно было прикрепить карточки на обед.

Мы поселились в старой гостинице «Гранд-отель», действительно удобной и уютной. Теперь ее уже нет, на ее месте стоит новый корпус гостиницы «Москва».

Не успели расположиться, как стали приходить друзья – большинство в военной форме: Ленч, Изольдов, братья Тур, работавшие корреспондентами. Они рассказывали много интересного. Постепенно мы входили в ритм московской жизни.

Назавтра, с понятным волнением, мы отправились на Петровку. Удивительно, но дома все было в полном порядке. На кухне висели выстиранные перед отъездом пеленки и менакеровские носки, а в буфете – испеченный мною, тоже перед самым отъездом, песочный пирог с вареньем. Господи, с каким удовольствием мы его съели! Потом прошлись по Столешникову, Дмитровке, по проезду Художественного театра и вышли на улицу Горького, чтобы посмотреть на наш театр…»

В «Гранд-отеле» Менакеры прожили несколько дней, после чего перебрались в свою квартиру на Петровке. А еще спустя несколько дней главе семейства и его жене предстояло ехать с гастролями на Калининский фронт. Но прежде чем туда отправиться, надо было позаботиться о няне с сыном – на город еще продолжали совершать налеты немецкие бомбардировщики. К счастью, в этом же доме, на первых трех этажах, располагался Коминтерновский райисполком, с председателем которого – Турчихиным – Менакеры были знакомы. Как-то они ехали с ним в лифте и поделились своими опасениями насчет няни и сына. «Не беспокойтесь, – ответил Турчихин, – езжайте себе спокойно, а мы за ними присмотрим. Во время тревоги я буду отправлять к ним дежурного милиционера и он будет провожать их в бомбоубежище». У Менакера и Мироновой отлегло от сердца и спустя пару дней они со спокойной душой выехали в Калинин.

Вспоминает М. Миронова: «И вот наступил день отъезда. Рано утром за нами заехал грузовик, чтобы ехать на вокзал. В кузове его на досках сидели члены фронтовой бригады. Няня с Андрюшей вышли нас проводить. Увидим ли мы еще своего сына? Грузовик тронулся, а мы смотрели на удаляющегося Андрюшу – он казался маленьким и беззащитным – в ярко-красных длинных брючках и валеночках. Это был единственный парадный костюм, которым он страшно гордился. Красные брюки Аннушка Виноградова перешила из башлыка, подаренного кавалерийским генералом В. Крюковым, мужем Л. Руслановой, потому что сшить штаны было больше не из чего. Правда, башлык был из овечьей шерсти и очень «кусался». Андрюша все время чесался, а мы убеждали его, что так и нужно, зато тепло. Эти брюки назывались у нас «генеральско-кавалерийскими», а валенки, которые каким-то чудом раздобыл и подарил Андрею Матвей Блантер, называли «композиторско-музыкальными»…»

Домой Менакер и Миронова вернулись в начале декабря. А уже в середине этого же месяца в Театре эстрады и миниатюр состоялось открытие нового сезона. Был показан спектакль «Москвичи-земляки». Сразу после премьеры труппа взялась за новую постановку – спектакль «Без намеков». Короче, работы у

Менакера и Мироновой было невпроворот, и весь световой день, а иной раз и темную часть суток они пропадали на работе. И за Андреем продолжала следить его нянечка Анна Сергеевна, или просто Аннушка. Отношения между ними были очень теплыми. Аннушка, будучи человеком набожным, рассказывала мальчику о Боге и святых угодниках, учила молитвам и водила в церковь по воскресеньям и великим праздникам. Родители Андрея этому не препятствовали. Андрей нянечку очень любил, однако совершенно не боялся, в отличие от своей мамы, которая была действительным хозяином в доме – здесь любое ее приказание выполнялось беспрекословно. С Аннушкой Андрей вел себя куда более вольготно. Только ей он мог сказать то, что в его адрес частенько произносила мама: «Нянька, ты как соплюшка… Как коова… Как медведь…» Еще одним любимым словечком трехлетнего Андрюши Миронова было слово «белиберда», которое он произносил на свой манер – «пелиберда». В его устах слово звучало очень уморительно. Тем более если учитывать, что будущий гений был тогда толстым, губастым мальчиком с белесыми ресницами.

Как и всякий ребенок, Андрей в свои три года был крайне любознательным. Поскольку нянечка была человеком малообразованным и не могла толком ответить на все его многочисленные вопросы, Андрей буквально изводил ими своих родителей, а также многочисленных гостей, которые часто бывали в их доме.

Между тем именно в возрасте трех лет Андрей впервые посетил театр своих родителей. Пришел он туда с Аннушкой, которую об этом попросили Менакер и Миронова. И хотя Анна Сергеевна сроду ни в какие «кеатры» не ходила, здесь она не посмела ослушаться. И привела Андрея на утренний спектакль. Знай зачинщики этой идеи заранее, чем этот поход обернется, наверняка бы поступили иначе.

Гостей посадили на самые почетные места – в директорскую ложу. В тот день давали «Даму в черном», в котором играли оба родителя Андрея. И он, увидев отца на сцене, внезапно перегнулся через барьер и громко закричал на весь зал: «Папа!» И, удивленный, что отец не реагирует на его крик, закричал еще громче: «Па-па!» Зал взорвался от смеха. Смеялись и партнеры Менакера по сцене. А сам Александр Семенович был так обескуражен происходящим, что какое-то время не знал, что делать. А Андрей, видя, что зал бурно реагирует на его крики, разошелся еще сильнее: «Папа! Папа, это я!» Наконец первым нашелся один из артистов. Он вышел на авансцену и потребовал убрать ребенка из зала. На что Аннушка ему ответила: «Ребенок

отца увидал, что вам, жалко, что ли ча?!» После этих слов хохот в зале стал всеобщим. Играть дальше было невозможно, и руководство театра дало команду опустить занавес. А маленькому Андрею так понравилось быть в центре внимания, что он долго после этого случая приставал к родителям с одним-единственным вопросом: «Когда я снова пойду в театр?» Родители врали сыну, что скоро, мысленно буквально содрогаясь от подобной перспективы.

В ноябре 1945 года Менакер и Миронова отправились с гастролями в Берлин. Пробыли они там почти два месяца и домой вернулись 1 января 1946 года. Вернулись не с пустыми руками – они привезли сыну электрическую железную дорогу. Подарок был вручен Андрею прямо во дворе дома на Петровке, где он гулял вместе с нянечкой. Описывать восторг ребенка не имеет смысла – такой игрушки не было ни у одного из друзей Андрея.

Тем временем вскоре после возвращения из Берлина Менакеру и Мироновой пришлось покинуть Театр эстрады и миниатюр. Поводом к уходу послужила статья в «Правде», посвященная пьесе Менакера «Бронзовый бюст». Главная газета страны камня на камне не оставила от этой постановки, назвав ее «фальшивой комедией». После этого дни Менакера в театре, в котором он проработал более десяти лет, оказались сочтены. Следом за мужем ушла из театра и Миронова. У них был единственный путь – на эстраду.

Летом 1946 года Андрей во второй раз увидел отца и мать на сцене. И опять ничем хорошим это не закончилось. Случилось это в летнем театре сада ЦДСА во время представления «Товарищ публика». Вот как об этом вспоминала М. Миронова:

«В один из теплых летних вечеров мы взяли в сад ЦДСА шестилетнего Андрюшу. Он стоял за кулисами и внимательно слушал родителей. Вдруг в середине номера раздался дружный смех, которого мы совершенно не ожидали. Менакер даже осмотрел костюм: все ли в порядке по линии туалета? Мне почему-то приходит в голову мысль, что по сцене пробежала кошка, – у зрителей это всегда вызывает неописуемый восторг. Поворачиваю голову и вижу стоявшего на середине сцены Андрюшу с открытым ртом: он так увлекся творчеством родителей, что захотел разглядеть их поближе и вышел на сцену. Это был первый выход Андрея Миронова на эстраду…»

К слову, в семье Миронова царил откровенный матриархат: культ Марии Владимировны был беспрекословным. Ослушаться ее не смел никто, в то время как она могла делать все, что ей заблагорассудится. Могла кричать, ругаться, кидать в мужа тарелки и другую посуду. Менакер сносил эти вспышки

стоически, зная, что за минутным порывом гнева обязательно последует примирение. Маленький Андрей тоже терпел внезапные вспышки ярости матери, беря пример со своего отца. Однажды он спросил у папы, почему их мама так кричит на них, на что получил все объясняющий ответ: «Наша мама сильно устает». – «Но ты ведь тоже устаешь», – резонно удивился Андрей. «Мама устает больше», – поставил точку в этом споре отец. В этот миг из гостиной донесся зычный голос виновницы этого разговора: «Еврейчики, идите обедать». «Еврейчиками» Мария Владимировна в шутку звала мужа и сына.

Рассказывает Л. Маковский: «…К Андрею домой мы, его одноклассники, ходили почти каждый день. Ведь Мария Владимировна с Александром Семеновичем чаще всего были на гастролях, а с Андреем дома оставалась его няня Катя, к которой мы все быстро привыкли. В двухкомнатной квартире Андрея мы могли чувствовать себя свободно. Семья Андрея жила в достатке. Миронова и Менакер хорошо зарабатывали и, вероятно, могли купить сыну все, привезти из-за границы… Но – не привозили! Одевался Андрей точно так же, как и остальные мальчики. Вещей имел немного. И карманных денег – в обрез. При этом Андрей постоянно на что-то копил и то и дело урезал расходы на завтрак в школьной столовой. Как я потом понял, родители просто боялись испортить его карманными деньгами. Хотя были совсем не жадными людьми.

Помню такой случай. Как-то один наш одноклассник забежал к Андрею домой, да не застал. Ему открыл Менакер. Одноклассник говорит: «Очень нужно позвонить!» – «Пятнадцать копеек!» – отчеканил папа Андрея. Мальчик опешил – это же большие деньги для школьника, у нас пирожки в столовой давали даром, а на 15 копеек можно было в кино сходить… Ну, он подумал, дядя шутит, и начал звонить. Менакер же нажал на рычаг: «Пятнадцать копеек!» Мальчик покраснел, отдал последние деньги, позвонил и вышел обиженный. А потом в кармане нашел у себя рубль, подброшенный отцом Андрея, и понял, что его разыграли. Это, конечно, было удивительно: мы-то привыкли, что взрослые – люди серьезные. Кстати, Андрей тоже обожал придумывать шутки. Позвонить кому-нибудь, разыграть – это у него было в порядке вещей! С одной стороны, он был приучен к дисциплине. С другой – внутренне оставался свободен. Миронов доверял родителям все, а это знак, что они имели к нему подход. Я заметил, что Мария Владимировна уже с первого класса знала нас всех по именам, из каких мы семей, была в курсе всех наших школьных событий. Мы знали, что мама Андрея любит порядок и чистоту и в ее присутствии старались быть

аккуратными. При этом родители Андрюши отличались хлебосольством. Вот сколько Андрей приведет одноклассников, столько Мария Владимировна и накормит… Иногда Менакер и Миронова приходили в школу на наши классные вечера, что всегда производило настоящий фурор. Артисты такого уровня запросто сидели на стульчиках в нашем актовом зале! Мария Владимировна и Александр Семенович пользовались у нас большим авторитетом. Когда у Андрея не хватало аргументов в споре, он срезал нас так: «А мама (или папа) говорит, что это так!» И мы соглашались: «Ну раз такие люди сказали – значит, это и правда так…»

Принято считать, что чуть ли не с самого раннего детства Миронов мечтал стать артистом. Но это не совсем так. Ему всегда нравилось то, чем занимаются его родители, но он в то же время видел, каких огромных трудов им стоит актерская стезя. Поэтому были моменты, когда Миронов задумывался и о других профессиях. Правда, все они были связаны с искусством. Так, в старших классах школы он пробовал свои силы как художник, рисуя различные этюды. Затем увлекся стихами. А в конце обучения буквально заболел музыкой, джазом, и даже играл в школьном оркестре на ударных инструментах. Его мечтой в те годы было купить импортную ударную установку, которую он присмотрел в знаменитом музыкальном магазине на Неглинной улице. Но этой мечте так и не суждено было осуществиться: Миронова окончательно и бесповоротно увлек театр. И первый раз он вышел на сцену в седьмом классе, играя в спектакле школьного драмкружка «Русские люди» по К. Симонову роль немца фон Краузе. Роль была очень живая: в ней Миронов яростно клеймил фашистскую Германию. Видимо, клеймил очень достоверно, если уже на следующий день, 7 ноября 1955 года, Миронов проснулся знаменитым. Он вышел погулять во двор, и тут же вокруг него собралась толпа сверстников, которая наперебой принялась хвалить его за вчерашний спектакль. Кто-то даже протянул Миронову леденец, что было проявлением самой высшей дворовой славы.

Увлечение Миронова театром успешно продолжилось и в дальнейшем. В 9-м классе их классный руководитель Надежда Георгиевна Панфилова организовала театральную студию, в которую Андрей немедленно записался. Его первой ролью там был Хлестаков из «Ревизора». Чуть позже он стал посещать студию при Центральном детском театре. А еще – он постоянно ходил на все громкие столичные премьеры. Наиболее яркие детские театральные впечатления остались у него от спектаклей Центрального театра Красной армии. Он видел чуть ли не все его

спектакли, в том числе и знаменитую постановку «Давным-давно» с Любовью Добржанской в роли гусара-девицы Шурочки Азаровой. Из зарубежных постановок больше всего его потрясла игра актрисы «Берлинского ансамбля» Елены Вайгель в спектакле Б. Брехта «Матушка Кураж». Это была настоящая школа переживания – Вайгель играла все «по Станиславскому»: не показывала свою героиню, а проживала ее жизнь.

Летом 1958 года Миронов окончил десятый класс и твердо заявил своим родителям, что собирается связать свою дальнейшую судьбу с театром. Родители встретили это заявление без особого энтузиазма. Наиболее скептически высказалась мама, которая заявила: «То кривляние, что ты демонстрируешь в школе, театром назвать нельзя». Видимо, она просто боялась, что ее сын провалится на экзаменах и тем самым бросит тень на своих родителей. К счастью для отечественного искусства, Миронов нашел в себе силы ослушаться свою мать. Может быть, впервые в своей жизни.

Рядом с домом Миронова находилось целых два театральных вуза: Школа-студия МХАТ и театральное училище имени Щепкина. Если учитывать, что театральная студия при Центральном детском театре, где два года играл Миронов, тяготела к МХАТу, то Миронову была прямая дорога в Школу-студию. Но он вопреки всем прогнозам выбрал Щукинское училище. И выбрал не случайно: с вахтанговским театром тесно переплелась судьба его матери, которая считала Б. В. Щукина одним из главных своих учителей. А в кабинете самого Евгения Багратионовича Вахтангова Мария Миронова занималась, когда училась в Театральном техникуме (кабинет им отдала под занятия супруга режиссера, которая работала секретарем директора техникума).

Между тем первый тур Миронову не понадобился. Уже на консультации он так блестяще прочитал отрывок, что экзаменаторы засмеялись. Они увидели в нем зачатки будущего комика. И пригласили сразу – минуя первый – на второй тур.

Вспоминает Виктория Лепко (она поступала в «Щуку» в эти же дни): «Вы знаете, как бывает при поступлении. Сначала идут консультации, очень много народу, и все друг друга не видят, потом кто-то отсеивается, а какая-то группка остается. Тогда начинается общение.

Среди других такой толстый мальчик, всегда прыщавый какой-то был, чисто мужской красотой не привлекал внимания абсолютно, и даже казалось, что неуклюжий достаточно, застенчивый, можно сказать, закомплексованный, к девочкам не подходил.

Мальчик такой… я бы на него внимания не обратила. Даже как бы посочувствовала: бедный мальчик, родители обкормили, я думала, потом дети всю жизнь не могут похудеть и мучаются. Толстый мальчишка, думаю, бедняга. Такие дети всегда очень комплексуют, это в нем еще было.

Потом, когда подходил, начинал что-то рассказывать и как-то весело показывать и сразу совершенно преображался. Глаза искрились, а потом, когда мы начали заниматься всякими движениями, оказалось – он замечательно двигался при всей своей комплекции. Короче говоря, оказался очень обаятельным и веселым…»

Присущие Миронову обаяние и юмор сослужили ему хорошую службу – его приняли в «Щуку» (курс И. Рапопорта, А. Борисова). Как раз в те же дни с гастролей по Дальнему Востоку вернулись родители Миронова, и Мария Владимировна встретила на улице актрису Театра имени Вахтангова Марию Синельникову, которая входила в экзаменационную комиссию «Щуки». И та буквально сразила Миронову неожиданным признанием: «Ты знаешь, Маша, мы приняли парня с твоей фамилией. Очень смешной мальчишка!» – «Да это же мой сын!» – воскликнула Миронова, чем привела подругу в еще больший восторг.

Стоит отметить, что из отпрысков знаменитых родителей в группе Миронова оказались еще два человека: Виктория Лепко (дочь актера Театра сатиры Владимира Лепко) и Николай Волков (сын актера Николая Волкова).

По свидетельству многих, Андрей Миронов в начале своего обучения в «Щуке» был не очень выразителен, особенным талантом не выделялся. Вот Юрий Волынцев или Николай Волков выделялись, а он нет. Многие тогда удивлялись: вроде бы у него такие талантливые родители, а сын – так себе. И художественный руководитель курса Иосиф Матвеевич Рапопорт первое время тоже не видел в Миронове будущего гения сцены. Хотя глаз у него был наметанный. Перед этим он выпустил курс, который сразу выстрелил несколькими звездами: Василием Лановым, Вячеславом Шалевичем, Василием Ливановым. На мироновском курсе тоже были свои потенциальные звезды, только вот Андрей Миронов в их число поначалу не входил. Хотя учился он в высшей мере увлеченно, практически на одни пятерки. Если у него случались четверки, то он жутко переживал и всеми возможными способами старался их исправить. Его однокурсники недоумевали, зачем ему это – как сыну состоятельных родителей стипендия ему не полагалась. Но они не знали, что мечтой Миронова было получение красного диплома. Он не хотел подвести своих родителей и в первую очередь маму, которая была

очень строгим критиком.

На советской эстраде дуэт Миронова – Менакер пользовался неизменным успехом у зрителей. За почти полувековую творческую жизнь этот дуэт выпустил в свет несколько спектаклей, где показал зрителям больше двух сотен различных миниатюр. С ними считали за честь работать самые лучшие писатели-юмористы в стране, под их концерты выделялись лучшие концертные площадки. Роли-маски в этом дуэте выглядели неизменно: Менакер играл роль положительного мужа, а Миронова – роль невежественной и чрезвычайно амбициозной жены. Роли свои актеры исполняли виртуозно, хотя играть в общем-то ничего особо и не требовалось – в реальной жизни у этих артистов роли распределялись таким же образом: Менакер всецело находился под каблуком у властной Мироновой.

Вспоминает однокурсник Андрея по «Щуке» Михаил Воронцов: «Иногда Андрей приглашал нас в родительскую квартиру в Рахмановском переулке – разумеется, в их отсутствие. И после вечеринок мы с ним часами драили каждый уголок. Коллекционные тарелки Марии Владимировны перетирали все до одной. И даже прыскали духами, чтоб не пахло водкой. У Марии Владимировны нюх был, как у собаки Баскервилей! К ее приезду все должно было быть в идеальном порядке, она ненавидела пыль и грязь. Мирон перенял от матери любовь к чистоте, которую сохранял до конца своих дней. Его чистоплотность иногда доходила до настоящего занудства. Как-то пришел я к нему уже в его собственную квартиру в Волковом переулке, сел в кресло, а Андрей как завопит: «Ой, подожди, подожди, встань!» Взял какую-то тряпочку и обтер это место, расправил складки на покрывале и только потом разрешил сесть…»

После окончания «Щуки» Миронов мечтал попасть в профильный театр этого училища – вахтанговский. Но его туда не взяли, чем повергли в шок. Причем не только его, но и его маму. Поэтому она позвонила главному режиссеру театра Рубену Симонову и спросила: «Почему вы не приняли моего сына в театр?» Тот ответил честно: «У меня уже есть Лановой, Шалевич, Яковлев, Ульянов. Все довольно молоды и все хотят играть. Куда мне еще и Миронов? Пусть идет туда, где в этом есть необходимость».

В итоге Андрей попал в Театр сатиры. И, как оказалось, к лучшему – он быстро стал там ведущим артистом, настоящей звездой. Как объясняет его однокурсник М. Воронцов, который после «Щуки» попал в вахтанговский театр:

«…Надо сказать, что в Театре сатиры, куда поступил Андрей, ему было лучше, чем могло быть в вахтанговском. В «Сатире» все

решала супруга Плучека, которой Андрей очень понравился, поэтому он играл все роли, какие желал. Чувствовал себя свободно, мог сниматься в кино и ездить между спектаклями на коммерческие гастроли вдвоем с Папановым. Но иногда я чувствовал: Андрей так и не смирился с тем, что в Театр имени Вахтангова его не взяли…»

Кстати, у родителей Миронова с четой Плучеков сложились дружеские отношения – они периодически приглашались в квартиру Мироновой и Менакера на разного рода праздники.

Своего единственного сына Мария Владимировна опекала с раннего детства и заботилась о нем точно так же, как когда-то и ее мать о ней. Иногда эта забота была поистине маниакальной. Даже когда Андрей вырос, Миронова продолжала вмешиваться в его жизнь, в том числе и личную. Например, если ей не нравилась какая-нибудь из избранниц ее сына, она делала все, чтобы этой девушки в их доме больше не было. Так она расстроила множество любовных романов своего сына: с Натальей Фатеевой, Татьяной Егоровой, Екатериной Градовой. И только когда в 1975 году Миронов женился на Ларисе Голубкиной, Миронова вроде бы успокоилась. Видимо, наконец поняла, что сын ее уже окончательно вырос и имеет право самостоятельно устраивать свою жизнь.

Миронова и Менакер подняли планку искусства эстрады достаточно высоко. Они сумели и сыну своему, Андрею Миронову, не только передать гены, но и привить вкус и любовь к эстраде, на которой он блестяще выступал, унаследовав музыкальность, интеллигентность, тактичность отца, блеск, остроту, темперамент и яркость матери.

Шестого сентября 1978 года в газетах появилось сообщение о том, что родители Андрея Миронова удостоились высоких званий: Мария Миронова стала народной артисткой РСФСР, а Александр Менакер – заслуженным артистом РСФСР. Будучи тогда плотно занятым на съемках, их сын поздравил родителей по телефону.

Между тем последним совместным спектаклем Мироновой и Менакера стал «Номер в отеле» по пьесе Нила Саймона, который увидел свет за два года до присуждения им высоких званий – в 1976 году. Они играли его несколько лет, пока в начале 1980-х Менакера не свалил инсульт. В марте 1982 года он скончался. Этой трагедии предшествовали следующие события.

Шестого марта Александр Менакер собрался на свою обычную утреннюю прогулку. Он оделся, вошел в комнату, где сидела его жена, но внезапно схватился за сердце. Произнеся только одно слово «Маша!», он рухнул замертво на пол.

Приехавшие по вызову врачи были бессильны – смерть наступила мгновенно. Менакер не дожил до своего 69-го дня рождения (8 апреля) чуть больше месяца.

Вспоминает Ф. Чеханков: «Шестого марта 1982 года мне позвонила Лариса и сказала, что Александра Семеновича не стало. Я примчался на Арбат, он лежал на том самом красном диванчике, где обычно отдыхал Андрюша. С подвязанным подбородком, по старому русскому обычаю. Мария Владимировна выглядела окаменевшей. Потом я уехал на спектакль. В тот вечер я играл «Лес». Когда я вернулся после спектакля, Александра Семеновича уже увезли. Мне говорили, что, кажется, единственный раз в жизни Мария Владимировна громко закричала, – когда его увозили…»

Собщить Миронову эту страшную новость по телефону никто не решился. Решили дождаться, когда он приедет в Москву. Однако и 7 марта утром, когда Миронов переступил порог квартиры на Селезневской улице, его жене Ларисе Голубкиной не хватило сил сказать ему о смерти отца. Уж больно уставшим выглядел гастролер. Практически сразу он завалился спать, чтобы вечером отдохнувшим выйти на сцену (он должен был играть в «Бешеных деньгах»). Когда Миронов проснулся, он обнаружил в доме своего сводного брата Кирилла Ласкари. Он-то и сообщил ему горькую весть. А 8 марта, в день рождения Миронова, в их семью пришла еще одна скорбная весть: умер давний друг их семьи Леонид Утесов. Дядя Ледя, как называл его в детстве Миронов. По злой иронии судьбы, в тот праздничный день по ТВ показали традиционный «Голубой огонек» (21.35), где принимал участие и Андрей Миронов – он пел шуточную песню «Ну чем мы не пара?». Однако запись «Огонька» происходила почти месяц назад, когда на душе у Миронова были совсем иные чувства. А в тот праздничный день смеяться и петь ему совсем не хотелось.

Десятого марта состоялись похороны Александра Менакера. Гражданская панихида прошла в Доме актера. Народу пришло много. Лифты там были маленькие, поэтому гроб с пятого этажа пришлось нести на руках. Похороны состоялись на Ваганьковском кладбище.

После смерти мужа Миронова какое-то время не работала. Ее сын, понимая, что только работа может вывести мать из депрессии, посоветовал ей вернуться в театр. Миронова устроилась в театр «Современник», где получила роль в спектакле «Эшелон».

Тем временем 2 января 1985 года в Центральном доме актера имени А. Яблочкиной состоялась презентация книги мемуаров Марии Мироновой и Александра Менакера под названием «В

своем репертуаре…». В тот вечер зал был полон: пришли все, кто был близко знаком с четой Менакер – Миронова, кто на протяжении многих лет восторгался их талантом. Вечер удался на славу. Мария Владимировна была истинной «королевой бала»: одна, а также вместе с сыном она читала отрывки из книги, а когда присела отдохнуть, то Андрей продолжил развлекать публику без нее. Вместе с композитором Яном Френкелем, который сел за рояль, он исполнил шуточные куплеты, танцевал.

Стоит отметить, что с тех пор, как из жизни ушел Александр Менакер, Миронов сблизился с матерью еще сильнее. Понимая, как тяжело ей приходится без мужа, который долгие годы был и ее сценическим партнером, сын стал частенько брать мать в свои гастрольные поездки. И публика с неменьшим восторгом стала принимать новый дуэт – матери и сына Мироновых. Однако дальше концертов дело все-таки не шло. Некоторые из друзей предлагали Миронову похлопотать за мать перед Плучеком, чтобы тот взял ее в Театр сатиры. Но Миронова эта мысль страшила. Вот как об этом вспоминает Ольга Аросева:

«Когда Мария Владимировна осталась без мужа и партнера, она, мне кажется, не прочь была бы поработать в нашем театре. Какое-то время спустя я в шутку пожаловалась Андрею на свою дальнейшую жизнь в «Сатире»: «Вот, Андрюша, придет твоя знаменитая мать, ты введешь ее на мою роль Чебоксаровой-старшей, и я снова буду без работы сидеть…» Он ответил очень серьезно: «Ольга Александровна, я сделаю все, чтобы моя мать здесь, в театре, работала, если она этого захочет. Потому что она моя мать. Но самым несчастным человеком после этого стану я. Она мне жизни не даст».

Никто тогда не мог себе представить, что жить Миронову остается всего-то чуть-чуть, причем в его смерти вины матери не будет вовсе. Впрочем, не будем забегать вперед.

Первая любовь: Галя Булавина (Дыховичная)

Первая любовь случилась у Андрея Миронова, когда он учился в школе. А попал он туда 1 сентября 1948 года, причем фамилия у него тогда была по отцу – Менакер. Это была 170-я мужская школа (теперь – 49-я средняя школа) в нескольких минутах ходьбы от его дома на Петровке – она располагалась на Пушкинской улице. В этой же школе в разное время учились Марк Розовский, Людмила Петрушевская, Эдвард Радзинский, Василий Ливанов, Геннадий Гладков, Наталья Защипина (одноклассница Миронова) и другие известные ныне деятели отечественной культуры. О том, каким тогда был Андрей, вспоминает Елена Петрова:

«Мы учились в соседней женской школе на Петровке (от мироновской школы ее отделял забор. – Ф.Р.). Через двор Миронова, проходной, мы с девчонками обычно шли на каток «Динамо». Я помню очень хорошо, как Андрей и еще трое ребят всегда ходили шеренгой посреди улицы, очень гордые, очень заносчивые, всегда ужасно воображали. Тогда мы одевались очень однообразно, серо, и все смотрели на Андрюшу Миронова, сына знаменитых артистов, как он одет! Ему покупали шикарные вещи, иностранные. К тому же он пересыпал свою речь английскими словечками, пел под Армстронга. Американец, одним словом. Рыжий, толстый, всегда с больной воспаленной кожей, он тем не менее производил на нас совершенно неотразимое впечатление. О нем все время сплетничали, им интересовались. Ему симпатизировали…»

Первая любовь пришла к Андрею Миронову в 1955 году в облике его одноклассницы Гали Булавиной (Дыховичной). Вместе молодых людей свела школьная реформа: именно в том году 170-ю мужскую школу объединили с соседней женской школой и в Советском Союзе возродились смешанные классы. С Галей Андрей был знаком и раньше: их родители дружили и соседствовали по дачному поселку писателей на Пахре (Галя – сестра ныне известного кинорежиссера Ивана Дыховичного и дочь того самого поэта и драматурга Владимира Дыховичного, который написал серию песен про маленького «почемучку» Андрюшу Менакера). Андрей и Галя вместе росли, однако любовь к друг другу к ним пришла только в школе.

Вспоминает Л. Маковский: «И вот в седьмом классе к нам присоединились девчонки из соседней расформированной школы.

Это было событие! К тому времени из класса как раз поуходила вся шпана – они предпочитали поступать в ПТУ. Оставшиеся же стали менять свое поведение прямо на глазах. Мы подтянулись, перестали употреблять грубоватые словечки, начали более старательно одеваться, хотя возможностей было мало. Мальчики в основном ходили в кителях или гимнастерках, девочки – в коричневых платьях и черных передниках. Андрей первый задал тон. Он обращался к девочкам на «вы», останавливался у двери в класс, пропуская их вперед, а первой красавице школы Галине Булавиной помогал нести портфель. Это производило впечатление. А как он остроумно и легко мог пошутить! Несомненно, Андрей мог рассчитывать на внимание Гали, хотя она была очень красивой, очень гордой… Иссиня-черные волосы, белая кожа, стройная фигура – яркая, восточная красота. И одевалась Галина хорошо: помню, для походов в театр она имела отдельный костюм. Большая редкость по тем временам! Даже к школьному платью Галя могла повязать изящный шарфик – и оно уже смотрелось совсем иначе. Она была из интеллигентной семьи, мама – балерина, отчим – известный драматург Владимир Дыховичный. Он иногда писал номера для Мироновой и Менакера. Так же, как и у Андрея, у Галиных родителей была дача в Красной Пахре. Словом, семьи дружили. Но до некоторых пор Андрей с Галей были просто добрыми приятелями и соседями. А оказавшись в одной школе, по-настоящему друг друга разглядели. Писали друг другу записки, иногда вместе ходили в кино…»

А вот что вспоминает сама Галина: «Андрей был не развязный. Не избалованный. В общем-то, скромный и даже стеснительный. Он долго меня добивался. Наверное, год. В седьмом классе мы как бы приглядывались друг к другу, а дальше… Записки писали, стихи. Нет, не смешные, а про любовь. В конце десятого класса нас уже рассматривали как сложившуюся пару.

Подарки Андрей мне не дарил. Родители нас не баловали деньгами. Совсем другое время было – в кино ходили в складчину и подарки на свой день рождения я, скорее, получала от его родителей, но как будто от Андрея. Его родители, несмотря на то что семья была очень обеспеченной, деньгами не баловали.

Наш первый поцелуй был в школе. Андрей был сильно мной увлечен, хотя другим девчонкам он тоже нравился и они к нему приставали. Но тогда я была уверена, что я у него одна. Андрей не был красавцем. Пухленький, точно такой же, как в своем первом фильме «А если это любовь?».

Первый раз мы откровенно друг другу признались в любви в

Пестове, куда поехали навестить его папу Александра Семеновича. Мы плыли на пароходе, потом шли через лес, вокруг была такая красота… Ну и раскрылись друг другу. Красиво было, может быть, вы поймете, как это бывает…»

Тем временем, еще будучи школьником старших классов, Миронов начал готовиться к поступлению в театральное училище Щукина. Готовился так целеустремленно, что даже не остался гулять на выпускном вечере, потому что на следующий день у него был экзамен в «Щуке». Он ушел, а его любимая девушка Галя Дыховичная осталась одна и страшно обиделась на своего кавалера, не поняв такой правильности. «Вот девушку оставил одну», – думала она.

Рассказывает Л. Маковский: «…Мы уже привыкли к тому, что Андрей и Галя – пара и у них «все серьезно». Даже говорили о том, что они поженятся. В те годы ранние браки были не редкостью, потому что близость до свадьбы – этого почти не бывало, на такое ни одна девушка не решилась бы! Только прогулки, поцелуи, робкие ухаживания… А Андрей уже тогда был увлекающимся, пылким. Родители с обеих сторон эту дружбу одобряли, и для свадьбы препятствий не было. Но проблема оказалась в характере Андрея. Во-первых, он уже тогда демонстрировал, что актерская профессия для него на первом месте. Не каждый ученик ушел бы с выпускного вечера, чтобы готовиться к экзамену в театральный. А он ушел сразу после торжественной части. И Галя осталась одна, без кавалера… Но одноклассницы рассказывали, что разошлись они не сразу, а уже когда Андрей был на первом курсе, потому что Андрей приударил за своей однокурсницей в Щукинском училище. У Гали был решительный, строгий характер, она таких вещей не понимала. Потом Андрей пытался помириться. Но она не простила…»

Об этом же и слова Галины: «Мы поссорились потому, что он… загулял, что ли. Теперь я думаю, что, наверное, в училище девчонки были более раскованными, чем я. Более доступные, что ли. У нас же близости не было, хотя доходило почти что до… но я была девушкой, может быть, излишне строгих правил…

Расставаться с Андреем было очень жалко. Но в 18 лет предательство не прощается. Я оказалась свидетелем его проделок и не смогла пережить. Я сказала: «Все. До свидания, наши дороги разошлись». Он делал попытки помириться. Но у меня такой характер занозистый. Я очень переживала. И родители наши тоже переживали…»

Спустя год после расставания с Мироновым Галина вышла замуж за другого и потом с тем мужем прожила всю жизнь. Она работала на «Мосфильме», у нее родилась дочка. А когда у той

появился сын, то назвали его… Андреем.

Девушки из «Щуки»

Как ни странно, но после расставания с Галиной постоянной девушки у Миронова так и не появилось. Он пытался ухаживать за некоторыми своими однокурсницами (а с ним учились Виктория Лепко, Ольга Яковлева, Валентина Шарыкина, Ирина Бунина и др.), а также девушками с других курсов, но во что-то серьезное эти связи обычно не выливались.

Вспоминает В. Лепко: «Домой к Андрюше ходили мальчишки, но меня он тоже несколько раз приглашал. Квартира меня поразила обилием фарфора, на стенах, на шкафах – везде тарелки фарфоровые. У нас – а жили мы в том доме, где сейчас находится Театр сатиры, – все стены были голые, только фотографии мамины. Андрюшина квартира хоть и не очень большая, но очень богатая, хорошо обставленная, изобилие диковинных, редких и красивых вещей, даже хотелось бы поменьше, на мой вкус.

Только один раз столкнулась дома с его мамой. Очень странные были отношения. У меня ощущения остались свои, непохожие на те, что наши однокурсники описывают. Может, потому, что я девочка или у нее настроение не заладилось в тот день, когда я к ним пришла, допустим. Может, она готовилась к концерту, не знаю. Она вышла, увидела меня и сказала:

– Да, да, да, здравствуй, деточка.

Она знала моих родителей еще со времен мюзик-холла. Довольно суховатая была женщина, строгая, я ее всегда побаивалась, честно говоря. Вот не знаю почему. От нее всегда каким-то холодом веяло, с первой встречи. Она так и ушла к себе, а Андрюша меня быстренько провел в свою комнату. И тут последовало новое разочарование… Мальчишки рассказывали, что мироновская домработница всегда, когда они приходили, их всех кормила, потому что студенты вечно были голодные. А я помню, мы сидели с Андрюшкой в его комнате, болтали, готовились к экзамену. Он к тому времени мне немножко понравился. Как мужчина, он меня все-таки обаял, и потом его работы не могли оставить равнодушной. Я смотрела на него уже с восхищением, он мне нравился. И домработница сказала:

– Андрюша, иди ужинать!

И он пошел ужинать, а я осталась сидеть одна в комнате.

Я не была голодной, но меня это задело, даже травмировало. Как будто какой-то красивый, очаровательный, много раз слышанный миф – умер. В то время к моей маме весь двор приходил есть какую-нибудь картошку.

При всей моей симпатии к Андрюше я понимала, что он –

домашний мальчик, мамин мальчик, это было ясно. Немножко даже подкаблучник. Тогда он казался достаточно избалованным при маме, при папе. Но держали его в большой строгости. Конечно, мама всегда главенствовала в их семье, задавала тон, а Александр Семенович был более мягким, добрым, обаятельным. Вот от него не веяло холодом. Казалось, что, скорее, отец сделал сына, чем мать…»

А вот что вспоминает о тех годах Валентина Шарыкина, которая, оказывается, была тайно влюблена в Миронова:

«Мальчики за мной не ухаживали. Наверное, потому, что была дико застенчивая и одета бедно – у мамы не хватало денег на дорогие наряды, она и так, как могла, мне помогала. Хорошо хоть квартирный вопрос не стоял, мы обменяли сибирское жилье на московское. Бабушкины стоптанные туфли, черная юбка и синяя кофта – гардероб на все случаи жизни. К своему внешнему виду я относилась совершенно спокойно. С детства помнила мамины слова: «Валечка, важно быть добрым человеком, а одежда – дело второстепенное. Хорошо, если у тебя будет возможность нарядно одеваться. Если нет – как-то приспособишься».

Конечно же, я замечала, как одеты другие студентки. Например Ольга Яковлева, будущая муза Анатолия Эфроса.

Андрюша Миронов очень мне нравился, периодически в него даже влюблялась, но никогда не позволяла себе показать чувства. Миронов ни от кого не скрывал своих бесконечных любовных романов, он в этом вопросе был мотыльком: сегодня один цветочек, завтра другой, послезавтра третий, а мне «времянкой» быть не хотелось. К тому же Андрюша очень симпатизировал моей подруге Викушке Лепко, пани Каролине из «Кабачка». В нее невозможно было не влюбиться: изящная, женственная, хрупкая, как фарфоровая куколка.

Мне кажется, Андрюшино чрезмерное увлечение женским полом шло от внутренней неуверенности в себе. Его родители – мои любимые Александр Менакер и Мария Миронова – были состоявшимися артистами, яркими личностями, неудивительно, что он хотел доказать и родным, и всему человечеству, что и сам, без протекции, может многого достичь на сцене. Часто мучился от своей зодиакальной «рыбьей» трусости и нерешительности, не мог без внешней поддержки ощутить себя героем-победителем и находил ее в женской любви. Когда им восторгались, отвечали взаимностью, он вырастал в собственных глазах, освобождался от родительской ауры и начинал верить в себя.

Благодаря Миронову я действительно стала актрисой. Это была незамысловатая история отстающей ученицы и талантливого учителя. Дело в том, что мои стеснительность и

зажатость, непобедимые даже на уроках актерского мастерства, почти привели к исключению из института, педагоги лишь условно перевели меня с первого курса на второй. Миронову как старосте группы сказали:

– Подтяни Шарыкину.

– Без проблем.

Мы много репетировали отрывок из «Загадочной натуры» Чехова, и я еще больше влюбилась в Андрюшу, такой он был улыбчивый, радостный. Иногда вспыльчивый, но всегда солнечный, как Олег Попов. Кстати, у клоуна все-таки была некоторая сероглазая жесткость, а у Андрея – только солнечное свечение. Жаль, что человек был ведомый. Под чей каблук попадал, так себя и вел. И все же надо понимать: он, как и я, по знаку зодиака Рыбы – мы на злости не зацикливаемся. Вспоминаю его, и опять улыбка и теплое чувство на душе…

В Театре сатиры оказалась тоже благодаря Андрею. Получив диплом, я подошла к нашему педагогу Александру Сабинину:

– Что посоветуете? Ефремов берет в свой театр.

– Неплохо.

– Но есть еще вариант – Театр сатиры. У Миронова перед показом заболела партнерша, он попросил подыграть ему, и теперь нас зовут обоих.

– Лучше иди к Плучеку. С твоим характером в «Современнике» тебя слопают!

Но и в «Сатире» было все не так просто. Моя мамочка всегда ко всем с улыбкой, и я улыбаюсь, радуюсь, а за моей спиной: «Какая хитрая, со всеми заигрывает, всем «Здравствуйте!» Почему хитрая? Думаю, желать людям здоровья – это хорошо. Тем не менее я быстро получила роли в спектаклях «Проделки Скапена» и «Дон Жуан, или Любовь к геометрии».

Через некоторое время Валентин Плучек начал ставить «Безумный день, или Женитьба Фигаро», главная роль досталась Миронову, а его возлюбленной Сюзанны – мне. Год ее репетировала, но все не складывалось, а потом почувствовала – Андрей меня не принимает. Наконец подошел и честно, без обиняков, сказал: «Пойми, мне нравится работать с актрисами, которых я, как бы это выразиться, изучил досконально».

Я догадывалась, что у него в это время был роман с Таней Егоровой, но промолчала, не стала ничего говорить. А дня через три-четыре Плучек снял меня с роли. Получилось классически: Миронов породил актрису Шарыкину, он же ее и убил. После неудавшейся Сюзанны я тринадцать лет играла в «Фигаро» в массовке. Правда, и у Тани роль не пошла, она замечательна как актриса эпизода, и Плучек это вовремя заметил.

Никого ни в чем не виню. И во времена моей молодости, и сейчас – каждый пробивается как может. Кто-то умело, по расчету выходит замуж, кто-то заводит нужного любовника. В театре важнее всего, чтобы режиссер тебя любил. Вот, например, Анатолий Эфрос просто обожал Олечку Яковлеву и не мыслил без нее ни одного спектакля. И Валентин Плучек, и Танюша Васильева (Ицыкович) – удивительный творческий тандем, вместе они создали много интересных образов. У меня такого счастья не было, все думала: ну баловство это, не по мне, не могу, и так далее. Теперь понимаю: те, многие, жили правильно, это я неправильно жила…»

Еще одна сокурсница Миронова – Ольга Яковлева – вспоминает о нем следующее:

«…В институте надо было сдавать экзамен или зачет по вокалу. Как и в танце, я оказывалась в паре с Андреем Мироновым. Так нас видели: в танце – с ним, французский отрывок – с ним; дипломные спектакли – с ним. (И с Колей Волковым – мой театральный «пожизненный» партнер.)

И вот зачет по вокалу. Мы разучивали какую-то оперетку – что еще мы могли петь. И в этой оперетке мы пели в паре. Но Андрей пел хорошо, он с голосом и слухом. А я, без голоса, могла только подыгрывать, как танцующая партнерша. В экзаменационной комиссии сидела как председатель Мария Хрисанфовна Воловикова (проректор по учебной части), которая меня почему-то любила во всех проявлениях. Как, впрочем, и Борис Евгеньевич Захава.

Уж не знаю, что я вытворяла в оперетке, как «подпевала». Но потом весь курс рассказывал, покатываясь со смеху, что, когда мы появились перед комиссией, и я открыла рот, Мария Хрисанфовна всплеснула руками и громко сказала: «Ой, Олечка поет!» И, видно, она так громко это повторяла, что моего пения, собственно, и не было слышно, слава богу.

С танцем у меня дела обстояли благополучно. Моим постоянным партнером был Андрей Миронов. Впоследствии он замечательно двигался, танцевал в театре, в кино. А в ту пору, когда мы были еще совсем юными, почти детьми, – что он вытворял в танце! Он умудрялся подпевать, хныкать, стонать, сопеть, кряхтеть… все, что можно зарифмовать, проделывал. А когда меня в вальсе надо было подбрасывать вверх, он подбрасывал и иногда не ловил! Я приземлялась на собственные ноги с грохотом, ругалась и говорила: «Все, я с ним больше не буду танцевать!»

На выпускном вечере большая часть мужского населения курса сделала мне предложение руки и сердца, уж не знаю,

почему на них это нашло тогда. То, что я уже два года замужем, они в расчет не принимали (супругом Яковлевой в ту пору был знаменитый футболист Игорь Нетто. – Ф.Р.). Я говорила: «Ну как это предложение? Коля, ты с ума сошел? Я ведь замужем!» А они отмахивались – да чего там, мол! А что такого? Что такого-то? Ну была – так не будешь! За меня выйдешь. Причем никто на протяжении жизни не отказался от того, что когда-то на выпускном вечере сделал мне предложение…»

Несостоявшаяся жена: Наталья Фатеева

Родители Андрея понимали, что их сын уже достаточно взрослый человек и нуждается в отдельной жилплощади, куда бы он мог смело водить как своих девушек, так и друзей. Те студенческие гульбища, которые Миронов устраивал в доме в момент отсутствия родителей, последним не могли нравиться: во время них опустошался бар Менакера, билась посуда и происходили другие нехорошие вещи. Поэтому на семейном совете было решено приобрести Андрею отдельную жилплощадь. Это переселение произошло в 1960 году, когда Миронов окончил второй курс. Отныне он стал жить в комнате в коммунальной квартире в Волковом переулке, что поблизости с зоопарком. Это была 18-метровая комнатка, разделенная на две половины – гостиная и спальня – полкой для книг. Кухня была крохотная – всего 5 метров. Однако и этому жилью Андрей был рад: в последнее время он стал тяготиться жизнью с родителями, особенно с матерью, которая пилила его и учила жить. А теперь он был предоставлен самому себе и мог, что называется, «оторваться по полной» – водить туда друзей и девушек. Последних особенно, поскольку в Андрее проснулся изысканный бабник.

Холостяцкая жизнь Миронова длилась несколько лет и могла закончиться летом 1962 года при весьма интересных обстоятельствах. В те дни ему пришло очередное приглашение сниматься в кино. На этот раз предложение исходило от режиссера Генриха Оганесяна, который на киностудии имени Горького готовился к съемкам комедии «Три плюс два» по пьесе Сергея Михалкова «Дикари». Стоит отметить, что в пьесе главными героями были люди в возрасте – им было за сорок. Но Оганесян решил значительно их омолодить, для чего ему и понадобились актеры в возрасте от двадцати пяти до тридцати. И хотя Михалков был категорически против такого поворота, режиссер сумел выиграть спор и в середине лета приступил к поискам подходящих актеров. Пробы проходили на Рижской киностудии, которая взялась помогать студии имени Горького в постановке этого фильма (для рижан это была только 4-я по счету полнометражная лента). Однако на молодой киностудии не оказалось цветной кинопленки, что затянуло подготовительный процесс на две недели. В итоге только к началу августа все утряслось: был сформирован творческий коллектив, выбраны актеры.

Мужская половина выглядела следующим образом. На роль

Сундукова был утвержден ленинградский актер Геннадий Нилов (отец нынешнего «мента» Алексея Нилова), у которого это была первая главная роль в кино, на дипломата – Евгений Жариков (вторая главная роль после «Иванова детства», 1962), на Рому Любешкина – Андрей Миронов, который знал Жарикова по совместной работе в картине «А если это любовь?».

На роли девушек пробовались многие известные актрисы и даже манекенщицы, но режиссер остановил свой выбор на двух Натальях: Фатеевой и Кустинской. Обе снимались в кино с конца 50-х и имели за плечами куда больше ролей, чем их коллеги из мужской половины. У Фатеевой были роли в фильмах: «Есть такой парень», «Капитан «Старой черепахи», «Дело «пестрых», «Случай на шахте восемь», «Убить человека», «Битва в пути», у Кустинской: «Хмурое утро», «Сильнее урагана», «Годы девичьи», «Первые испытания», «Увольнение на берег». Правда, против кандидатуры Фатеевой выступал сам автор пьесы, считавший, что она недостаточно спортивна (по сюжету Зоя была циркачка) и перед камерой держится «как пионервожатая» (то есть заторможенно). Но студийное начальство хорошо относилось к Фатеевой и утвердило ее на роль. Вот как она сама вспоминает об этом:

«Прочитав сценарий, тут же поехала в Ригу. Пробы были на побережье. Потом мне позвонил режиссер: «Мы хотим, чтобы вы играли не Зою, а Наташу. Зою бы сыграла Лиля Алешникова (тоже популярная в те годы актриса, ставшая известной после роли Глаши в картине 56-го года «Они были первыми»). Я сказала, что роль актрисы Наташи мне не нравится, лучше я вообще не буду сниматься. И меня утвердили на Зою».

Пробы проходили как на студии, так и на натуре – на Рижском взморье в начале августа 1962-го. Из-за проволочек с цветной пленкой, актерских проб и плохой погоды в Риге подготовительный период был продлен на две недели. Наконец 11 августа съемочная группа выехала в Крым, в Судак. Там, в бухте Парадиз, на территории Завода шампанских вин возле Нового Света была размещена съемочная площадка будущего фильма. Место было просто райское: теплое, чистое море, восхитительная прибрежная полоса. Правда, асфальтовая дорога была ужасная, да и бытовые удобства были минимальные: воду приходилось греть на электроплитках, мыться в тазиках. Жила группа во дворце князя Голицына, прямо над подвалами Завода шампанских вин. Мужчины были в восторге, поскольку литровая кружка шипучего напитка стоила 45 копеек. Чтобы перелить шампанское из бочки, его надо было отсасывать, как бензин. Поэтому актеры соблюдали очередность, чтобы окончательно не

спиться.

Съемки начались 16 августа с эпизодов с участием трех дикарей-мужчин. Женщин пока не задействовали, поскольку там был недокомплект – Кустинская все еще снималась в Ленинграде. К тому же задержалось прибытие и двух автомобилей – «Волги» и «Запорожца», игравших в фильме не последнюю роль. 18 августа случился первый простой – оказалась не готова декорация «лагерь». 27–28 августа съемки не велись из-за поднявшегося сильного ветра.

Ближе к концу августа в Новый Свет приехала Кустинская, и съемки пошли в полную силу. Начали снимать знакомство мужчин-дикарей с девушками. Помните, дамы заставили мужчин копать землю в поисках бутылки из-под шампанского (кстати, это была бутылка, накануне распитая группой), где содержалось письмо, в котором указывалось, что место на берегу навечно закреплено за подругами-красавицами. Самые смешные реплики были у героя Миронова. И вообще в мужском трио он был самым забавным (тюрбан на голове и амулет на груди) и обаятельным: Сундуков был мрачен, а дипломат – слишком рафинированый.

У Миронова была роль ветеринара Романа Любешкина, и играл он ее весьма убедительно. Хотя на самом деле к животным относился вполне равнодушно. А в детстве и вовсе их мучил. Помните эпизод, где Роман рассказывает Зое о том, почему он стал ветеринаром. «У меня была собака, я ее любил… а мой друг взял и отрезал ей хвост, – говорит Рома. – А я взял и пришил». На самом деле в детстве Миронов частенько над этими самыми кошками измывался. В их дворе на Петровке их было много, и маленький Андрей, разозленный частыми отъездами родителей на гастроли, вымещал зло на кошках: возил их мордой об асфальт. К счастью, с возрастом эти садистские наклонности у него исчезли. Но вернемся на съемки фильма.

Практически весь август и сентябрь работа шла без простоев (только 27 и 29 августа съемки пришлось отменить из-за облачности). Актеры снимались легко и непринужденно, хотя было трудно: фильм снимался в двух вариантах (для широкого экрана и обычный формат), поэтому одну и ту же сцену приходилось играть дважды. Но все это компенсировалось замечательной обстановкой, сложившейся на съемочной площадке. Кое-кто даже пытался перенести эти отношения в реальную жизнь. Например, Евгений Жариков предпринял попытку ухаживаний за своей киношной половиной – Натальей Кустинской. Но та его «отбрила». Тем более что супруга актера – тренер по фигурному катанию – была поблизости, приехав на пару недель к мужу на побывку. Жена страшно ревновала мужа к

Кустинской и в перерывах между съемками устраивала бурные сцены – например, швыряла в «соперницу» бутерброды. Все это отрицательно сказывалось на съемках, и режиссер в конце концов объявил жесткие санкции – жену Жарикова на съемочную площадку больше не пускали.

Совсем иначе вела себя жена Геннадия Нилова Галина, которая приехала к мужу, чтобы провести с ним медовый месяц (они только поженились). Она готовила актерам нехитрую еду и была, что называется, тише воды, ниже травы. Впрочем, может потому, что ее муж никаких поводов к ревности не давал.

Кстати, в триумвирате Миронов – Нилов – Жариков только последние двое сумели подружиться. А вот с Мироновым у Нилова отношения не сложились. По его же словам: «Мы с Мироновым никогда друзьями не были. Видимо, абсолютно разные люди. Оганесян разрешал актерам буквально все. Мы импровизировали, как хотели. И Андрей, разумеется, тоже все время что-то выдумывал. Но придумки эти тянул на себя. То дернет меня ни с того ни с сего за бороду. То ляпнет что-то не по тексту. Любил втихаря слегка подгадить. Андрей всячески стремился показать себя. Телесная рыхловатость молодого Миронова, которую многие замечали, видимо, связана с болезнью. У него уже тогда кожа была не очень здоровой…»

Однако если с Ниловым отношения у Миронова не сложились, то вот с Натальей Фатеевой наоборот – он в нее влюбился. Но Фатеева была женщиной зрелой и опытной: мало того что на шесть лет старше Миронова, так еще и замужем успела побывать (за режиссером Владимиром Басовым) и имела от него ребенка – сына Вову. И Миронов как мужчина по большому счету был ей мало интересен, поскольку никаких дивидендов, кроме юношеской влюбленности, от него поиметь было нельзя. Поэтому их отношения были сугубо односторонними: Миронов оказывал Фатеевой всяческие знаки внимания, а она их снисходительно принимала. Посторонние это хорошо видели. Так, в эти же дни там отдыхала будущая супруга Миронова Лариса Голубкина, которая много позже будет вспоминать об этом следующим образом:

«Мы отдыхали в Коктебеле, но однажды заехали в Новый Свет, где снимали «Три плюс два». Я видела снимающихся, но тогда не обратила особого внимания на Андрюшу, помню только, он очень забавный был, я бы сказала, развлекал всех невероятно. Так вот как развлечение – это безумно Наташе нравилось. А ответной безумной страсти у нее не было…»

А вот как вспоминает о тех же днях Наталья Фатеева: «Я помню невероятное количество бычков в томате, на которые к

концу съемок смотреть не могла. Правда, родители Андрюши Миронова присылали нам балыки, копченые колбасы, которые доставали по блату в Ленинграде. Вот это был праздник! Однажды из Москвы на машине приехали мои друзья. Мы решили съездить в Ялту: так хотелось сходить в ресторан и поесть вкусной пищи! Я надела обтягивающие брючки до колена, в которых снималась. А в это время вышел указ: в ресторан женщинам запрещалось заходить в брюках. И меня не пустили! Пришлось есть шницель с макаронами в кафе на набережной…»

Как утверждают очевидцы, Миронов буквально преследовал Фатееву: чуть ли не ежедневно приезжал к ней домой, следил за ней, подозревая, что она ему с кем-то изменяет, уговаривал выйти за него замуж. Но в планы Фатеевой брак с Мироновым явно не входил. Хотя много позже она так будет вспоминать об этих отношениях:

«С Андреем мы очень подружились. Он был именно хорошим другом, были долгие и теплые отношения, после тяжелого разрыва с Басовым он мою душу очень отогрел. Вот Андрюша, хоть и не имел такого богатства, опыта душевного, – с ним было очень хорошо, он интеллигент настоящий, прекрасный сын своих родителей, я ему за многое благодарна…»

А теперь послушаем рассказ другой участницы тех съемок – Натальи Кустинской:

«Во время съемок меня поселили с Фатеевой в одном номере, а Андрюша Миронов жил на другом этаже. Я параллельно снималась еще в одной картине. Приходилось мотаться из Крыма в Ленинград. И вот возвращаюсь через два дня и прямо-таки обалдела: Андрей переселился в наш номер! Так что напрасно говорят, мол, он долго ее добивался. Ничего подобного, они очень быстро нашли общий язык. Правда, потом все время ссорились, кто будет рассчитываться за номер: ведь часть денег за проживание в гостинице выделяла киностудия, а добавлять приходилось из своего кармана…»

Наступление нового 1963 года Миронов встретил сначала с родителями, а затем уехал к Фатеевой. И снова послушаем ее рассказ:

«Я снималась с настоящим тигром, которого дрессировал Вальтер Запашный. Мне сказали, что тигру шесть месяцев. Смотрю, а это зрелый, довольно большой зверь. У меня – шок. Самое обидное, что вся моя храбрость – как я облокотилась на тигра, как я его гладила и даже приударяла кулаком – не вошла в фильм. Эти кадры забраковали, так как в них попала рука Запашного, который держал тигра за ошейник…»

Съемки в Ленинграде продолжались до 4 февраля, после чего

группа вернулась в Ригу, чтобы доснять павильоны. Но Миронов вернулся в Москву, в Театр сатиры. Там готовился к выпуску новый спектакль «Гурий Львович Синичкин», в котором у Андрея первоначально роли не было, который планировалось выпустить в свет в начале февраля. Но из-за неудовлетворительной игры актеров Плучек премьеру перенес на более поздний срок. А пока заменил «Синичкина» на «Дамоклов меч».

И снова слово Н. Кустинской:

«8 марта (1963 года. – Ф.Р.) у Андрюши был день рождения, мы тогда еще продолжали сниматься. Утром Фатеева говорит: «Не подарю ему ничего, пока он меня не поздравит с Женским днем». Андрей принес презент только под вечер – деревянную статуэтку – и пригласил нас в ресторан. А Наташа его так и не поздравила, ей не понравился его подарок.

А бросила Фатеева Андрюшу потому, что безумно влюбилась в киноактера из ГДР Армина Мюллерштраля (советскому зрителю он знаком по главной роли Криса в вестерне «Смертельная ошибка». – Ф.Р.). Он приезжал к ней в Москву, и она жила у него в номере. Я хорошо знаю немецкий язык. Вот Наташа и названивала мне, спрашивала, как сказать по-немецки то одно слово, то другое.

Фатеева говорила мне: «Я очень хочу выйти замуж за Армина. Он популярный в ГДР артист, может, он и мне поможет стать известной на Западе». Но ее планы разрушила Тамара Семина, когда в Берлине проходила Неделя советских фильмов. Фатеева очень хотела туда поехать, но отправили представлять наше кино меня, Семину и режиссера Романа Тихомирова, снявшего фильм «Крепостная актриса». Через Тамару Фатеева передала Армину гостинцы: икру и еще какие-то деликатесы. Семина понравилась Мюллерштралю, и у них случился роман, правда, на одну ночь. Приехав в Москву, я рассказала Наталье о некрасивом поступке ее жениха. После этого случая они расстались…»

Между тем за участие в фильме «Три плюс два» Миронов заработал гонорар в сумме 2252 рубля, что было весьма неплохими деньгами, если учитывать, что за предыдущую работу (за фильм «Мой младший брат») он получил в два раза меньше (за участие в картине «А если это любовь?» ему и вовсе достались копейки). Остальные участники получили на руки следующие суммы: Н. Фатеева – 2295 рублей 60 копеек, Е. Жариков – 2450 руб., Н. Кустинская – 2330 руб., Г. Нилов – 1948 руб.

13 апреля 1963 года на Киностудии имени Горького был принят широкоформатный вариант фильма, 13 мая – обычный. Кстати, на студии фильм был встречен без особого восторга, за что и был удостоен только второй группы по оплате. 3 июля «Три

плюс два» вышли на широкий экран. Но для Миронова это событие не стало главным, поскольку в те дни Фатеева сделала окончательный выбор – дала согласие выйти за него замуж. Андрей был на седьмом небе от счастья, чего нельзя было сказать о его матери. Мария Миронова жутко испугалась перспективы, что ее сын возьмет в жены женщину старше себя, да еще с ребенком. И окончательно ее убил эпизод, который случился летом. Миронов привез Фатееву и ее трехлетнего сына Володю на дачу, чтобы представить их родителям. И сына Фатеевой угораздило во все горло спросить: «Мама, это чья дача? Это что, наша будет дача?» Этого Мария Владимировна допустить не могла. И она бросила все свои силы на то, чтобы переубедить сына в его желании жениться на Фатеевой. Трудно сказать, какие именно аргументы она приводила, но Миронов сдался. С 6 по 26 июля он был вместе с Театром сатиры на гастролях в Горьком (играл в «Проделках Скапена», за что удостоился от Плучека прозвища «наше солнышко») и именно там принял решение порвать с Фатеевой. Как вспоминает его брат Кирилл Ласкари, далось это Миронову тяжело – он буквально рыдал. Речь о свадьбе уже не заходила, хотя дружеские отношения Миронов и Фатеева продолжали поддерживать.

Будущая жена: Лариса Голубкина

Летом 1963 года случился весьма знаменательный эпизод. В составе представительной делегации от Госкино Фатеева отправилась в творческую поездку в Сирию. Волею судьбы одной из ее спутниц была молодая, но уже популярная актриса Лариса Голубкина. Поскольку она впоследствии станет женой героя нашей книги, о ней стоит рассказать более подробно.

Голубкина родилась 9 марта 1940 года в Москве. До революции ее семья была достаточно зажиточной: между Москвой и Рязанью тянулись «сады и огороды Голубкиных». До сих пор, кстати, сохранился Голубкин лес. Но затем все эти богатства стали общенародными, и Лариса воспитывалась в скромных условиях – без излишеств. Ее отец был военным (до войны он работал педагогом), а мама домохозяйкой. Стать актрисой Лариса мечтала с детства. Уже с 2–3 лет она начала петь, и это ее желание все время в доме культивировали: то на стульчик, то на столик дочку поставят, в платьице красивое нарядят: «Лариса, спой!» Причем девочка уже тогда все время ощущала то самое расстояние между зрителями и актером. Говорила: «Выключите свет и отвернитесь – тогда петь буду!»

Впрочем, когда девочка подросла, у ее папы пропало желание видеть свою дочь актрисой – он хотел, чтобы она получила более серьезную профессию. Он так и говорил: «Артист – это же черт знает что! С ним даже рядом нельзя стоять – не то что им быть!» Но дочь своей мечте изменять не хотела. Поэтому в 15-летнем возрасте, втайне от папы, она с мамой отправилась поступать в Московское музыкальное педагогическое училище. И поступила. Отец, конечно, поворчал, но препятствовать учебе дочери не стал. За что она ему до сих пор благодарна.

И все же в глубине души отец надеялся, что дочка перебесится и после школы возьмется за голову – забудет про актерство. Поэтому вел себя он соответствующим образом. Например, однажды, когда Ларисе было 17 лет, она с родителями отдыхала в Сочи, где гастролировал известный Кондрашевский оркестр. Музыканты на пляже играли в карты, и отец Ларисы – азартный преферансист – резался с ними по полдня! Но кричал на оркестрантов: «Не смейте смотреть на мою дочь!»

В то же время там был на гастролях Горьковский драматический театр. И когда однажды к Ларисе с каким-то вопросом обратилась одна из артисток этого театра, отец приказал: «Лариса, отойди от этой женщины! Она актриса!»

Чтобы не злить отца, Лариса в 10-м классе специально

ходила в МГУ на лекции биологического факультета по физике и химии – вечерами, после школы, в семь часов. Однако, когда в 1959 году она окончила музыкальное училище, документы подала не в университет, а в… ГИТИС. Причем на отделение музыкальной комедии. Вот как она сама вспоминает об этом:

«…Когда я заканчивала десятый класс и мы шли на школьный бал, ко мне подошла одна дама, которая жила в нашем доме и, говорят, якобы когда-то была актрисой, она спросила: «Ларисочка, куда ты собираешься поступать?» Я сказала, что уже хожу на подготовительные лекции по математике и биологии в университет, на биологический факультет. Я ничего не понимала, но ходила, чтобы замести следы, чтобы папа знал, что я готовлюсь на биофак. Она мне сказала: «Лариса, не надо тебе ни в какой университет, тебе надо пойти только в театральный».

В старших классах я занималась в дирижерско-хоровом училище. Там мы очень много пели, я была солисткой, но в последний момент потеряла голос – неправильно поставили. И вот я пришла в ГИТИС на консультацию по поступлению на музыкальное отделение, а сама шепчу. Мне педагог говорит: «Что же вы пришли на музыкальное отделение? Даже говорить не можете. Когда у вас появится голос, тогда и приходите». В этой интонации я услышала, что есть надежда. За неделю у меня все прошло, я вновь пришла и спела «Не брани меня, родная». У меня тогда был очень низкий голос. В 14 лет, когда я пела, мне надо было только лицо прикрывать, детское выражение, но пела я абсолютно взрослым женским голосом. Педагог тут же пригласил директора института Матвея Алексеевича Горбунова. Я снова спела, Матвей Алексеевич сказал: «Сдавай документы!» Я ответила: «Не могу сдать документы, потому что у меня документы в университет отданы». И меня взяли на условии, что я сдам лишь общеобразовательные предметы. Из университета документы я, разумеется, забрала, но к биологии у меня до сих пор есть какая-то тяга…»

Как ни странно, но отец не стал препятствовать учебе дочери в театральном. Однако по-прежнему старался ее контролировать. Когда на первом курсе Лариса поехала «на картошку», родители тоже туда приехали – «посмотреть обстановку». Привезли дочери одеяло, подушку – студенты же практически на сене спали. Отец тогда заявил: «Не нравится мне эта компания…»

Между тем после второго курса Голубкина дебютировала в кино – ее заметил сам Эльдар Рязанов, пригласивший ее на главную роль (Шурочка Азарова) в героическую комедию «Гусарская баллада». Кстати, перед этим, в том же 1961-м, Ларисе сам Сергей Бондарчук предлагал пробоваться на роль Наташи

Ростовой в «Войне и мире». Но она отказалась. Сказала: «Характер не мой». Она тогда совсем не хотела сниматься в кино: не было у нее такой страсти. Она училась оперному пению у самой Марии Максаковой, а после 1-го курса разочаровалась в профессии и даже хотела уходить из ГИТИСа. Но тут поступило предложение от Рязанова и она решила попробовать – фильм-то был музыкальный. И в итоге именно этот дебют оставил ее в профессии. Правда, не в оперной, а в киношной. По словам актрисы:

«Я всегда мечтала быть певицей. Не знаю, что из этого бы получилось, но тембр и диапазон голоса у меня был очень хороший и большой. Кстати, и мой педагог Марья Петровна Максакова рассчитывала, что я стану оперной певицей. Но фильм «Гусарская баллада» роковым образом вмешался в мою дальнейшую судьбу. Марья Петровна меня убеждала: «Ничего страшного, вот снимешься в кино, станешь известной на всю страну, а потом продолжишь петь». Но, увы, обратного пути было не дано. Впрочем, я только сейчас поняла, почему я не стала серьезной оперной певицей. Причина в том, что я патологически боялась петь именно оперные партии. Боялась сфальшивить, извлечь не такой чистый звук, как хотела бы. Я так хорошо все слышала и так боготворила музыку, что не могла допустить даже малейшего брака…»

На роль Шурочки Азаровой пробовалось более десятка молодых актрис, среди которых были Людмила Гурченко, Светлана Немоляева, Алиса Фрейндлих, Валентина Малявина и др. Фаворитками среди них считались Малявина и Гурченко, причем у последней шансов на утверждение было больше – ведь именно она блестяще дебютировала в первом фильме Рязанова «Карнавальная ночь» (1956). Но режиссер после долгих раздумий взял и утвердил на роль дебютантку – Ларису Голубкину. Когда Гурченко об этом узнала, она, что называется, рвала и метала. И в течение нескольких лет не замечала Голубкину. Потом, правда, оттаяла.

Вспоминает В. Балон: «На фильме «Гусарская баллада» работал практически мужской коллектив. Во время летней и зимней экспедиций мы жили в подмосковном доме отдыха. Лариса, тогда еще студентка, вела себя как свой парень. Смеялась над нашими мужскими хохмами. Когда мы садились играть в преферанс, просила: «Ну научите меня!» Она с азартом ездила на лошади, ни разу не просила помощи дублера. Даже получив травму ноги, по-мужски сказала, что все нормально, и продолжила работу. А между съемками она пела под гитару романсы. Ее любимый – «Не уезжай ты, мой голубчик!»…»

Премьера «Гусарской баллады» состоялась в юбилейные дни (150 лет Отечественной войны 1812 года) – 7 сентября 1962 года. Фильм стал лидером проката (2-е место), собрав 48 миллионов 640 тысяч зрителей. После премьеры Лариса Голубкина проснулась знаменитой. Естественно, появились и поклонники. По ее словам:

«…Мне было 22 года, когда фильм снимали, но я все еще была девицей – настолько старалась доказать отцу, что он не прав по поводу моей распущенности. Да и после выхода фильма, когда у меня появилось много поклонников, я не пустилась во все тяжкие. Тут уже, правда, из-за боязни, что хотят все эти мужчины быть не со мной, а с моей популярностью. Я не форсировала события, а ждала мужчину, которому я могла бы полностью довериться…

Еще за мной ходили странные девушки переходного возраста. И у них был такой всплеск гормонов, что они не знали, в кого влюбиться. И во мне они рассмотрели своего романтического героя. Я же сыграла не то женскую, не то мужскую роль. Вот они и потянулись – угловатые, с грубыми чертами лица, какие-то мужиковатые. Их было очень много, эти девушки преследовали меня везде…

К полученному гонорару родители добавили денег, и я купила дачу. Непонятно зачем: я ее не любила, да и до сих пор все эти огороды не признаю…»

Так что на момент знакомства Голубкиной с Мироновым (лето 1963 года) Лариса была достаточно популярной актрисой, в то время как Андрей звезд с неба не хватал и мало кому был известен. И тут эта поездка в Сирию, где Голубкина встретилась с Фатеевой.

Жить актрис поселили в одном номере. Заводилой в этом дуэте была более старшая и опытная Фатеева. Чуть ли не все ночи напролет она рассказывала коллеге о своих многочисленных романах и увлечениях, а также об интригах, бушевавших в мире советского кинематографа. Голубкина слушала ее, открыв рот. И только повторяла: «А мне и рассказать-то нечего…» – «Как, у тебе и парня своего нет?» – удивлялась Фатеева. «Конечно, нет», – отвечала Голубкина. Она не врала: родители у нее были люди очень строгие (папа – военный) и весьма строго следили за моральным обликом своей дочери.

Л. Голубкина рассказывает: «Мама, как только меня родила, бросила все и водила меня за ручку до 25 лет. Я была мамина дочка. Когда стала актрисой, то атмосферу вокруг меня создавали окружающие. Что ты ощущала, ничего не значило. Ползли слухи. Могли, к примеру, сказать: она пьющая и гулящая. А я никогда не

пила и девицей была довольно долго. И чем больше вокруг меня было таких разговоров, тем больше я пряталась в свой дом, как улитка. Не тянулась к людям… Я приводила себя в состояние похлеще монашеского. Ведь родителям надо было доказывать, что ты не гулящая, «как все артисты»…

Говорят, что в меня были влюблены многие мужчины. Боже мой, почему я этого не знала? Я же помню: когда стала артисткой, даже немногие мои поклонники сбежали тут же. Конечно, известная актриса, что, на ней жениться, что ли? Один молодой человек пришел ко мне и заявил: «Я показал твои фотографии бабушке, и она сказала: только ни в коем случае не женись!» Я так расстроилась…

Я была очень инфантильной девушкой. И в профессии, кстати, тоже. Я в первый период не могла с партнером на съемках даже поцеловаться. Дико стеснялась!..

Снявшись в кино, я увлеклась свободной жизнью – поездила по миру и благодарила Бога, что я все вижу, познаю, учусь. Были у меня в тот период какие-то страсти, но быстро уходили в песок. А когда мне мужчины делали предложение, я отказывалась, думая, что брак меня сразу привяжет к дому…»

Узнав, что у Голубкиной даже нет своего молодого человека, Фатеева внезапно загорелась идеей – познакомить ее с Мироновым. «Это – твой. Прямо для тебя создан!» – горячо уверяла она подругу. Но Голубкина только отмахивалась. Она тогда снималась на «Ленфильме» у Иосифа Хейфица в картине «День счастья», где у нее случился роман с Алексеем Баталовым. Правда, ничего путного из этого не получилось, но представить себя рядом с умудренным опытом Баталовым маменькиного сынка Миронова Лариса просто не могла. Поэтому понимала – ничего хорошего из такого романа не получится. А если так, то зачем начинать?

Между тем 23 декабря 1963 года она пришла на день рождения к Фатеевой, где среди гостей оказался и Миронов. И тот мгновенно увлекся Ларисой. Весь вечер хохмил только для нее, оказывал всевозможные знаки внимания. Потом вызвался проводить ее домой (Голубкина жила в однокомнатной квартире в Собиновском проезде). И Новый год они встретили вместе. Вернее, сначала каждый со своими родителями, а потом – в общей актерской компании.

Следующий год начался для Миронова с «Проделок Скапена»: 2 января он вышел на сцену театра в роли слуги Сильвестра. Причем дважды: в 10 утра и в половине второго дня. А вечером играл Толстого в «Дамокловом мече».

А в свободное от работы время Андрей целиком был

поглощен личными проблемами – ухаживал за Голубкиной. Причем делал он это весьма настойчиво. Всего лишь год назад он точно так же осаждал Фатееву, и вот теперь – новый объект. И хотя Лариса благосклонно принимала все знаки внимания, оказываемые ей Мироновым, она продолжала держать определенную дистанцию. И это еще сильнее заводило кавалера. Он-то хотел не только платонических отношений. В итоге весной 1964-го он выложил на стол последний свой козырь – сделал Голубкиной официальное предложение руки и сердца. Но она… Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«Андрей решил на мне жениться, немедленно, и сделал предложение, когда я училась на последнем курсе ГИТИСа. Никогда в жизни не забуду, он приехал в Собиновский проезд на такси, с корзиной цветов и тут же:

– Лариска, выходи за меня замуж.

Я говорю:

– Не хочу!

А он:

– Как ты не хочешь? Все хотят, а ты не хочешь?

Я говорю:

– Вот пусть все и выходят. Зачем нам жениться? Ты меня не любишь. Я тебя не люблю.

– Потом полюбим.

Как ребенок…

Как ни забавно, я хоть и училась в ГИТИСе, хоть и снималась в кино и стала уже известной актрисой, но оставалась девицей. Я никак не могла рискнуть на близкие отношения. И Андрюша все время говорил:

– Ну что ж такое, я тебе сделал предложение, что ж я кота в мешке покупаю, все спят, а мы не спим.

Я возмущалась:

– Что значит – все, почему нам на всех надо ориентироваться?..»

Трудно сказать, зачем Миронову необходимо было жениться на Голубкиной, если никакой любви ни он к ней, ни она к нему не испытывала. То ли это была дань традиции, то ли обыкновенная блажь. Ведь не мог же Миронов не понимать, что при той любвеобильности, которая была ему присуща, иметь такую жену, как Голубкина (а она слыла девушкой строгой), себе дороже: при первом же адюльтере она бы выгнала молодого мужа взашей. Впрочем, имеет право быть и другая версия. В ту пору Миронов был малоизвестным актером и вряд ли бы сумел помочь Голубкиной утвердиться в профессии. А она этого, судя по всему, очень хотела. Поэтому выбирала себе мужчин, достаточно

влиятельных в киношном мире. Как тот же Алексей Баталов, например. Или режиссер с «Мосфильма» Владимир Досталь.

Получив от Голубкиной отказ, Миронов вскоре закрутил роман с одной из актрис своего же театра. Ни о каком браке там речи не шло, все замыкалось на обычном «пересыпе». Но затем на горизонте Андрея появилась молодая звезда – 20-летняя актриса Анастасия Вертинская. Она только что окончила «Щуку», однако, несмотря на свой юный возраст, была уже суперпопулярной, благодаря трем звездным ролям в кино: Ассоль в «Алых парусах» (1961), Гуттиэре в «Человеке-амфибии» (1962) и Офелии в «Гамлете» (1964). Миронов познакомился с ней в одной из компаний, которые он тогда посещал весьма регулярно в поисках новых ощущений. Вертинская восприняла ухаживания Миронова как нечто само собой разумеющееся. На тот момент ее расположения добивались многие именитые мужи, один перечень имен которых мог привести в трепет кого угодно: Олег Ефремов, Иннокентий Смоктуновский и т. д. Миронов стоял в этом списке если не на последнем месте, то, во всяком случае, не на первом, и даже не на третьем. Но в какой-то из моментов Вертинская внезапно стала отдавать предпочтение именно ему, чему были многочисленные свидетели, которые видели эту парочку вместе на разных, как теперь принято говорить, тусовках. Вполне вероятно, у Миронова в отношении Вертинской были далеко идущие планы – вплоть до женитьбы. Да вот беда: в планы девушки это не входило. Поэтому, едва только представился удобный случай, она от Миронова попросту сбежала. Это случилось 16 октября 1965 года на дне рождения Ивана Дыховичного (как мы помним, его сестра Галя была школьной любовью Миронова). О том, каким образом развивались события на той знаменательной вечеринке, рассказывает главный виновник случившегося Никита Михалков:

«У Насти был классный набор ухажеров: она могла снять с полки любого. Именитость ей была не нужна, она сама была дочкой Вертинского. Фамилия Михалков не могла произвести на нее впечатление. Я мучительно был влюблен, мучительно. И мучил ее, наверное, всякими звонками, ревностью. И наступил момент разлада, мы расстались. Я уехал из Москвы на пробы. У нас была близкая подруга, Лена Матвеева, замечательный человек, балерина. Мы с ней, когда я вернулся, пришли на день рождения Вани Дыховичного, а компания там была веселая: Вика Федорова, Полянский, Дыховичный. И туда пришла Настя с Андреем Мироновым. Я сидел наискосок от нее за столом… И дальше я очнулся на лестничной клетке – в поцелуе с ней. Она меня увела оттуда, – дело не в том, кто кого увел, но было ясно,

если она бы этого не захотела, никогда бы в жизни ничего не было. Во мне не имелось той силы, обаяния и тех возможностей, которые могли ее сломить. Она ко мне приспустилась, снизошла. Я помню как сейчас ощущение того электричества, которое возникло. Должен сказать, не вдаваясь в подробности, что у Насти мужской ум и мужской характер…»

Пройдет меньше года, и Вертинская и Михалков поженятся. А Миронов, потерпев очередное любовное фиаско, отправится к Ларисе Голубкиной. Как мы помним, он уже делал ей предложение руки и сердца, которое она категорически отвергла. Но Миронов надежды не терял, и каждый раз, когда у него было худо на сердце, мчался в Собиновский проезд к Голубкиной. Вот и на этот раз он явился к ней и… сделал очередное предложение. Лариса, которая на тот момент окончательно определилась, что мужа-актера у нее не будет никогда, вновь ответила категорическим «нет». И, чтобы у Миронова не оставалось никаких иллюзий на ее счет, огорошила его сообщением:

– К твоему сведению, Андрюша, у меня двое детей.

– Как – двое? – брови Миронова поползли вверх.

– Так, двое. У меня, представь себе, близнецы. Я их родила в десятом классе, и мои родители их взяли, чтобы прикрыть мой грех.

В течение минуты Миронов сосредоточенно молчал, переваривая услышанное. После чего вновь спросил:

– Кто он?

– Моряк дальнего плавания, – продолжала врать Голубкина. Причем делала это так артистично, что сама поражалась – как это у нее так получается! Но самое поразительное, что Миронов тоже ей поверил. И предложил Голубкиной совершенно неожиданный вариант:

– Я согласен взять тебя и с детьми: я их усыновлю.

Тут уж настала очередь остолбенеть Голубкиной. И неизвестно сколь долго длилась бы эта словесная баталия, если бы Голубкина не сослалась на свою мифическую занятость и не выставила непрошеного гостя за дверь. Правда, тот, уходя, пообещал обязательно вернуться и продолжить разговор. И ведь не соврал: спустя какое-то время снова заявился в Собиновский и затеял ту же волынку: Лариска, выходи за меня, выходи… «Ну почему ты, Лариска, ломаешься? – удивлялся он. – Ты, в общем, ничего, я – ничего, и у тебя квартира однокомнатная, и у меня однокомнатная, ну объединим. Большая квартира будет!» Короче, он Голубкину просто достал, и одно время она просто не знала, куда от него деваться. Другая бы на ее месте давно уже сломалась (как это было, к примеру, с Фатеевой), но Голубкина проявила

завидную упертость. И это при том, что родителям Миронова (редкий случай) она очень нравилась. Они даже на концерты заезжих знаменитостей брали именно ее, в надежде, что она будет снисходительнее к их сыну. Но в ту пору, в 60-е, из их намерений ничего путного так и не получилось. Поэтому Миронов активно ухлестывал за другими девушками, среди которых были не только безвестные, но и вполне себе именитые.

Вспоминает М. Воронцов: «…Андрей любил красиво ухаживать: с цветами, со стихами. Но чтобы пустить в ход весь этот арсенал, ему было важно знать, есть ли хоть какие-то шансы. Андрей боялся отказов, поэтому иногда подсылал к понравившейся девушке меня – узнать, что она про него думает. Однажды говорит: «Слушай, я сильно влюбился! Ухаживаю за женщиной уже два месяца, но до сих пор не могу понять, что она ко мне чувствует. Ты съезди к ней, поговори!» Речь шла об одной известной актрисе, не буду называть ее имени. В общем, поехал я прощупывать почву, и в результате у нас закрутился роман, который длился потом два года.

Конечно, я сразу пошел к Андрею и честно рассказал обо всем. По его побледневшему лицу было видно, как он расстроился. Но нашел в себе силы ответить: «Что ж, это дело мужское, ладно…» Не знаю, простил ли он меня в душе? Я до сих пор испытываю чувство вины за эту историю. Даже после смерти Андрея винился перед Марией Владимировной за этот поступок. Она все знала: матери Андрей доверял все свои тайны. Марии Владимировне не нравилось, что вокруг сына вьется много женщин, а так как обычно Андрея с девушками знакомил я, она первое время относилась ко мне с прохладцей. Нередко я знакомил с девушками и братьев Андрея, Леню и Кирилла. Однажды Мария Владимировна даже специально позвонила мне: «Миша, когда вы прекратите поставлять баб дому Менакеров?»…

Многие считали Андрея человеком очень влюбчивым. Помню, Михаил Державин шутил: «Все, что ходит, ползает, летает, Мирон не пропускает!» Да, его окружало много женщин, но влюблялся он не во всех подряд. Все его девушки были чем-то похожи на Марию Владимировну, потому что женщин иного склада характера Миронов глубоко презирал. Как-то раз поехали мы с ним и двумя певицами на дачу Мироновых, в Красную Пахру. Встаем наутро – кругом посуда немытая, остатки еды, бардак… Мирон говорит: «Девочки, посуду-то помойте!» А они ему: «Что мы сюда, поломойками приехали?» Как он рассвирепел! Орал: «Так идите в ж… отсюда, пешком на станцию! Я вас не повезу!» И вытолкал их из дома. Женщина, не поддерживающая кругом чистоту, не следящая за хозяйством, была для него не

женщина!..»

А вот какую историю поведала актриса того же Театра сатиры Вера Васильева:

«…Андрей и ко мне относился с большим вниманием. При том что я не могла воспринимать Андрюшу иначе как милого мальчика, ведь он моложе меня на 16 лет. Но я чувствовала на себе мощную силу этого солнечного обаяния. Помню, ехали мы всей труппой в поезде куда-то на гастроли. Как обычно, было весело, мы ведь все молодые! Кто-то песни поет под гитару, где-то водочку распивают, все перемешались по чужим купе. И так получилось, что мы остались в одном купе с Андрюшей. В какой-то момент он взял мою руку и начал с жаром ее целовать. И тут в купе зашел мой муж и явно переоценил ситуацию. Взял Андрея за грудки: «Ну-ка, пойдем поговорим!» Бедный Андрюша быстро-быстро затараторил: «Владимир Петрович, я ведь вас очень уважаю!.. И Веру Кузьминичну я очень уважаю!..» Ну просто мальчишка растерявшийся! А муж-то у меня был здоровенный… Они вышли, я сижу, боюсь, что же сейчас будет… Но через какое-то время открывается дверь, и Володя с Андреем входят обнявшись. Недоразумение, видимо, разъяснилось. С тех пор Миронов с моим мужем подружились еще крепче. Ему он мог рассказать, что на душе. Бывало, приходит Володя из театра и говорит: «Ой, Андрюшка опять влюбился! Так влюбился, просто с ума сходит!» Миронов ведь постоянно был в кого-то влюблен. Иногда на неделю, на день, но очень сильно! Его натура – вечный юноша. Он всегда должен был быть чем-то озарен! Ролью или любовью. И даже не обязательно, чтобы в него были влюблены в ответ, главное – чтобы он сам пылал. Недаром, когда его не стало, многие женщины, которые когда-либо с ним работали, говорили, что Миронов ими интересовался. Такое он оставлял впечатление. А ведь до романа дело доходило далеко не каждый раз.

Андрюша вспыхивал и гас. Да, он любил ухаживать, был галантен, часто целовал дамам руки… С чувством, долго… Прикоснется губами – и в глаза посмотрит, нежно так. А потом опять к руке припадает. За хорошие манеры его особенно любили актрисы старшего возраста. Бывало, идет какая-нибудь пожилая дама по театру, а он подбежит и так почтительно, влюбленно: «Здравствуйте, Маргарита Юрьевна!» Многих это подкупало. У него была великая способность восхищаться женщинами…»

Любовь на разрыв: Татьяна Егорова

Первого июля 1966 года Театр сатиры отправился на гастроли в Ригу. Для Миронова (он отправился в столицу Латвии отдельно от труппы – вместе со своим приятелем сценаристом Александром Червинским, на его автомобиле) эта поездка станет знаменательной: именно во время нее в его жизнь войдет женщина, из-за которой он на несколько лет потеряет голову. До нее в его квартире в Волковом переулке перебывает большое количество поклонниц, но ни одна из них не задержится подле него сколь-нибудь продолжительное время. Этой девушке суждена будет иная судьба. Звали ее Татьяна Егорова, ей было 22 года и она только что окончила Театральное училище имени Щукина. В отличие от Миронова опыт семейной жизни у нее уже был: в 18 лет она выскочила замуж за своего однокурсника, но прожила с ним, а вернее промучилась, всего два года. После чего благополучно сбежала. На момент встречи с Мироновым она уже два года как была свободна и связывать себя новыми узами Гименея не собиралась. Но знакомство с Мироновым перевернуло все ее благие намерения.

Пятого июля Театр сатиры давал очередное представление в рижском Театре оперы. Это была пьеса «Над пропастью во ржи», где Миронов играл главную роль – Холдена Колфилда. Его возлюбленную Салли Хейс играла молодая актриса, которая в тот день внезапно занемогла. Режиссер узнал об этом буквально за пару часов до спектакля и готов был выть от бессилия: отменять представления было уже нельзя. Вот тогда он и вспомнил про Татьяну Егорову. И хотя в театре она числилась всего лишь неделю, но другого выбора не было. За два часа до спектакля была проведена спешная репетиция, где дебютантка выучила свой текст, а вечером вышла на сцену перед публикой. Как утверждают очевидцы, несмотря на срочный ввод, играли они с Мироновым великолепно. Этому способствовала и особенная аура, которая сложилась между ними еще на репетиции: они почувствовали взаимную симпатию друг к другу, смутные позывы к той романтической связи, которая вскоре свяжет их крепко-накрепко.

Сразу после спектакля все его участники собрались в номере Егоровой на четвертом этаже гостиницы «Саулите», чтобы отметить ее успешный дебют (а также дебют еще одной недавней выпускницы «Щуки» Натальи Селезневой, которая сыграла роль Пегги). Стоит отметить, что «Саулите» считалась второразрядной гостиницей, поэтому там поселили молодых актеров «Сатиры». А корифеи, в число которых уже входил и Андрей Миронов, жили в

более классной гостинице – «Риге». Поэтому шансов, что кто-то из «рижан» сподобится прийти на фуршет, были минимальными. Так оно поначалу и получилось: в номере собрались только обитатели «Саулите». Однако в самый разгар веселья, когда разошедшаяся от вина Егорова выскочила на середину номера и стала читать любимого Блока, дверь внезапно отворилась и вошли двое: Андрей Миронов и Александр Червинский. Пришли они не с пустыми руками – принесли в пакетах фрукты, вино, конфеты. И с этого момента вечеринка забурлила с новой силой. И новым центром ее стал Миронов. То, как он изображал косого, читающего книгу, буквально свалило с ног аудиторию: люди лежали вповалку. Потом он рассказал пару анекдотов, что-то спел. А уже под утро, когда у всех стали смыкаться глаза, внезапно шепнул Егоровой: «Пойдем отсюда», и они незаметно выскочили из номера. За ними вдогонку бросился Червинский, но поскольку опомнился он слишком поздно, догнать беглецов так и не сумел. И они несколько часов гуляли по утренней Риге, дурачась и веселясь как дети. С этого момента между Мироновым и Егоровой начался роман, хотя у Егоровой в Москве оставался жених, за которого она перед отъездом в Ригу обещала выйти замуж. Однако встреча с Мироновым перевернула все ее планы вверх тормашками. Влюбленные использовали каждую свободную минуту, чтобы побыть вместе. Даже на репетициях умудрялись лишний раз перемигнуться и перебросится многозначительными фразами. Им тогда повезло: Плучек ввел Егорову в новый спектакль «Дон Жуан, или Любовь к геометрии», который готовился к выпуску в конце года. Миронов играл в нем главную роль – Дон Жуана, Егорова – небольшую роль Доньи Инессы.

В свободное время влюбленные бродили по Риге, обедали в маленьком уютном кафе рядом с гостиницей на углу улицы Баха. По выходным вместе с коллегами ездили на автомобиле Червинского в Тукумс и Талси. Эти поездки без шуток не обходились. Артист Владимир Долинский, только что принятый в Театр сатиры (с Мироновым он был знаком с детских лет – их дачи на Пахре располагались по соседству, а с Егоровой Владимир учился на одном курсе в театральном училище), любил на стоянке у железнодорожного переезда высунуться в окно и кричать регулировщику-латышу, не понимавшему ни слова по-русски, похабную прибаутку: «Мимо тещиного дома я без шуток не хожу, то вдруг х… в окно просуну, то вдруг ж… покажу!»

В один из дней Миронов повез Егорову в популярный ресторан «Лидо», что на Рижском взморье. За рулем автомобиля был инициатор поездки, хотя сам железный конь принадлежал Червинскому (у того не было прав и он оформил доверенность на

Миронова). Именно в ресторане, во время первого же танца, Егорова и призналась Миронову в любви. Перекрывая голос певицы, которая исполняла модный в те дни шлягер «Лунный камень», Татьяна прошептала на ухо Миронову: «Я тебя люблю!» И потом повторила это же дважды. Он ответил ей взаимностью, а именно репликой своего героя Холдена: «Салли, я влюблен в тебя как ненормальный!» Это признание все и решило. Спустя несколько минут они покинули ресторан и рванули на берег моря. Там разделись и отправились купаться. Затем они долго лежали на берегу, тесно обнявшись. Оба были счастливы. Так они пролежали до самого утра. Проснулись от холода, быстренько оделись и взяли обратный курс – в Ригу.

В один из тех же дней с влюбленными случилась ужасная история. Они в очередной раз отправились купаться на пляж в Лиелупе, прихватив с собой за компанию Наталью Селезневу и Червинского. В те утренние часы пляж был пустынен и единственным посторонним человеком, кто находился поблизости от актеров, была женщина, которая была явно «под градусом» и загорала топлес (без купальника). И вот эта женщина внезапно встала и отправилась купаться. Мироновская компания никак на это не среагировала, продолжая непринужденно веселиться. И только спустя двадцать минут Егорова внезапно обратила внимание на сиротливо лежавшие на песке вещи женщины и удивилась: «Куда это отдыхающая запропастилась?» Актеры отправились на поиски женщины-топлес и, к своему ужасу, нашли ее тело в нескольких десятках метров: его прибило к берегу волнами. Было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что женщина мертва. Девушки дико закричали, а мужчины бросились к утопленнице. Они попытались сделать ей искусственное дыхание, но все было напрасно – никаких признаков жизни бедняга уже не подавала. Потом Миронов сбегал к ближайшему таксофону и вызвал «Скорую». Она примчалась спустя каких-нибудь пять минут и увезла утопленницу в морг. Естественно, ни о каком продолжении купания речи больше не шло.

В середине июля, в самый разгар любовной феерии, в Ригу внезапно прикатил жених Егоровой. Признаться ему сразу в том, что она влюбилась в другого мужчину, актриса не смогла: ведь жених ни в чем не был виноват. И, предупредив Миронова о приезде жениха, Егорова уехала с ним на взморье. Миронов был взбешен. Говорят, в порыве ревности он бросился мстить своей возлюбленной самым привычным методом: на глазах у всей труппы стал «кадрить» рижанок направо и налево. Но Егоровой тоже было несладко. Три дня она стоически терпела рядом с

собой присутствие человека, который никаких романтических чувств в ней уже не будил. На четвертый день Егорова сказала ему об этом в открытую, после чего собрала свои нехитрые пожитки и вернулась в Ригу. К Миронову. Как ни странно, он ее принял с распростертыми объятиями. Даже чуть не задушил в этих объятиях.

Гастроли Театра сатиры в столице Латвии закончились 31 июля. После этого часть труппы отправилась в Москву, а другая ее часть – участники спектакля «Над пропастью во ржи», среди которых были Миронов и Егорова, взяли курс на Вильнюс, где в течение двух недель должны были показать этот спектакль жителям литовской столицы. К слову, из-за этого встанет работа в «Таинственной стене»: узнав, что Миронов вырваться в Москву никак не сможет, съемочная группа приступила к частичному монтажу картины.

Вспоминает В. Васильева: «В Вильнюс мы ехали на машинах: Андрей – на своей, мы с мужем, актером нашего же театра Владимиром Ушаковым – на нашей. С нами еще была молодая актриса Таня Егорова. Пожалуй, в моей жизни не было более веселой, полной озорства, счастливой поездки.

Если бы мне сказали: расскажи об этом через кинематограф, я, наверное, представила бы себе все, как в самом счастливом сне, – раннее утро, прозрачность лесов и полей, две мчащиеся по пустому шоссе машины. Пение птиц, голубое небо, наша молодость, наша влюбленность друг в друга. Мы с мужем, еще молодые, рядом Андрюша, добрый, остроумный, веселый, бесшабашный, и Таня, хорошенькая, дерзкая, уверенная в себе. Остановились по дороге в одной из гостиниц, чтобы переночевать. Мы с Таней устроили костюмированный вечер, переоделись во все не свое, чтобы быть как можно смешнее. Тут были и мужские пиджаки, и высокие сапожки, и шляпы с длинными шарфами; похожи мы были на героинь из «Трехгрошовой оперы» Брехта. Мужчины хохотали, мы чувствовали себя превосходно – это и было счастье…»

В Москву Миронов и Егорова возвращались порознь. Она ехала поездом, а он чуть позже на автомобиле. Расставаясь, никаких обещаний друг другу не давали. Со стороны могло показаться, что все происшедшее между ними – обычный курортный роман, который заканчивается как раз с окончанием курортного сезона.

Едва Егорова приехала домой, в свою комнатку в коммунальной квартире в Трубниковском переулке, 6, как у нее зазвонил телефон. Подняв трубку, она услышала на другом ее конце бодрый голос… своего жениха, которого она так

безжалостно «отшила» месяц назад. Но он не помнил зла, был как всегда бодр и, сообщив, что раздобыл по большому блату новую пластинку Шарля Азнавура, приглашал Егорову послушать ее у себя дома. Но Егорова сослалась на усталость и повесила трубку. Как выяснилось вскоре, очень даже вовремя. Следом за женихом позвонил Миронов. Он рассказал, что родители уехали с гастролями в Париж и он собирается отправиться на свою дачу, что на Пахре. «Поедешь со мной?» – спросил он Егорову. «Обязательно!» – ответила она, не раздумывая ни секунды.

На дачу они отправились на том же самом авто, на котором колесили по Риге – в автомобиле Александра Червинского. Правда, самого владельца машины с ними не было, на этот раз компанию им составил еще один приятель Миронова, врач по специальности. Но он провел с влюбленными всего лишь полдня. Ближе к вечеру он вернулся обратно в Москву, а Миронов и Егорова остались на даче одни. Спать они улеглись в маленькой комнатке Миронова на его желтом диванчике. Впрочем, по причине переизбытка чувств, поспать им в ту ночь удалось всего-то чуть-чуть…

Утром следующего дня, после завтрака, влюбленные отправились гулять по дивному лесу. Погода выдалась великолепная: с севера дул прохладный ветерок, пели птицы. Однако всю эту идиллию нарушил Миронов, который внезапно стал рассказывать гостье… о своем давнем романе с Натальей Фатеевой. Он показал Егоровой березку, где они с ней целовались, но особенно убил гостью признанием, что в порыве чувств чистил Фатеевой белые туфли… молоком. Миронов буквально захлебывался от воспоминаний, а Егорова молча внимала его словам, которые били ее по голове сильнее, чем обух. Именно тогда она сделала внезапное открытие: ее кавалеру присуще нехорошее свойство – причинять боль любимому человеку.

С быстротой молнии минула неделя. В двадцатых числах августа Миронов покинул Егорову: он уехал в Новороссийск, куда переехала для натурных съемок группа фильма «Таинственная стена». Татьяна поступила хитро: собирая ему чемодан в дорогу, в каждую из вещей незаметно засунула по клочку бумажки, где вывела ручкой всего два слова: «Не сутулься!» Таким образом, она хотела, чтобы любимый не забывал о ней даже на юге. К слову, Миронов и не думал забывать. Практически сразу после приезда он стал названивать ей домой по межгороду. Но сосед Егоровой по коммуналке все испортил, сказав, что «Танька ушла с Витькой». Миронов знал, что Виктором звали жениха Егоровой. Сами понимаете, что он тогда подумал.

Новый сезон в Театре сатиры открылся в воскресенье 2 октября. Давали «Клопа» В. Маяковского. А накануне состоялся традиционный сбор труппы. Пришли все, в том числе и Егорова, для которой этот сезон должен был стать первым. Как и положено, новенькая оделась во все лучшее, предвкушая не только встречу с коллегами, но главное – со своим возлюбленным. Но Миронов на нее даже не взглянул – прошел мимо, как будто между ними ничего и не было. Егорову, конечно, это покоробило, но до выяснения отношений она не снизошла. Посчитала: мол, будь что будет.

Размолвка Миронова и Егоровой длилась всего лишь несколько дней. Затем состоялось бурное примирение. Дело было так. В тот день Егорова приняла приглашение одного из своих давних воздыхателей и отправилась к нему на свидание – к Театру имени Вахтангова. И надо же было такому случиться, но в это же самое время и в этом же самом месте оказался и Миронов. Вместе со своим приятелем, актером театра «Современник» Игорем Квашей (они подружились во время съемок фильма «Год как жизнь»), он возвращался домой в компании двух девиц, как принято говорить, легкого поведения. О том, что было дальше, рассказывают сами участники этой истории.

Т. Егорова: «Театр Вахтангова втягивал в себя последнюю волну зрителей. Только я поравнялась с первой серой колонной здания, в ухо хлопнуло, как выстрел: «Ты куда идешь?» Лицом к лицу – Андрей, Андрюша, Андрюшенька. А вслух вызывающе ответила:

– На свидание!

– К кому? – требовательно спросил он.

– К Чапковскому!

– Кто это?

– А тебе какое дело?

Не успела договорить, как была схвачена за шиворот. Рядом стояла машина «Волга». Во время моего диалога в салон с другой стороны вползли две склеенные девочки. Кто-то мужского рода сидел на первом сиденье, в темноте я не разглядела (в пути я разгляжу, что это артист театра «Современник», с которым Андрей снимался в фильме про Маркса и Энгельса). Он схватил меня за пальто, открыл дверь и вдвинул меня на заднее сиденье. Открыл переднюю дверь, предусмотрительно нажал кнопку, чтобы я не выскочила, сел за руль, дал газ, и через десять минут мы оказались на Красной Пресне в Волковом переулке. Как под конвоем он ввел меня в подъезд, втолкнул в лифт, поднялись на седьмой этаж и все вошли в его однокомнатную квартиру…

Я сразу отделилась от них, пошла в сторону «спальни», села

на тахту, взяла книгу (оказался Голсуорси) и стала читать. Они скучились на другой половине – смех, реплики, шампанское, бутерброды, сигареты, дым. Под Фрэнка Синатру они сцепились с этими бабами тело к телу, как клещи, и, шаркая ногами, стали обозначать танец. Я сидела с прямой спиной перед открытой книгой и исподволь, сквозь полку наблюдала их эротическую возню…

Плавно, с улыбкой Андрей подошел ко мне и четко выговорил: «Танечка, теперь тебе надо уйти. Немедленно». – «Хорошо, – сказала я кротко. – Только можно я скажу тебе два слова. На кухне».

Мы вошли в кухню, я закрыла за собой дверь, сорвала со стены алюминиевый дуршлаг и запустила в него что есть мочи. Он увернулся, схватил половник, я – сковородку, полетели чашки, стаканы, кувшины, тарелки… все вдребезги! Он хватал меня за руки, я вырывалась, и когда вдруг кинулась к табуретке, он меня вдвинул в кухонный шкаф…

Потом устали. Я вышла из кухни, собираясь уйти навсегда. Никого. Никого не было. Ни Маркса, ни этих двух рыл. Сбежали…»

А теперь послушаем рассказ одной из тех «рыл» – московской путаны Нины Мариной: «Мне довелось быть в числе женщин, которых Андрей Миронов удостоил вниманием. Периодически он был моим клиентом. Нас познакомили общие приятели, знавшие его слабость по женской части. Андрей как любовник был хорош, изыскан и находчив. Руководствовался он словами актрисы Жанны Моро: «Секс в длительной связи есть искусство, каждое очередное представление подавать, как премьеру». Встречи со мной его устраивали потому, что ни к чему не обязывали, как, впрочем, и меня.

В ту пору я и узнала о существовании Татьяны Егоровой. Андрей пригласил меня с моей подругой Аллой в гости. Он заехал за нами и повез на квартиру, где намерен был с нами развлекаться. Когда ехали по Арбату, какая-то женщина, стоявшая на ступеньках Театра имени Вахтангова, помахала ему рукой. (Как видим, детали у рассказывающих разнятся: по Мариной, в машине, кроме них, также не было никакого Игоря Кваши. – Ф.Р.). Андрей повернулся к нам и говорит: «Это моя знакомая – Татьяна. Вы не против, если я возьму ее тоже?» У него, видимо, разыгрался аппетит, распалилось творческое воображение по поводу предстоящей «премьеры». Мы не возражали.

В квартире мы пили вино, болтали… Неожиданно Андрей попросил Татьяну пройти с ним на кухню, и через несколько минут оттуда послышались звон разбиваемой посуды и дикие

вопли:

– Пусть они убираются! Тебе меня и одной хватит!

Мы поняли, что дело приняло серьезный оборот, и тихо слиняли. Через несколько дней Андрей сказал, что на кухне он попросил Татьяну уйти, а она принялась кидать в него посуду и набросилась с кулаками…»

И вновь вернемся к тому скандальному вечеру. После ухода путан Миронов предложил Егоровой отправиться на квартиру его родителей на Петровку (те опять были на гастролях). И там между влюбленными произошло окончательное примирение. Причем в ванной. Когда Егорова мылась, туда вошел Миронов, взял мочалку и стал мыть девушку так бережно, будто ребенка. Затем завернул ее в махровое полотенце и отнес в комнату. А сам занял ее место под душем. Потом они ужинали на фарфоровых тарелках из коллекции Марии Мироновой. Поначалу Егорова отказалась есть из них – дескать, им же влетит! – но Миронов отмахнулся от нее как от назойливой мухи. Они, смеясь, пили шампанское и ели черную икру, густо намазывая ее на белый хлеб.

В ноябре родители Миронова снова уехали на гастроли (на этот раз по родной стране), и он на время их отсутствия перебрался из Волкова переулка на Петровку. Егорова переехала вместе с ним. Свои отношения они уже ни от кого не скрывали: ни в театре, ни от родителей Андрея. Кстати, незадолго до отъезда родителей Миронов познакомил Татьяну со своим отцом. Тот специально приехал к Театру сатиры, дождался когда там закончится репетиция «Дон Жуана» и встретил сына и его очередную пассию на улице. Егорова Менакеру понравилась с первого же взгляда. Хотя до этого он всегда отмечал дурной вкус своего сына по части женского пола. Вообще, в отличие от Марии Владимировны, Менакер был больше посвящен в амурные дела обоих своих сыновей и видел большинство их девиц. И редко кто из них производил на него достойное впечатление. За это оба сына удостоились от отца вполне характерного прозвища «говноулавливатели». Но в случае с Егоровой это прозвище оказалось неуместным. Прощаясь на углу Бульварного кольца, Менакер даже нежно потрепал Егорову за ушко и сказал сыну: «Посмотри, Андрей, какие у нее чудные ушки!»

На Петровке Егорова в тот раз прожила недолго. Как-то во время одной из репетиций в театр приехала знаменитая балерина Майя Плисецкая и увезла Андрея на своем роскошном «Ситроене» к себе домой. Увезла в гости, чтобы показать ему свои аппартаменты и подарить пластинку «Кармен-сюита» с музыкой своего мужа Родиона Щедрина (все знали, что Миронов меломан

и держит дома богатую фонотеку). Поскольку этот отъезд происходил на глазах у Егоровой, она не смогла простить этого Миронову. И с этого момента вернулась к себе в Трубниковский. И как Андрей ни пытался ее уговорить вернуться, девушка была непреклонна. Понимая, что в такой ситуации Егорова ему неподконтрольна и при желании легко может отомстить (принять ухаживания какого-нибудь кавалера, которых подле нее всегда хватало), Миронов пускался на различные хитрости. Например, вечером он звонил ей домой и сообщал, что сегодня они едут развлекаться. Егоровой надо было срочно навести на себе марафет и ждать его приезда. Девушка так и делала. А Миронов, наглец, не приезжал. Это он делал специально: сам где-то веселился, а ее таким образом удерживал в четырех стенах.

Наступление 1967 года Миронов встретил в доме своих родителей на Петровке, 22. Гостей было несколько человек, но самыми почетными – Валентин Плучек и его жена Зинаида. На первый взгляд, их приглашение было неслучайным: хозяева таким образом устраивали своему сыну карьеру в театре. Но правдой было и другое: сам Плучек был глубоко заинтересован в артисте Миронове, потенциал которого открывал перед режиссером невообразимые горизонты для творческих экспериментов.

В родительском доме Миронов пробыл в ту ночь около двух часов. Затем галантно распрощался с гостями и рванул к своей возлюбленной. Вдвоем они отправились на Воробьевы горы, на смотровую площадку. Там любовались панорамой ночной Москвы и целовались. В конце этой восхитительной встречи Миронов сделал Егоровой неожиданное предложение: пригласил ее 7 января на день рождения своей мамы. Девушка поняла: это будут смотрины. Ее смотрины. И не ошиблась.

В назначенный день Егорова надела на себя все самое лучшее и отправилась на Петровку. В качестве подарка именинице она несла резную шкатулку из дерева, куда насыпала дефицитные в те годы конфеты трюфель, а также букет гвоздик. Все это было вручено Марии Владимировне сразу после того, как гостья перешагнула порог квартиры на Петровке. Судя по выражению лица именинницы, девушка сына ей понравилась. И когда хозяйка представляла девушку гостям, она неожиданно изрекла: «А это – восходящая звезда Театра сатиры». Все присутствующие зааплодировали. Потом Мария Владимировна взяла девушку под локоть и повела ее на экскурсию по своим апартаментам. Егорова была счастлива, но особенно радовался Миронов – он-то лучше других знал, как тяжело понравиться его маме. Однако эта идиллия длилась недолго. Затем Егорова сама все испортила. Но

о том, что же произошло, лучше всего расскажет она сама:

«Все говорили о премьере «Дон Жуана» в Театре сатиры, об Андрее, это была сенсация. Я сидела на зеленом диване, счастливая «восходящая звезда» – румяная, глаза блестели, ресницы после трудной и ювелирной работы над ними стояли, как роща над озером. И вдруг я услышала:

– Вы Плучеку все должны жопу лизать! – это сказала, вернее изрекла, она, мама. Люстру качнула невидимая судорога, которая повисла в комнате, гости застыли в немом страхе. Все боялись Миронову.

В наступившей тишине я услышала свой голос:

– Считаю, что жопу лизать вообще никому не нужно!

И откусила пирожок с луком и яйцом. На лице Андрея мелькнул ужас, у Менакера – растерянность, смешанная с неловкостью, у всех остальных ухмылки. На «оракула» я не смотрела – понимала, что это страшно. Но я услышала все, что она сказала вслух, – начинается война, а у меня нет ничего – ни пехоты, ни конницы, ни артиллерии, а у нее есть все! И лучше мне сразу встать на колени и сдаться! Потому что если враг не сдается – его уничтожают, а если сдается – его тоже уничтожают. Через пять минут все вспомнили про гуся и забыли эту историю, все, кроме Марии Владимировны. Она была очень злопамятна и расценила мой выпад так, как будто это было восстание Емельяна Пугачева…»

В эти же дни из Ленинграда в Москву на несколько дней приехал сводный брат Миронова Кирилл Ласкари. На правах гостеприимного хозяина Миронов повез брата в ресторан Дома актера, прихватив с собой и Егорову. Лучше бы он этого не делал. Ласкари, едва увидел девушку брата, как тут же в нее и влюбился. И принялся ухаживать. И все два последующих дня, что они провели вместе, только и делал, что предлагал ей руку и сердце. И хотя делалось это по большей мере в шутку, однако в присутствии Миронова это все равно выглядело странно. Особенно фразы, которые Ласкари произносил наиболее часто: «Зачем тебе нужен Андрей? Он же – бабник! Маменькин сынок, он тебе всю жизнь испортит! А я тебя устрою в Театр комедии, ты будешь играть там главные роли. Да и я неплохо зарабатываю». Миронов, слушая эти признания, смеялся, хотя на душе у него явно скребли кошки. Егорова поняла это в тот самый миг, когда «Красная стрела» умчала Ласкари в его родной город на Неве: всю обратную дорогу до Трубниковского Миронов не проронил ни слова. А потом нашел повод отомстить по полной программе. Восьмого марта ему исполнилось 26 лет и по этому случаю в Волковом переулке именинник собрал гостей. Пригласил он туда

и Егорову. Но сам по ходу веселья принялся ухаживать за другой – за юной балериной Большого театра Ксенией Рябинкиной. Егорова какое-то время молча терпела эти ухаживания, а когда смотреть на это стало невмоготу, покинула негостеприимный дом.

В течение последующих нескольких дней Миронов и Егорова не общались, предпочитая обществу друг друга других людей. Даже в театре они старались не пересекаться. Но однажды, когда Татьяна была в гостях у одного художника на улице Немировича-Данченко, кто-то из присутствующих там, как бы походя, сообщил, что буквально несколько минут назад видел, как Миронов поднялся к своему другу Игорю Кваше (он жил в этом же доме), да не один, а в обществе все той же Рябинкиной. Эта новость переполнила чашу терпения Егоровой. Она тут же одолжила у присутствующих денег и отправилась на Ленинградский вокзал. И спустя несколько часов – утром следующего дня – была уже… у Кирилла Ласкари. И там стремительно вышла за него замуж. Свадьбу сыграли дома у жениха на улице Герцена (там же жили мама и первая жена Менакера). А на следующее утро молодая жена отправилась в Москву, пообещав мужу в скором времени уволиться из театра, собрать вещи и переехать жить к нему. Но ни одно из этих обещаний выполнено не будет. И эта поездка, и эта скороспелая свадьба – все было всего лишь наваждением, попыткой убежать от самой себя, а заодно отомстить Миронову. Удалось только второе – Миронов действительно был вне себя от злости и порвал с Егоровой всяческие отношения. Однако терпения Миронова хватило только на пару-тройку недель.

Однажды после вечернего спектакля Егорова вышла на улицу, где ее поджидал ее добрый знакомый, который пригласил ее поужинать в ресторан Дома актера. Но не успела Егорова сесть в машину, как к ним подлетел Миронов. Как ни в чем не бывало, он спросил Татьяну, куда она собралась, и, узнав куда, заявил, что хочет составить ей компанию, но в дуэте… с балериной Рябинкиной. Егоровой было все равно. В итоге они заехали в Большой театр, захватили балерину и вчетвером рванули в ресторан ВТО. Вечер прошел изумительно. С этого дня эти ужины продолжались в течение примерно двух недель. Пока наконец Миронов попросту не выкрал Егорову. Это случилось после одной из репетиций «Доходного места». Егорова решила пройтись до дома пешком, а Миронов тронулся следом на автомобиле все того же Червинского. Метров двести он настойчиво уговаривал девушку разрешить ему подвезти ее, но та с такой же настойчивостью отвергала все его домогательства. Помог

Миронову дождь, начавшийся совершенно внезапно. Вот тут терпение девушки лопнуло. Она села в автомобиль и… была украдена. Миронов наглухо закрыл все двери и рванул машину к Волкову переулку. Там, на их общей софе, произошло примирение.

Роман Миронова и Егоровой возобновился с новой силой. Они буквально не расставались: весь световой день общались в театре, после чего мчались в Волков переулок, чтобы целиком отдаться во власть Эроса.

Двадцать седьмого июня Театр сатиры закрыл свой сезон в Москве. Волею судьбы и руководства театра Миронову и Егоровой предстояло расстаться почти на два месяца: часть труппы (в нее входил и Миронов) была отпущена в отпуска, другая (там была Егорова) должна была ехать в Азербайджан, чтобы выступать в частях Закавказского военного округа. По случаю закрытия сезона в театре был устроен банкет, после чего Андрей и Татьяна в компании еще нескольких коллег отправились встречать рассвет на Воробьевы горы. Все были пьяны и веселы. Но самым отвязным оказался Марк Захаров, который устроил… сжигание советских дензнаков. Достав из кармана несколько купюр достоинством пять и десять рублей, он прилюдно чиркнул спичкой и призвал актеров последовать его примеру. Уговаривать присутствующих дважды не пришлось. Они тоже извлекли на свет дензнаки и без сожаления их подожгли. Кто-то даже притоптывал и припевал: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло…»

Затем всем гуртом отправились в Волков переулок к Миронову. Егорова ехала туда с огромной охотой: ей казалось, что именно там Миронов осмелится сделать ей официальное предложение руки и сердца. А получилось совсем наоборот. В самый разгар веселья Миронов утащил девушку на балкон, где со злостью выпалил ей в лицо всего лишь одну фразу: «Я тебя не люблю!» Чем была вызвана эта злость, Егорова так и не поняла, поскольку никаких поводов для ревности она не давала. Схватив свою сумочку, она пулей выскочила из мироновской квартиры, в очередной раз дав себе клятву никогда больше туда не возвращаться.

Осенью, сразу после открытия сезона в Театре сатиры, Миронов стал предпринимать настойчивые попытки вернуть себе былую благосклонность Егоровой. Но та сохраняла нейтралитет. А тут еще у Миронова появился куда более грозный соперник – сам хозин театра Плучек. Еще в январе он пытался приударить за актрисой в надежде, что та не посмеет отказать хозяину театра, в котором она работает. Но Егорова проявила строптивость: когда Плучек стал домогаться ее в своем кабинете, она оттолкнула его

и убежала прочь. И вот теперь Плучек предпринял вторую попытку взять неприступную крепость приступом. Как-то вечером, после спектакля, он внезапно встретил Егорову и Миронова в гардеробной и пригласил их составить ему компанию – поужинать в ресторане Дома журналистов. На следующий день повторилось то же самое. Только теперь Плучек вызвался проводить Егорову домой сам. Услышав это, Миронов предпочел ретироваться. У дома Егоровой в Трубниковском произошла смешная сцена: Плучек полез к девушке целоваться и стал звать ее к себе домой (мол, супруга уехала в Ленинград), но Егорова снова проявила строптивость – оттолкнула режиссера и убежала в подъезд. И тут же позвонила Миронову, чтобы успокоить его – мол, старику ничего не обломилось.

Седьмого ноября Миронов и Егорова в компании своих коллег по театру отправились отмечать праздник Великого Октября. Веселье проходило в кооперативе артистов Большого театра на Арбате. Как вспоминает Татьяна Егорова, поездка туда вылилась в настоящий аттракцион сродни польскому моторевю. Устроил это зрелище Марк Захаров, который в те годы был мастак на подобного рода штучки. Где-то на полпути к месту сборища, когда автомобили с «сатировцами» мчались по Садовому кольцу и пересекали площадь Восстания, Захаров внезапно вылез из открытого окна заднего сиденья и перелез в такое же открытое окно, но уже другого автомобиля. Залихватский трюк был встречен громогласными криками «ура!» и выстрелом пробки от шампанского.

На вечеринке Миронов оказался верен себе: несмотря на присутствие своей возлюбленной, стал ухаживать за молоденькой балериной. Егорова, естественно, переживала, однако виду поначалу не подавала, заглушая обиду порциями коньяка. Но ее терпения хватило на каких-нибудь полчаса. Затем актриса поднялась с дивана, подошла к балерине, которая кружилась в очередном танце с Мироновым, и сорвала у нее с головы модный шиньон. Балерина расплакалась и убежала в другую комнату. Все были в шоке, а особенно Миронов, который буквально заметался по квартире: он то бегал успокаивать балерину, то стыдил Егорову. Но последняя все его реплики пропускала мимо ушей, поскольку считала себя правой: в конце концов это не она отбивала у балерины ее кавалера, а наоборот. Тем более в тот момент Егорова уже знала, что беременна.

Миронов узнал про это спустя несколько дней. Егорова сообщила ему об этом в Волковом переулке, сообщила как бы между прочим. Миронов в первые минуты сделал вид, что не расслышал новости. На самом деле он просто взял тайм-аут –

хотел тщательно все осмыслить. И только спустя примерно получаса вернулся к этой теме. И то, что он сказал, больно резануло его возлюбленную. «Танечка, ну куда нам еще ребенок? Мы вдвоем-то разобраться не можем, а что будем делать втроем? Это же ужас! Нам надо подождать… Я все устрою, у меня есть хороший врач…» И так убедительно он это говорил, что Егорова даже не смогла на него обидеться. Видимо, она и сама понимала, что появление ребенка в их тандеме и в самом деле пока нежелательно. Ведь они по-прежнему не женаты, а рожать ребенка без штампа в паспорте Егорова не хотела. Она сама росла без отца (ее воспитывал отчим) и прекрасно знала, что это такое – безотцовщина. Желать подобной участи своему ребенку – Боже упаси! И она согласилась лечь в больницу.

Пока его возлюбленная лежала в роддоме, Миронов был утвержден на новую роль в театре – он должен был играть ловкого плута в спектакле «Безумный день, или Женитьба Фигаро» Пьера Огюста Бомарше. Кроме этого в ноябре состоялся первый творческий вечер Миронова. Он проходил в Доме актера при абсолютном аншлаге, что лишний раз доказало, в какую звезду внезапно превратился недавний актер массовки.

Наступление нового 1968 года Миронов и Егорова встречали вместе в ресторане ВТО, что на улице Горького. По этому случаю Егорова сшила себе в ателье крепдешиновое платье в модную шахматную клеточку, а также купила подарки: Миронову – коллекционный игрушечный автомобиль (он их собирал), а его родителям – маленький домик со зверюшками и градусником. Миронов тоже приготовил своей возлюбленной приятный сюрприз на кругленькую сумму – золотое колечко с рубином. Все эти подарки были вручены перед началом застолья, когда многочисленные гости только рассаживались за столы. Мария Владимировна приняла подарок благосклонно, хотя на самом деле ее переполняли куда более сложные чувства. Несмотря на полуторагодовое знакомство с Егоровой, Миронова так и не смогла смириться с выбором сына и жутко ревновала Андрея к ней. А тут еще она заметила на пальце Татьяны золотое колечко с рубином, тотчас все поняла и невзлюбила возможную невестку еще сильнее. Не прибавил радости Марии Владимировне и эстрадный номер, который показали ее сын и Егорова. Они лихо станцевали под песню Фрэнка Синатры «Макс зе найф», за что были удостоены специального приза от зрителей. Глядя на счастливых призеров, Мария Владимировна внезапно отчетливо осознала, что она стремительно теряет своего сына. А в роли разлучницы выступает Егорова. И все же, несмотря на переполнявшую ее ревность и злость, Миронова старалась вида не

подавать и тоже хлопала в ладоши вместе со всеми.

Седьмого января свой очередной день рождения справляла мама нашего героя. Торжество справляли на даче в Пахре. Туда была приглашена и Егорова. И там, узнав, что Татьяна родилась на день позже ее, именинница искренне удивилась и преподнесла ей подарок – коробку шоколадных конфет. Эти конфеты были съедены тут же, в узком кругу, когда настенные часы пробили наступление нового дня – 8 января.

Утром Миронова и Менакер уехали в Москву, а Андрей и Татьяна остались на даче. Впереди их ожидали лыжная прогулка, душ и приятное времяпрепровождение у горящего камина (а вечером обоим предстояло играть в «Доходном месте»). Во время сидения у камина Миронов преподнес имениннице очередной подарок – флакон фрунцузских духов «Фамм». После чего сообщил, что решился официально жениться на Егоровой. Однако одного его решения было мало – надо было спросить разрешения у родителей, вернее, у матери. Миронов заранее предугадывал ее реакцию, боялся этого и всячески оттягивал последний разговор. Но тянуть до бесконечности было нельзя. В конце концов он решился. Но все вышло так, как он и предполагал. Если отец отнесся к его сообщению о женитьбе спокойно, то мать буквально взорвалась: «Нет, нет и нет! Я тебя не для того растила, чтобы отдавать в руки безродной девки, у которой даже приличного приданого нет». И как Миронов не втолковывал матери, что социальное и имущественное положение его будущей жены для него ничего не значит, все было напрасно – мать стояла на своем и грозилась в случае неповиновения обрушить на голову сына все возможные громы и молнии. И Миронов решил обождать с женитьбой до лучших времен. Впрочем, сам он в наступление этих времен верил с трудом.

В начале марта Андрей съездил в Ленинград, где находились с гастролями его родители. Вернулся оттуда 9-го и прямо с вокзала отправился в театр, чтобы участвовать в очередной репетиции. А после нее они с Егоровой отправились в Волков переулок. Но по дороге туда случилось неожиданное: Татьяна внезапно объявила Миронову, что им надо расстаться. Аргумент у нее был один: «Я устала, у тебя на первом плане всегда будет мама». Миронов был в шоке, у него даже руки затряслись. Он бросился уговаривать любимую не делать этого, обещал исправиться. Но та была неумолима. Миронов чуть не плакал. Каково же было его удивление, когда выяснилось, что возлюбленная… его просто разыграла. Едва они переступили порог квартиры, как Миронов увидел на столе желтые тюльпаны и шоколадный торт, который Егорова испекла накануне вечером.

Рядом с тортом красовалась записка: «Андрюша, с днем рождения!» Этот торт они съели этим же вечером, когда вернулись после спектакля «Баня» домой. Причем съели не одни, а в компании с Валентином Плучеком и его супругой.

А спустя несколько дней в отношениях Миронова и Егоровой вновь случился очередной кризис. В те дни на сцене Театра сатиры состоялась премьера нового спектакля – «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», где Егорова играла роль Бетан. На худсовете игра всех актеров была признана удовлетворительной, и только Егорова получила втык: ее игру признали самой ужасной. Кто-то даже предложил не повышать ей зарплату. Но для самой артистки эта проработка ничего бы не значила (за два года работы она и не такого наслушалась), если бы в хор этих голосов не вплел свой голос Миронов. Он внезапно… поддержал худсовет. И этот поступок буквально убил Егорову. Дома, в Волковом переулке, она устроила возлюбленному «разбор полетов». Она назвала его предателем и трусом, и в очередной раз объявила, что им надо расстаться. И он опять бросился отговаривать ее. Как и в прошлые разы, Егорова довольно быстро сдалась. А спустя несколько дней уже жалела об этом, узнав, что Миронов провел ночь с одной из артисток их театра. «Все! Кончено!» – заявила ему Егорова, когда он вновь пришел просить у нее прощения. И целую неделю они не общались.

Тем временем 25 апреля Миронов начал сниматься на «Мосфильме» в своей самой знаменитой картине – «Бриллиантовая рука» Леонида Гайдая. У него была главная роль – прохиндей-контрабандист Геннадий (Геша) Козодоев. И именно в эти самые дни Миронова угораздило попасть… на заметку КГБ. Случилось это до обыденного просто. Вместе со своим другом детства и коллегой по «Сатире» актером Владимиром Долинским он гулял по Арбату. Когда они проходили мимо американского посольства на Спасо-Хаус, они столкнулись с двумя симпатичными девушками. Услышав из их уст английскую речь, друзья решили за ними приударить. Миронов стал говорить по-английски, Долинский обошелся родным, русским наречием. Девушкам молодые люди понравились, и они пригласили их прогуляться в посольском саду. Знай актеры, что перед ними дочери американского посла, они бы наверняка поостереглись принимать их приглашение. Но они ни о чем не догадывались и посему смело вошли на территорию посольства. И пробыли там больше часа. Последствия не заставили себя долго ждать.

Уже на следующий день Миронову позвонил незнакомый мужчина, который представился офицером КГБ. Чекист

предложил Миронову встретиться и назвал адрес: дом в центре Москвы, где у КГБ была конспиративная квартира. Отказаться актер не посмел. Через несколько минут он был уже на месте и только там наконец осознал, какую глупость он совершил накануне. Чекист объявил ему, что, оказавшись на враждебной территории, он совершил преступление (нарушил государственную границу) и теперь должен искупить свою вину – дать согласие на сотрудничество с Комитетом. В противном случае чекист пригрозил Миронову жестокими карами. «Вы, кажется, только что начали сниматься в очередном фильме? Так вот, если не согласитесь, из фильма вы вылетите. Да и в театре вам мало что будет светить: ни главных ролей, ни зарубежных гастролей вы не увидите». Миронов был в шоке: стать стукачом было для него равносильно смерти, но и без актерской профессии он себя тоже не мыслил. Было над чем поломать голову.

Тем временем 25 мая Миронов стал собираться в дорогу – он собирался выехать в Адлер, чтобы присоединиться к съемочной группе «Бриллиантовой руки», которая еще 17 мая выехала на юг для натурных съемок фильма. Но, прежде чем выехать на юг, Миронов «обработал» Егорову. Он сообщил ей, что у него чесотка, которая наверняка передалась и ей. А посему им обоим надо лечиться – втирать в себя специальную микстуру. И он выдал ей два флакона чрезвычайно вонючей жидкости. «Надо втирать ее два раза в день – утром и вечером. Я буду мазать на юге, а ты – здесь». Доверчивая Егорова поверила. На самом деле Мироновым двигала элементарная ревность. Он раздобыл эту жидкость у знакомого врача и преследовал одну-единственную цель – чтобы его возлюбленная пропахла этой гадостью настолько сильно, чтобы ни один мужчина не смог к ней даже близко приблизиться.

Между тем сам Андрей к женщинам на съемках приближался, иногда даже очень близко. Например, к Светлане Светличной, которая исполняла в фильме роль блондинки-красавицы Анны Сергеевны. Актриса вспоминает:

«В «Бриллиантовой руке» у меня было всего пять съемочных дней в Сочи и в Адлере (в Адлере снимали смотровую площадку. – Ф.Р.). Когда они закончились, мы это отметили с шампанским. Хорошо так отметили, не пожалели. А потом вдвоем с Андрюшей (Мироновым. – Ф.Р.) пошли купаться на море. Я заплыла черт-те куда и стала тонуть – по-настоящему, до сих пор страшно вспомнить. И Андрюша меня спас – понимаете, я ему жизнью обязана. Потом мы долго целовались на берегу – только целовались! – а утром я улетела в Москву. Вот такой короткий флирт… У актеров и актрис, которые снимаются вместе, очень часто возникает взаимное влечение. Работе это не мешает, даже

наоборот, но вредит семейной жизни. Особенно когда в семье оба актеры…»

Вернувшись в августе в Москву, Андрей снова возобновил свои отношения с Егоровой. А тут как раз грянули события в Чехословакии – 21 августа. И вот на следующее утро Миронов и Егорова проснулись в доме на Петровке, 22, и Андрей включил радио, причем не советское, а «Свободную Европу». И они услышали неожиданную новость – советские войска вошли в Прагу, чтобы подавить «бархатную революцию» (аналог сегодняшних «оранжевых революций»). Егорова была в ванной, когда туда ворвался потрясенный Миронов и буквально завопил: «Танька, наши танки в Праге! Это не страна, а держиморда какая-то! Тут всех пересажали, теперь за чехов взялись!» Однако долго обсуждать эту новость у обоих не было времени: Миронову надо было на съемку, Егоровой – на репетицию. Но вечером они договорились встретиться и все хорошенько обсудить.

В тот же день в «Бриллиантовой руке» были сняты очередные «ресторанные» эпизоды: Граф и Горбунков за столом в ресторане, Граф заказывает водку, коньяк и пару бутылок пива, после чего произносит фразу-пароль: «Феденька, и хорошо бы дичь».

Вечером Миронов и Егорова отправились на квартиру к Игорю Кваше на улице Немировича-Данченко, где собралось не менее двух десятков человек, чтобы обсудить последние события в Праге. Собравшиеся бурно возмущались происшедшим, однако дальше слов дело не пошло: послать возмущенную телеграмму советскому правительству, как это сделал Евгений Евтушенко, никто не решился.

Двадцать восьмого августа в Театре сатиры состоялась премьера спектакля «Последний парад» А. Штейна. Миронов в спектакле занят не был, но он приехал посмотреть на Егорову, которая играла одну из ролей. На премьеру приехал также и Владимир Высоцкий, песни которого звучали в спектакле. До этого он полтора месяца снимался в Сибири, в фильме «Хозяин тайги», и только вчера прилетел в Москву, чтобы специально присутствовать на «Параде». Остался он и на банкет, который состоялся сразу после представления в фойе Театра сатиры. Там произошел неприятный инцидент. Егорова, которая догадывалась, с кем и как Миронов провел последние выходные на Пахре, решила ему отомстить – стала флиртовать с Высоцким. А тот, взяв гитару, стал петь одну песню за другой, всем своим видом показывая, что песни эти предназначаются ей, Егоровой. Миронов, естественно, это заметил. И когда после очередной песни Высоцкий взял тайм-аут, Миронов попросил Егорову выйти с ним в коридор. Девушка пошла, поскольку даже в мыслях не

могла предположить, что ее там ожидает. А ожидало ее ужасное. Едва они оказались в коридоре, как Миронов развернулся и со всей силы заехал ей кулаком в лицо. Из носа Егоровой хлынула кровь, заливая ее белоснежную кофточку. Увидев это, Миронов мгновенно опомнился. Он схватил Татьяну за руку и поволок ее в мужской туалет. Там смочил платок в холодной воде и приложил к больному месту. Кровь остановилась. Поскольку возвращаться в зал было уже нельзя, они незаметно покинули театр. Их путь лежал на Петровку, 22, в дом родителей Андрея, которые были на очередных гастролях. И уже там случился еще один эпизод, на этот раз из разряда забавных. В пять утра Миронову позвонила одна из актрис Театра сатиры, которая сообщила, что готова ему немедленно отдаться. Актер воспринял это заявление всего лишь как шутку чрезмерно перебравшей на банкете женщины. Какого же было их с Егоровой удивление, когда эта дама действительно возникла на пороге их квартиры. Правда, ее присутствие длилось считаные секунды: увидев Егорову, нежданная гостья с диким воплем бросилась прочь.

Тем временем в начале октября Егорова узнала об отношениях Миронова с КГБ. Произошло это случайно. Днем они гуляли на Воробьевых горах, а вечера коротали в Волковом переулке. И однажды в коридоре зазвонил телефон. Миронов поднял трубку и мгновенно изменился. Минуту назад он был веселым и общительным, а тут его лицо буквально окаменело, фразы стали какими-то механическими. Заметив это, Егорова сразу после звонка стала допытываться, в чем дело. И Андрей не удержался – рассказал ей о том, что с весны его преследует КГБ, уговаривая согласиться сотрудничать с ним. «Что мне делать, Таня? – спрашивал Миронов. – Они обещают, что если я не соглашусь, порушить мою карьеру». – «Нечего было приставать к бабам!» – огрызнулась поначалу Егорова. Но потом сменила тон: «Чего ты боишься? Они же вместо тебя не придут на сцену играть Фигаро? И в «Бриллиантовой руке» тоже не снимутся. Они просто пугают». Но Миронов ей не верил. Да и сама она, честно говоря, тоже мало верила себе, поскольку понимала – при желании КГБ может сделать с человеком все, что угодно.

Между тем продолжаются съемки в «Бриллиантовой руке». В начале октября работа шла в павильонах «Мосфильма». И в эти же самые дни Миронова стала активно зазывать к себе в гости его партнерша по фильму Нонна Мордюкова (она играла роль управдомши). Незамужняя актриса положила глаз на фартового Миронова еще во время съемок в Сочи и однажды даже попыталась обольстить его прямо на пляже. Но Миронов в ее случае оказался крепким орешком. Ему нравилась совсем другая

партнерша по фильму – Светлана Светличная. Но романа с ней у него тоже не получилось. Что касается Мордюковой, то она от своих попыток в отношении Миронова не отреклась. И, уже будучи в Москве, стала названивать ему и приглашать к себе в гости. И Миронов решил… попробовать. То есть ответил актрисе, которая была на 16 лет его старше, взаимностью. Во всяком случае, так об этом потом будет говорить сама Мордюкова. А в массовый обиход эту историю вбросит (уже в наши дни) Станислав Садальский. Цитирую его слова:

«…Нонна Мордюкова на день рождения (я тогда 33-летие отмечал) подарила мне свой рассказ о романе с Андреем Мироновым. Причем рассказ с автографом, и когда я буду переиздавать книгу «Дебил-шоу», обязательно включу туда эту историю о том, как безумно Мордюкова влюбилась…

Короче, у них закрутился роман, а Миронов – он же такой был педант. Однажды, когда стал одеваться, у него оторвалась пуговичка и под кровать закатилась. Андрей нагнулся, долго нелепо лазил, искал, и… «И любви как не бывало», – подытожила Нонна. Рассказ так и называется – «Пуговица»…»

А вот судя по мемуарам Татьяны Егоровой, никакого романа у Миронова с Мордюковой не было. Последняя действительно хотела заполучить Андрея и поэтому после съемок в «Бриллиантовой руке» звала его в гости. Но он, когда эти приглашения ему надоели, решил покончить с этим раз и навсегда. В один из дней, когда Мордюкова в очередной раз ему позвонила, он принял ее приглашение. Но вместо того чтобы прийти одному, взял с собой… Егорову. Когда Мордюкова увидела их на пороге своей квартиры, она поначалу опешила, а потом… пригласила обоих за стол. И они весело провели время за вкусным и сытным обедом. После этого звонки Миронову прекратились. Во всяком случае, так об этом сообщает Егорова.

В середине октября Андрей отправился в свое первое заграничное турне, причем в капиталистическую страну – Японию. Вернулся оттуда 23 октября в прекрасном настроении. По этому случаю Егорова в тандеме с Александром Червинским приготовили ему роскошное блюдо, вычитанное в старинной поваренной книге – курицу с гречневой кашей. Из напитков раздобыли дефицитные джин с тоником. И когда Миронов ввалился в свою квартиру в Волковом переулке, роскошный стол был уже накрыт и ждал путешественника. Тот был уже подшофе (тяпнул с Соколовским в аэропорту) и с толстой сигарой во рту. Соответственно внешнему виду было и поведение хозяина квартиры: «Где мои гейши? – спросил он, не вынимая изо рта сигары. – Снимите мне ботинки!» А чуть позже: «Что это за дрянь?

Кому пришло в голову набивать курицу гречкой? Я ее терпеть не могу!» Гулянка продолжалась до поздней ночи, поскольку Миронов никак не мог остановиться и буквально захлебывался впечатлениями от своей поездки.

Утром следующего дня его прекрасное настроение было испорчено телефонным звонком. Звонил тот самый чекист, который пытался завербовать артиста еще весной. Разговор был коротким: чекист назначил артисту свидание завтра у зоомагазина на Кузнецком Мосту. «Суки!» – произнес в бешенстве Миронов, едва на том конце провода раздались короткие гудки. Но делать было нечего – надо было идти. Знай Миронов, что произойдет во время этой встречи, наверняка перенес бы ее на другое время. А произошло вот что. Егорова решила отвадить КГБ от своего возлюбленного и выбрала для этого самый простой способ. Подкараулив чекиста, когда он подошел к Миронову, она выскочила из магазина и стала бить бойца невидимого фронта… серебряным подсвечником. При этом она оглашала улицу истошными криками: «Держи вора! Ах ты, педерас безглазый! Я тебе руки вырву, если ты еще раз к нему подойдешь!» На чекиста это нападение произвело такое впечатление, что он бросился бежать восвояси. Однако и самого Миронова происшедшее потрясло не менее сильно. Как итог: в тот же день он сделал Егоровой предложение руки и сердца. Она его с радостью приняла. И утром следующего дня они отправились в ЗАГС Краснопресненского района, что на Хорошевском шоссе. Регистрацию брака им назначили на 15 декабря.

А пока в самом конце ноября на «Мосфильме» был принят фильм «Бриллиантовая рука». Кстати, за свою роль в нем Миронов удостоился гонорара в 1920 рублей.

После приема картины дирекцией его смотрела вся съемочная группа. Среди приглашенных была и Татьяна Егорова. Вот как она сама вспоминает о том дне: «В маленький зал втиснулось много зрителей, среди которых были и Папанов, и Никулин, и Мордюкова. Гайдай сидел отдельно ото всех, в последнем ряду. И сейчас, через тридцать лет после премьеры этого фильма, от экрана, когда показывают этот шедевр по телевидению, невозможно оторваться! А тогда! В танцах, в пьянстве, в авантюрной заморочке всеми гранями блистал не укладывающийся ни в какие рамки, талантливый и причудливый дар русского человека. Андрей в сцене на палубе – «весь покрытый зеленью, абсолютно весь…» – заряжал всех такой энергетикой, что, казалось, выпадал с экрана.

После просмотра мы шли по территории «Мосфильма», и я говорила:

– Тебя Бог любит! Ты выиграл популярность, жизнь и свою неприкосновенность! Этот фильм – твоя охранная грамота. Что бы они ни делали, эти кагэбэшники, они уже опоздали. Они могут многое, но запретить любить тебя не могут. А после этого фильма ты уже любим всей страной…»

Праздновать премьеру влюбленные отправились в дом своих хороших знакомых – актрисы Театра сатиры Лилии Шараповой и ее мужа Павла Пашкова. Туда набилось много народу. Застолье продолжалось где-то до трех ночи, после чего началась хохма: гости стали на спор – кто быстрее вылезет – лазить в форточку на кухне. Победил Миронов, который умудрился пролезть в оконное отверстие, будучи в свитере.

В декабре в семье Миронова случилась беда – Александра Менакера свалил инфаркт. Его госпитализировали в больницу, а Миронов срочно переехал на Петровку, чтобы поддержать мать. Егорова поняла – свадьбы, скорее всего, не будет. Так оно и вышло. Однако, несмотря на это, наступление Нового 1969 года Миронов и Егорова встречали вместе – в Доме актера. Публика там собралась изысканная, но самым экзотическим гостем была, конечно же, дочь генсека Галина Брежнева.

Восьмого марта 1969 года Андрею Миронову исполнилось 28 лет. Так вышло, но впервые за многие годы родителей именинника подле него не оказалось – они в те дни находились с гастролями в Ленинграде. Однако Миронов решил не нарушать традицию. Прихватив с собой Егорову, он рано утром вскочил на «Красную стрелу» и отправился в Питер. И когда спустя несколько часов они ввалились в родительский номер в гостинице «Астория», те были, конечно, в шоке. Но затем шок прошел, и родителями именинника овладели совсем иные чувства. Менакер был счастлив, а вот Миронова не очень, поскольку рядом с сыном по-прежнему была ненавистная ей женщина. Чтобы не накалять обстановку, гости сразу после чаепития отправились гулять по городу. В гостиницу они вернулись спустя несколько часов исключительно для короткой церемонии: Миронов вручил маме роскошный букет, распрощался с родителями и отправился обратно в Москву, чтобы успеть на утреннюю репетицию.

В конце марта сбылась наконец мечта Миронова – он стал автовладельцем, приобретя в личное пользование самый престижный в то время в Советском Союзе автомобиль «Волга». Как мы помним, помог ему в этом реставратор Александров (за его спиной стоял Менакер), а также «Мосфильм», выплативший ему гонорар за «Биллиантовую руку» (почти 2 тысячи рублей). Конец марта и начало следующего месяца прошли в приятных хлопотах: автомобиль Миронова проходил техосмотр.

Четвертого апреля состоялась премьера спектакля «Безумный день, или Женитьба Фигаро», где у Миронова была главная роль – плут Фигаро. Это была вторая роль актера в театре, которая закрепила за ним среди поклонников славу дамского обольстителя (первой такой ролью был Дон Жуан в спектакле 1966 года выпуска). Аншлаг на «Фигаро» был фантастический. Хотя многие актеры, занятые в спектакле, роптали: дескать, другие театры ставят что-то актуальное, а мы «сваяли» развлекуху из французской жизни XVIII века. Однако развлекуха развлекухе рознь. То, как поставили в «Сатире» знаменитую пьесу Бомарше, стало настоящей сенсацией. Главным возмутителем спокойствия был, конечно же, Андрей Миронов, однако и остальные участники спектакля тоже не подкачали – играли столь же вдохновенно. В роли Графа блистал Валентин Гафт, в роли Сюзанны – Нина Корниенко (недавняя выпускница Школы-студии МХАТ), в роли графини Розины – Вера Васильева и т. д. Как писал критик К. Рудницкий: «Фигаро удавался многим. Это – заманчивая, полная блеска и живости роль. Однако, принимая ее, артист принимает на себя обязательство – почти невыполнимое: сыграть Фигаро так, как до него не играли. Это все равно что найти белый гриб на асфальте посреди улицы Горького. Тем не менее…

Фигаро, каким его играет Андрей Миронов, – прежде всего влюбленный. Именно любовь дает ему право стать героем этого спектакля. Впрочем, не одна только любовь. Артист, свободно и счастливо распоряжаясь богатствами, которые предоставил ему гениальный автор, на протяжении всей пьесы не устает демонстрировать нам изощренный, тонкий, гибкий, смелый и проницательный ум Фигаро. Ум этот светится в глазах Миронова всегда, ум этот ему самому доставляет наслаждение и передается нам то сильной вспышкой афористически емкой фразы, то витиеватым, но интересным в каждой интонации движением длинного монолога, то азартом и риском увлекательных и опасных диалогов Фигаро с графом. У Миронова в этой роли заметно уже зрелое, виртуозное пластическое и интонационное мастерство, подкрепленное природным лукавым обаянием, подкупающей искренностью улыбки, теплотой взгляда. Его Фигаро – красивый человек, в нем свежесть чувства обручилась с ясностью ума, его движения уверенно небрежны, с легкой, едва уловимой аристократичностью, развинченностью. Такому Фигаро к лицу и роскошество костюмов, и вся нарядная внешность спектакля…»

Шестнадцатого апреля Театр сатиры отправился на месячные гастроли в Ленинград, чтобы показать несколько спектаклей (в том числе и «Женитьбу Фигаро») тамошней публике (а в его

здании на площади Маяковского открыл свои гастроли в столице Ленинградский ТЮЗ). Миронов отправился туда отдельно от труппы – на своей новенькой «Волге», которую он только что приобрел и хотел хорошенько «обкатать». В попутчики себе он взял Егорову и двух актеров своего же театра – супружескую пару Веру Васильеву и Владимира Ушакова. В отличие от последних, Егорова чувствовала себя лишней – перед самым отъездом Миронов предупредил ее, что в Питере они будут жить в разных гостиницах. Татьяна сразу определила, откуда ветер дует – от мамы Андрея. Поэтому и вела себя соответствующим образом – была холодна. Не растопил ее сердце даже визит в Михайловское, к А. С. Пушкину.

В Ленинграде Миронов поселился в «Астории», а Егорова в более простенькой гостинице – «Октябрьской». На следующий день «Сатира» играла «Фигаро» на сцене Выборгского дворца культуры. Как ни странно, но зритель реагировал на представление достаточно сдержанно. Для артистов это было неприятным открытием, поскольку в Москве все было иначе – восторг и овации. Однако в последующие дни питерская публика постепенно раскочегарилась и артистам явно полегчало. Всем, кроме Миронова. Дело в том, что уже на третьи сутки пребывания в Питере он внезапно стал скучать по Егоровой и, плюнув на наставления матери, потребовал, чтобы она немедленно переехала к нему в «Асторию». Но Татьяна была крепким орешком и переезжать отказалась: дескать, мне и в «Октябрьской» неплохо. Миронов был в бешенстве, но поделать ничего не мог. Тогда он стал подсылать к Егоровой парламентеров, которые, по его мнению, смогли бы уговорить девушку одуматься. Сначала это была Татьяна Пельтцер, затем Вера Васильева и Ушаков. Но девушка держалась стоически. Тогда нервы Миронова не выдержали. Однажды он пригласил Егорову на прогулку по городу и, когда они стояли на набережной Невы, внезапно перекинул ее через парапет. К счастью, в самый последний момент он успел схватить ее за руки и держал так в течение минуты, требуя, чтобы она вернулась к нему. Но Татьяна и здесь проявила решимость, и Миронову не оставалось ничего другого, как вытянуть Егорову обратно. Тем более что эта сцена обратила на себя внимание прохожих. Правда, узнав в «утопителе» популярного артиста Андрея Миронова, они подумали, что тот репетирует очередную роль.

И все же переехать к Андрею Егоровой пришлось. Произошло это вечером того же дня, когда та часть труппы, которая поселилась в «Октябрьской», отмечала день рождения одной из артисток. В разгар веселья в номер вошел Миронов, молча взял

Егорову за шкирку и поволок в ее номер, за вещами. Егорова сопротивлялась вяло, поскольку к тому моменту сама уже изрядно настрадалась без своего возлюбленного. На следующий день Миронов познакомил невесту со своим дедушкой Семеном Менакером. Как и отцу Миронова, дедушке невеста внука тоже понравилась. Жаль, что это мнение тоже ничего не значило – всем в доме Мироновых заправляла Мария Владимировна.

Пока Миронов находился на берегах Невы, 28 апреля в Москве состоялась широкая премьера «Бриллиантовой руки». Фильм начал демонстрироваться сразу в 43 кинотеатрах (в том числе и крупнейшем – в «России»). Поэтому, когда в середине мая Театр сатиры вернулся в Москву, первое, что увидели артисты – аршинные плакаты фильма по всему городу.

Роль Геши Козодоева стала очередной ролью Миронова в кино (после Ромы Любешкина в «Три плюс два» и Димы Семицветова в «Берегись автомобиля»), которая стала весомым довеском к двум театральным ролям актера (Дон Жуан и Фигаро), закрепившим за ним славу дамского угодника с приставкой «феерический».

Между тем по возвращении в столицу Егорова узнала приятную новость: ее мама с отчимом переехали на Кутузовский проспект, оставив Татьяне свою большую комнату в коммунальной квартире на Арбате. И девушка незамедлительно перебралась туда. Самое интересное, эти апартаменты жутко понравились Миронову и он стал регулярно наведываться туда, а иной раз и жил там по нескольку дней кряду. Егорова была счастлива, но еще более счастливыми выглядели ее соседи (а это еще четыре семьи), которым судьба подбросила счастливую возможность живьем лицезреть артиста Андрея Миронова.

Третьего августа Театр сатиры закрыл свой очередной сезон в Москве. Артисты разъезжались по отпускам, в том числе и Миронов с Егоровой. Правда, уезжали они в разные места: Миронов собирался отдыхать с отцом в санатории «Эстония» в Пярну, а Егорова – в Гаграх. Но они договорились не забывать друг о друге и связь поддерживать посредством почты. Первой уехала Егорова – сразу после закрытия сезона в театре. Закрытие отмечали на квартире Миронова в Волковом. Народу туда набилось много, впрочем, так было всегда, когда Миронов собирал у себя сослуживцев. Гости вели себя раскованно: ели, пили, танцевали, хохмили. Одну из хохм придумал вечный массовик-затейник Марк Захаров. Он предложил… бросать с балкона (а это был седьмой этаж!) складные стулья. И первым выбросил один из таких стульев. За первым полетели и все остальные. Потом всей гурьбой артисты бросились вниз. Собрали

стулья, поднялись наверх и опять кидали их с балкона. Когда это развлечение надоело, решили отправиться на Воробьевы горы. Там Захаров вспомнил свою старую хохму – сжигать денежные купюры с изображением Ленина. Спустя много лет страсть к пиромании выльется в куда более серьезную акцию – Захаров публично сожжет свой партбилет. Но это случится в 1991-м, а пока на дворе конец 60-х.

В ноябре 1969 года Егорова внезапно обнаружила, что снова беременна от Миронова. Поначалу она испугалась, помятуя о своей прошлой беременности два года назад. Но затем взяла себя в руки и честно призналась во всем отцу будущего ребенка. Говоря ему об этом, она была готова на любую отрицательную реакцию, однако то, что она услышала и увидела, сразило ее наповал: Миронов внезапно запрыгал по комнате и стал кричать «Ура, у меня будет ребенок!» Егорова поняла: ее возлюбленный наконец-то созрел для того, чтобы быть отцом. Но радость их длилась недолго. Как только эта новость разнеслась по театру, тут же нашлись доброхоты, которые донесли ее до ушей матери Миронова. Другая бы на ее месте только обрадовалась: наконец-то ее сын станет отцом, а они с Менакером – бабушкой и дедушкой. Но Мария Владимировна не хотела такой судьбы ни себе, ни сыну. Егорова продолжала категорически ей не нравиться, поскольку не имела за душой ничего: ни состоятельных родителей, ни громкого имени и положения в обществе. Разве такую невестку она хотела видеть рядом со своим знаменитым сыном? Нет, нет и еще раз нет! Миронова немедленно вызвала Егорову к себе на Петровку, 22. Разговор был короткий: хозяйка потребовала, чтобы Егорова сделала аборт. А когда та заартачилась, Мария Владимировна мгновенно перешла на крик. Гостья попятилась из квартиры. Когда она спускалась по лестнице, до нее все еще доносились крики из мироновской квартиры: «Я вам устрою… Вы не получите ни копейки!..»

Насчет «устроить» Миронова не обманула. Кто-то рассказал ей, что, будучи этим летом в Гаграх, Егорова проводила время в компании с писателем Юлианом Семеновым, Миронова мгновенно воспользовалась этой информацией. Вызвав к себе сына, она сообщила ему, что Егорова беременна… от Семенова. «Нет, это неправда!» – замахал руками Миронов. «Неправда? Да вся Москва уже об этом знает, кроме тебя, идиота!» – засмеялась в ответ мать. И Миронов поверил. Тем более что какие-то слухи о гагринских событиях успели долететь и до него сразу, как только он вернулся в Москву из Пярну. Но он тогда не придал им значения. Но теперь ситуация выглядела совершенно иначе. Миронов помчался к Егоровой на Арбат. И тоже стал требовать,

чтобы она сделала аборт. Татьяна послала его по тому же адресу, что и мать. А для себя решила окончательно – буду рожать, чего бы мне это ни стоило.

Оставшиеся дни до Нового года Миронов и Егорова если и общались, то нечасто. Миронов был целиком поглощен репетициями и спектаклями, а также новым увлечением, которое ему подыскала мама – некой женщиной из Управления дипломатическим корпусом. По мнению Марии Владимировны, эта особа хоть и была внешне некрасива, зато по своему происхождению (ее родители были дипломатами) подходила Андрею. Однако сам он по-прежнему любил только одну женщину – Егорову. И, когда ему было худо на душе, прибегал именно к ней поплакаться в жилетку.

Новый 1970 год Миронов и Егорова встретили отдельно друг от друга. Он встречал его на Пахре на даче у Ореста Верейского. Были Гердты, Эльдар Рязанов с женой Зоей, Миронова с Менакером, Ширвиндты, Майя Рошаль с Некричем и еще несколько человек, в том числе и новая пассия Миронова из Управления дипкорпуса. Егорова встретила Новый год у себя дома на Арбате в полном одиночестве. Естественно, и настроение у обоих было соответствующим: Миронов всю ночь и утро веселился и хохмил, а Егорова даже не дождалась боя курантов, поскольку… заснула, читая стихи горячо любимой ею Марины Цветаевой.

Андрей объявился у Татьяны только 2 января. По ее же словам, она его не узнала – таким изменившимся показалось ей его лицо. Да и поведение его тоже было нелучшим: Миронов метался по квартире, что-то сумбурно говорил. Он умолял хозяйку простить его, опять обещал начать все сначала. А чтобы она поверила ему, пообещал устроить пир горой в день ее рождения. Слово свое Миронов сдержал: 8 января в его квартире в Волковом переулке действительно было весело. Из гостей там были: Марк Захаров, Александр Ширвиндт, Павел Пашков со своей супругой Лилей Шараповой и др. А на следующий день Миронов повел свою возлюбленную в Большой театр на балет «Собор Парижской Богоматери». Казалось, впереди молодых ждет безоблачное будущее. Увы…

Беда пришла два дня спустя. Егорова гуляла по Арбату, поскользнулась и больно ударилась спиной о ледяной асфальт. Больше в те дни она гулять не выходила, лежа пластом у себя дома. А Миронов пропадал в театре, репетируя «У времени в плену», а также играя репертуарные спектакли. Так, 16 января он вышел на сцену в костюме Фигаро. В этот же день Егоровой стало плохо и она попросила соседку по коммуналке вызвать ей

«Скорую». Врачи определили у нее предродовые осложнения и отвезли в роддом в Тушине. А тамошние врачи вынесли Егоровой страшный вердикт: ребенка спасти нельзя! «Почему?» – вырвалось у Егоровой. «Не надо было травиться!» – последовал убийственный ответ. Почему врачи решили, что она травилась, так и осталось загадкой. Но в главном врачи не ошиблись: на следующий день Егорова действительно родила мертвого мальчика. Когда об этом сообщили Миронову (сразу после спектакля «Клоп»), он тоже впал в ступор. Ситуацию усугубило еще и то, что в эти же дни в больницу с тяжелейшим инсультом угодил и его отец Александр Менакер. Как Миронов выдержал все эти испытания, одному Богу известно. А ведь ему еще приходилось выходить на сцену и веселить публику: 18 января это была «Баня», 19-го – «Дон Жуан», 23-го – «Интервенция», 24-го – «Дон Жуан», 26-го – «Фигаро», 28-го – «Клоп», 30-го – «Интервенция», 31-го – «Женитьба Фигаро».

В день выписки Егоровой случилась накладка. Врачи, подумав, что она уже уехала, сказали об этом Миронову, который приехал за ней чуть позже назначенного времени. И Миронов подумал, что потерял свою возлюбленную: зная ее импульсивный характер, он решил, что она специально уехала без него, чтобы… утопиться. К счастью, ситуация прояснилась спустя полчаса. Миронову хватило ума перезвонить в больницу, где ему сообщили, что Егорова никуда не уезжала и по-прежнему ждет его в приемной. Андрей тотчас примчался в больницу и забрал возлюбленную к себе в Волков переулок. Там Егорова пробыла чуть больше недели. А потом, воспользовавшись моментом, когда Миронов был в театре, позвонила своей соседке по арбатской коммуналке и попросила прислать ей такси. На нем она и вернулась к себе домой. Когда вскоре туда примчался Миронов, она заявила ему, что хочет побыть одна и разобраться в своих чувствах к нему. Как ни больно было это слышать Миронову, но он тоже стоял перед той же проблемой. Вот уже почти четыре года они были знакомы, но иначе чем мукой эти отношения назвать было сложно. Оба понимали, что дальше так продолжаться не может, но сделать решительный шаг в какую-либо сторону ни у него, ни у нее смелости не хватало. Именно тогда Миронов признался своей возлюбленной: «Ты знаешь, в чем мое несчастье. Когда я был ребенком, совсем маленьким, родители все время репетировали дома. Я подглядывал в щелочку из своей комнаты. Они постоянно репетировали, играли, и мне вся жизнь представилась игрой. У меня отсутствует граница между жизнью и театром. И вот я доигрался…»

В театр Егорова вернулась в марте и сразу была включена в

творческий процесс. Ей отдали ее роль-крохотульку в спектакле «У времени в плену», а также ввели в новую постановку – спектакль по пьесе венгерского драматурга Дьярфоша «Лазейка» («Проснись и пой»). Правда, роль Мари тоже была эпизодическая. Миронов в этой постановке не участвовал, чему Егорова была даже рада. В последнее время она была благодарна судьбе за любую возможность не встречаться с Мироновым. Ее чувства к нему, кажется, окончательно охладели. В театре ее продолжали унижать и третировать все, кому не лень, а Миронов даже пальцем не пошевельнул, чтобы пресечь это на корню. Все-таки по натуре своей он был не боец. Ведь Егорова вот уже почти четыре года ходила в его гражданских женах, столько страданий вынесла на этом поприще, а он даже защитить ее толком не мог. И это при том, что к тому времени он уже стал настоящей звездой Театра сатиры и с его мнением многие считались, в том числе и Плучек. Однако, добившись этой привилегии для себя, про Егорову Миронов даже не заикался. Ее это, естественно, сильно задевало. Она еще могла простить ему, что он пасовал перед родной матерью, но когда он трусил перед коллегами и главрежем, этого она просто не понимала. Отсюда и отчуждение. Дело дошло до того, что Егорова теперь даже в театральном буфете садилась отдельно от Миронова и не смотрела в его сторону. Миронова это жутко бесило. Но в театре он старался не показывать вида и только за его пределами давал волю своим чувствам. Так, в один из тех стылых мартовских дней он устроил настоящую погоню за Егоровой по улицам Москвы. Гонка стартовала от арбатской квартиры Татьяны и продолжилась по Садовому кольцу. Беглянка и преследователь чуть ли не сметали со своего пути прохожих и даже умудрились включить в гонку троллейбусы. Дважды Егорова заскакивала в заднюю дверь рогатой машины и выскакивала в переднюю, а Миронов был менее расторопен, и ему приходилось барабанить в закрытые двери кулаками, чтобы водитель впустил и выпустил его. И все же победил в этой гонке Андрей. На правах победителя он немедленно поволок свою женщину в хорошо знакомый им ЗАГС на Хорошевском шоссе. Тамошняя регистраторша, увидев их, была в шоке. «Здра-а-сьте! – с нескрываемым сарказмом в голосе протянула она. – Опять вы и в том же составе! Прям театр какой-то!» – «Почему какой-то? – съязвила Егорова. – Театр сатиры». Регистрацию им назначили на 15 апреля.

Пятнадцатого апреля Миронов и Егорова должны были пойти в ЗАГС и расписаться, но из этой затеи опять ничего не получилось. Не захотела сама невеста. Она только-только стала приходить в себя после потери ребенка, а поход в ЗАГС грозил

новыми неприятностями, особенно в общении с матерью жениха. И Татьяна упросила Миронова отложить эту регистрацию на потом: дескать, Бог любит троицу, вот и мы попробуем с третьей попытки. Поскольку Андрей и сам к тому времени осознал, что с мартовским походом в ЗАГС он погорячился, то он легко согласился с доводами Татьяны. Вечером 15 апреля он во второй раз играл для широкого зрителя «У времени в плену». А потом в один из дней пригласил Егорову в Архангельское есть в тамошнем ресторане карпов в сметане, которых Татьяна обожала (сам Миронов никакую рыбу не любил). За компанию они пригласили с собой еще двух человек: однокурсника Миронова по «Щуке», Михаила Воронцова и его тогдашнюю возлюбленную… Ларису Голубкину. Да, да, ту самую Голубкину, в которую, как мы помним, в начале 60-х был влюблен Миронов и которой он неоднократно делал предложения руки и сердца. Но та каждый раз отвечала ему отказом. В итоге их отношения переродились в дружеские. А после того как Голубкину угораздило влюбиться в бывшего однокурсника Миронова, то их дружба стала еще крепче. Предположи кто-нибудь из них, что спустя каких-нибудь четыре года эта дружба переродится в официальный брак, уверен, никто бы в это не поверил. Но ведь так будет! Впрочем, не будем забегать вперед.

Свой новый сезон Театр сатиры открыл в субботу 26 сентября. В тот день показывали «Интервенцию». Затем часть труппы переместилась на Котельническую набережную, в квартиру к Александру Ширвиндту, чтобы в теплой дружеской компании отметить открытие сезона. Гулянка продолжалась до утра. После чего в понедельник начались трудовые будни: игрались спектакли, репетировались новые постановки. Той осенью в портфеле театра были четыре новинки: «Обыкновенное чудо» Е. Шварца, «Затюканный апостол» А. Макаенка, «Ревизор» Н. Гоголя и «Милый друг» Ги де Мопассана. В двух последних Миронов должен был играть главные роли: в «Ревизоре» это был Хлестаков, в «Милом друге» – Жорж Дюруа.

Шестого ноября Миронов играл в спектакле «У времени в плену». Сразу после него наш герой в компании Егоровой и ряда других «сатировцев» отправился «гудеть» по привычному адресу – на квартиру Александра Ширвиндта в высотке на Котельнической набережной. Все были в прекрасном расположении духа, пили-ели, а в перерывах хохмили и устраивали розыгрыши. Правда, иные из этих розыгрышей приводили к легким потасовкам. Например, Егорова начала заигрывать с хозяином, а увидевший это Миронов, будучи подшофе, воспылал внезапной ревностью. Недолго думая, он влепил оплеуху возлюбленной, однако та не

осталась в накладе: схватила со стола стакан с водкой и вылила его содержимое в карман пиджака Миронова. После этого выскочила из квартиры, попыталась убежать от любимого на лифте, но он догнал ее в кабине, и они… стали целоваться.

В разгар веселья кто-то вспомнил о завтрашнем празднике. Тут же всплыла тема Ленина, революции и т. д. Тут же было решено перенести гулянку на Красную площадь. Поскольку все уже были в изрядном подпитии, никто даже не подумал о том, что эта прогулка может плохо закончиться для всех присутствующих. Как говорится, пьяным и море по колено. И вот уже через несколько минут вся гоп-компания топтала брусчатку главной площади страны. Подойдя к памятнику Минину и Пожарскому, Миронов, который всего лишь несколько часов назад играл пламенного большевика-ленинца Всеволода Вишневского, вытянул руку в сторону Мавзолея и разразился стишками ярко выраженного антисоветского толка:

Смотри-ка, князь,
Какая мразь,
У стен кремлевских улеглась!

За такие стишки в те годы можно было легко схлопотать лет эдак пять за антисоветскую пропаганду, но на счастье Миронова поблизости не оказалось милиционера. Это обстоятельство развязало языки и остальным участникам гулянки. Выстроившись в колонну, они, четко чеканя шаг, потопали к Мавзолею, размахивая метлой с наконечником из красного пластмассового петушка. Там уже Марк Захаров перехватил инициативу у Миронова и запел: «В городском саду играет духовой оркестр. В мавзолее, где лежит он, нет свободных мест…» Часовые, охранявшие покой вождя мирового пролетариата, стояли, не моргнув глазом. Согласно служебной инструкции, они не имели права реагировать на окружающих. Они и не реагировали. А компания продолжала забавляться: метла с петушком переходила из рук в руки, кто-то начинал ею мести заснеженные булыжники площади, другой, подняв петушка над головой, орал благим голосом: «Ку-ка-ре-ку!» В конце концов, видя, что никто на их эскапады не реагирует, артисты решили продолжить гулянку в другом месте – на квартире у Миронова в Волковом переулке. Там догуляли ночь, еще раз хорошенько приняли, и утром 7 ноября всем гуртом вывалились на улицу, где уже вовсю отмечался праздник. Выпивший Захаров буквально ввалился в толпу демонстрантов, шедших на Красную площадь для участия в праздничном параде и, выхватив у какого-то демонстранта

красный флаг, заорал во всю глотку шлягер Александры Пахмутовой «Пока я ходить умею, пока я дышать умею…». Затем, напевшись, швырнул флаг обратно демонстранту и выскочил из толпы. Завершили они свою гулянку в столовой Белорусского вокзала, где вместе с транзитными пассажирами заедали водку слипшимися макаронами. А вечером того же дня Миронов снова вышел на сцену родного театра – пел свои юморные куплеты в «Интервенции».

Наступление 1971 года Миронов и Егорова отмечали в ресторане ВТО (столик в дальнем конце зала забронировали его родители). Однако появление Татьяны не вызвало радости у мамы Миронова. Но он постарался не обращать на это внимания и вел себя в ту ночь так же естественно, как если бы матери в ресторане не было. В разгар веселья, когда алкоголь уже вовсю забродил в его жилах, он выскочил на сцену и в течение получаса лихо пел куплеты из «Интервенции», собственноручно аккомпанируя себе на рояле. Публика была в восторге. От души радовалась и Татьяна, даже не предполагая, что наступающий год положит конец ее роману с Мироновым.

Восьмого марта Миронов отмечал юбилей – собственное 30-летие. Торжество отмечалось в ресторане Дома литераторов на улице Воровского. Поздравить именинника пришла пестрая толпа из представителей творческой интеллигенции «всех родов войск» – от режиссеров и артистов до писателей и музыкантов. Егорова малость припозднилась – участвовала в вечерней репетиции спектакля по пьесе Н. Погодина «Темп-1929» – и приехала на торжество с Марком Захаровым. Именинник демонстративно усадил припозднившуюся гостью рядом с собой и стал оказывать ей самые активные знаки внимания. И этот жест не остался незамеченным. Спустя десять минут после того, как объявилась Егорова, гости потеряли двух своих гостей – мать и отца именинника. Как читатель наверняка догадался, инициатором ухода была Мария Владимировна, которая продолжала люто ненавидеть пассию собственного сына.

Торжество длилось вплоть до закрытия ресторана, после чего кто-то предложил продолжить его в доме отпрыска знаменитого врача Збарского (того самого, что бальзамировал тело Ленина), благо тот жил неподалеку. Но когда толпа вывалила на улицу, произошло небольшое ЧП – Егорова ехать отказалась и побежала в сторону Арбата, где проживала. Именинник бросился за ней. Следом побежали и все остальные: Игорь Кваша с супругой, Татьяна Пельтцер, Борис Мессерер и другие. Поскольку на улице был гололед, а на беглянке была отнюдь не спортивная обувь, ее преследование длилось недолго. Уговоры тоже не заняли много

времени: и вот уже спустя пять минут вся компания погрузилась в машины и рванула к Збарским. Гулянка продолжалась до утра.

Между тем роман Миронова и Егоровой плавно шел к своему завершению, и это чувствовали оба его участника. Только если Татьяна сопротивлялась этому вяло, то Миронов буквально рвал и метал и вел себя как обезумевший Отелло. Как пишет сама Егорова: «Он стал ночами врываться в мою квартиру, а я, без сил, запиралась изнутри, и соседи говорили, что меня нет дома. Тогда он объезжал все московские дома, разыскивая меня, потом возвращался на Арбат, вырывал дверь с корнем, хватал меня, спящую, с кровати – я летела, как перо, в угол, а он начинал под кроватью, в шкафах искать соперника. Потом срывал все картины со стен, бил об колено, и они с треском разлетались пополам. Потом это безумие превращалось в нежнейшую нежность…»

В один из дней в конце апреля Миронов решил объясниться с возлюбленной. Он нашел ее в театральном буфете и потребовал объяснений. Егорова эти объяснения дала, выложив перед ним на столик ключи от двух его квартир и сказала, как отрубила: «Все кончено!» В течение нескольких секунд Андрей молчал, видимо, приходя в себя от шока, после чего внезапно схватил девушку за волосы и на глазах у изумленных коллег поволок ее в свою гримерку. Но на полдороге Егоровой удалось вырваться, и она снова забежала в буфет. Миронов бросился следом. Между ними завязалась потасовка, разнимать которую бросились сразу несколько человек. В конце концов, осознав, что победа ускользнула из его рук, Андрей отпустил девушку и, прокричав ей в лицо обидные ругательства, выбежал из буфета. Именно в тот момент в их многолетнем романе была поставлена окончательная точка.

Майские праздники бывшие возлюбленные впервые за последние несколько лет провели отдельно друг от друга: он гулял в компании друзей-тусовщиков, она – со сценаристом. И в театре они сторонились друг друга: не общались и даже не здоровались.

Женщина-загадка: Нина Корниенко

Загадочной эту женщину я назвал потому, что до сих пор неизвестно, был у нее роман с Андреем Мироновым или все-таки не был. Хотя многие очевидцы все же указывают на то, что был. Однако сама Корниенко загадочно молчит, не позволяя себе давать какие-либо интервью на этот счет. Похожая история случилась и с другой актрисой – Татьяной Иваненко, у которой был роман с Владимиром Высоцким, но об этом известно от других, а не от нее.

Нина Корниенко родилась 11 января 1943 года в городе Соликамск Молотовской области (ныне – Пермского края). Еще в школьные годы посещала театральный кружок и мечтала стать актрисой. Она ей стала, но пока без сопутствующего образования. Окончив школу (1960), она попала в труппу Пермского театра драмы. А в 1965 году собрала свои нехитрые пожитки и отправилась покорять Москву – все-таки без соответствующего диплома «словить звезду» было нереально. В итоге Нина поступила в Школу-студию МХАТ. А когда ее окончила (1969), тут же была приглашена в Театр сатиры вместе со своими сокурсниками – Алексеем Левинским и Татьяной Васильевой (Ицыкович). Причем Корниенко попала туда не случайно. Дело в том, что она понравилась Валентину Плучеку, который захотел ввести ее на роль Сюзанны в свой новый спектакль «Безумный день, или Женитьба Фигаро», премьера которого состоялась 1 апреля 1969 года. В нем в роли графа Альмавивы блистал Валентин Гафт, а в роли Фигаро – Андрей Миронов. И хотя у последнего в тот период развивался страстный роман с Татьяной Егоровой, однако и пройти мимо обольстительной Нины Корниенко он тоже не смог. И вообще не в его принципах было – играть с женщиной любовь на сцене и не подкрепить его романом вне ее.

В те же самые годы Корниенко дебютировала и в кино. Правда, несмотря на ее прекрасные внешние данные, режиссеры не видели ее в главных ролях, предлагая сплошь одни эпизоды. Так, в 1970 году она сыграла их два: в фильмах «Впереди день» (Нина) и «Городской романс» (Лена, любовница Жени). А в 1972 году Корниенко сыграла маму Бори Збандуто в известном детском фильме «Чудак из 5 «Б». Все остальное – это роли в фильмах-спектаклях, которые ставились на сцене Театра сатиры. Именно благодаря им Корниенко и приобрела всесоюзную известность. Ведь в самом театре их видели немногие, а вот когда их сняли для ТВ, то их увидела вся страна. Самые известные из

них: «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (премьера 29 апреля 1974 года) и «Проснись и пой!» (премьера 30 декабря 1974 года).

К тому времени Миронов уже успел расстаться с Татьяной Егоровой и женился на Екатерине Градовой. Но про Корниенко тоже не забывал. Как пишет Егорова: «Она из множества всех его женщин любила его без требований и без претензий и всегда заполняла паузы его неустроенной жизни».

Существует версия, что Корниенко даже была беременна от Миронова, но предпочла не оставлять ребенка, поскольку в тот момент Градова уже родила Машу, а разрушать семью Нина не захотела. Хотя семья в итоге все равно окажется разрушенной, причем не без участия Корниенко. Впрочем, об этом чуть позже.

В конце 1970-х Нина Корниенко сыграла еще одну свою яркую киноролю. Причем опять эпизодическую. Речь идет о роли Шуры (Александра Баранова), соседке Шарапова в сериале «Место встречи изменить нельзя». Премьера фильма состоялась в ноябре 1979 года и с тех пор эта лента стала культовой – в наши дни ее гоняют практически каждый месяц по многим телевизионным каналам. «Женитьбу Фигаро» и «Проснись и пой!» почти не показывают, а этот фильм буквально «заездили».

Примерно в этот же период Корниенко вышла замуж. Ее избранником стал телеоператор Лев Стрельцин, с которым она счастливо живет до сих пор. В начале 80-х у них родилась дочь Саша, которая пошла по маминым стопам и тоже стала актрисой – окончив Щукинское театральное училище, вот уже десять лет играет в Театре имени Вахтангова.

В январе 2013 года Нина Корниенко отметила 70-летний юбилей. Вот что о ней написала театральный критик М. Райкина:

«Она ворвалась на сцену стремительно. В ее Карелу в музыкальной комедии Марка Захарова «Проснись и пой» влюбилась вся Москва. Эта легкомысленная блондинка буквально летала по сцене, пела, танцевала, садилась на шпагат, вовлекая в свой сумасшедший полет унылых и скучных родителей своего жениха. «Проснись и пой» из ее уст звучало как гимн, как призыв, как… Да просто любовь к жизни: «Попробуй в жизни хоть раз не выпускать улыбку из открытых глаз!» Выпускница Школы-студии МХАТ… стала символом времени, надежд молодого поколения, которые, увы, не оправдались. В том числе и у самой актрисы.

А поначалу все складывалось замечательно, как в сказке: одна роль Сюзанны из «Женитьбы Фигаро» чего стоит. На сцене восхитительные партнеры: Вера Васильева, Александр Ширвиндт (а до него графа Альмавиву играл Валентин Гафт. – М.Р.), Ольга Аросева, Юрий Авшаров – и, конечно же, Андрей Миронов. Вот это отдельная страница судьбы актрисы Корниенко. Чистая и

нежная, яркая и жгучая, но при этом публично не растиражированная. Нина Григорьевна – одна из немногих, кто принципиально не «зарабатывает очки» на своих отношениях с Мироновым. Это ее жизнь, ее судьба, и никаких признаний, телевизионных показаний, печатной продукции из серии «Я и великий Миронов», «Он подарил мне свою любовь» – публичная пошлость не для нее.

Еще одно удивительное качество, которое так не вяжется с обликом неунывающей блондинки, – обостренное чувство справедливости. Все знают, что именно Нина всегда была способна на общем собрании встать и сказать то, что не решаются вслух произнести другие. Именно Нина будет биться за несправедливо обиженного коллегу, совершенно забыв главное правило театрального общежития: «Молчание – золото». Никогда не умела молчать, проходить мимо чужой боли… Что, считают многие, повредило актрисе: в театре лучше помалкивать…»

Сегодня у Нины Корниенко на сцене Театра сатиры всего два спектакля: «Хозяйка гостиницы» и «Хомо Эректус». В кино она тоже снимается не часто. В последние годы она снялась в двух фильмах: «Соблазн» (2014, знахарка Софья) и «Закрой глаза» (2016, бабушка Фоки).

Первая жена: Екатерина Градова

После разрыва с Татьяной Егоровой Миронов вполне мог сосредоточить свое внимание на Нине Корниенко и именно ей в итоге сделать предложение руки и сердца. Но он вместо этого предложил стать его первой официальной женой женщине, с которой был знаком без году неделя, да еще новичку в Театре сатиры. Почему? Загадка. Хотя кое-какие мысли на этот счет высказать можно. Например, сослаться на слова Ларисы Голубкиной, которая в одном интервью сообщила: «Андрею нравились знаменитые тетки». А что было за душой у Егоровой и Корниенко? Ничего. Обе были из простых семей и звезд с неба не хватали. То ли дело Екатерина Градова. Она была из уважаемой семьи и на тот момент снималась не в какой-нибудь проходной «фильмушке», а в сериале, который заказал КГБ! Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Градова появилась в жизни Миронова в мае 1971 года. Что о ней известно?

Екатерина родилась 6 октября 1946 года в Москве в семье известного архитектора, профессора, члена-корреспондента Академии архитектуры и альпиниста Георгия Александровича Градова (1911–1984) и актрисы Театра им. Гоголя Раисы Ивановны Градовой (1923–2011). Вот что сообщает «Википедия» об отце Екатерины:

«Георгий Александрович Градов родился 28 мая 1911 года в городе Первомайске (ныне – Николаевская область Украины). В 1937 году он окончил Московскую академию архитектуры, после чего работал в Средней Азии, был главным архитектором бюро «Киргизпроект». С началом Великой Отечественной войны добровольно пошел на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и был направлен на фронт. Воевал помощником начальника штаба инженерных войск 50-й армии. Многократно возглавлял рейды инженерной разведки, создавал сеть инженерных наблюдательных постов. Позднее возглавил 2-е отделение штаба 20-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады. Организовывал инженерную разведку во время форсирования советскими войсками реки Свирь.

2–10 октября 1944 года Градов возглавлял отряд, орудовавший в немецком тылу в районе города Петсамо (ныне – Печенга Мурманской области). При его непосредственном участии были нанесены большие потери войскам противника и нарушены их коммуникации. В частности, отряд Градова подорвал мосты на двух шоссейных дорогах, электрическую

подвесную дорогу, разгромил несколько немецких гарнизонов лично и еще на несколько навел по радио штурмовую авиацию, уничтожил около 120 солдат и офицеров противника, около 10 единиц боевой техники. В тех боях Градов лично уничтожил 10 вражеских солдат. При этом его отряд не имел потерь. За исключительные боевые успехи все бойцы и командиры отряда были награждены правительственными наградами СССР, а Градов был представлен командиром 20-й моторизованной штурмовой инженерно-саперной бригады подполковником Аршбой к званию Героя Советского Союза. Однако вышестоящие инстанции снизили статус награды до ордена Красного Знамени.

После окончания войны Градов в звании гвардии майора был уволен в запас. Работал директором научно-исследовательского и проектного института учебных зданий. Являлся автором многих проектов зданий школ и детских садов. Стал доктором архитектуры, профессором, членом-корреспондентом Академии архитектуры, ему было присвоено почетное звание заслуженного архитектора РСФСР.

Скончался 13 августа 1984 года во время восхождения в горах Памира, похоронен на Донском кладбище Москвы…»

Что касается мамы Екатерины – Раисы Ивановны, – то она родилась 17 августа 1923 года и после окончания школы поступила в Щукинское театральное училище. По его окончании поступила в Центральный театр транспорта (затем – Театр им. Гоголя на улице Казакова), где проработала всю жизнь.

Вспоминает Е. Градова: «…Мои родители были великими тружениками. Отец – член-корреспондент Академии архитектуры. Доктор наук, профессор, он возглавлял крупный НИИ, написал огромный труд по теории архитектуры. Папа прошел всю войну гвардии майором, руководил полком саперов, совершил не один подвиг, сохранив всех до одного бойцов. Мама была драматической актрисой. Все детство по ночам, когда мы с моей няней спали, два огонька светились в нашей квартире – один у отца в кабинете, он писал, а другой – у мамы, она читала, или шила, или вязала.

Воспитывали меня очень строго. Папа не любил дамских капризов. Я трудилась весь день, с 4 лет – немецкий язык, с 7 лет – еще английский язык, фортепиано и уроки рисунка. Самым любимым моим занятием было дирижирование. С 5 лет я вставала в папино красное деревянное кресло и дирижировала часами, обливаясь слезами. Это была музыка Бетховена, Моцарта, Чайковского и др. Дирижерскую палочку мне заменяла папина колонковая кисть. Я очень любила музыку, рассказывала содержание каждой услышанной симфонии или концерта, как я

это понимала. Писала и читала очень рано, подражая отцу, с утра составляла списки дел на день и, неукоснительно выполняя их, с особенным удовольствием вычеркивала из моего ежедневника сделанное. Эта привычка по сей день держит меня в ощущении четко выстроенного дня и всех моих обязанностей, а не только прав.

Вообще интересы были разнообразны. Впервые узнав о том, что есть смерть, я не могла понять, что она такое, и смириться с ней. Ночью, когда меня сажали на горшок, я часто плакала, что Моцарт умер. И тогда я решила не допустить смерти родителей. В шесть лет на деньги, выданные мне на покупку зефира, я самостоятельно купила книгу «Микробиология» – хотела продлить жизнь родителей. Когда мне подарили настоящий микроскоп, начала с ластика, записывая наблюдения за изменением его состояния после стирания написанного. Часто переводила с английского сказки, делая из них пьесы, и ставила их. Зрителем была няня Анна, а главной актрисой – Тонечка, дочка нашего дворника. В ход шло все в доме, даже портьеры переносились из комнаты в холл, где разыгрывался спектакль. Во время действия няню приходилось время от времени будить шваброй, двигая из-за кулис ножки ее стула. Это мое увлечение родилось в театре, где работала моя мама и куда я часто ходила. А летняя жизнь в Чухлинке у бабули была римскими каникулами…»

Окончив школу (1963), Градова поступила в Московский институт иностранных языков – должна была стать переводчиком. Но в итоге проучилась в нем всего лишь год, после чего поступила в Школу-студию МХАТ (руководитель курса – Василий Петрович Марков).

В 1967 году Градова дебютировала в кино – сыграла небольшую роль (Марина) в фильме «Осенние свадьбы» режиссера Бориса Яшина с «Мосфильма». Картина была удостоена приза «Бронзовый леопард» за лучшую работу на Международном кинофестивале 1968 года в Локарно (Швейцария). Но все актерские лавры в этом фильме достались исполнительнице главной роли Валентине Теличкиной, а не Градовой.

К Екатерине же самое первое зрительское признание пришло в 1969 году, когда, будучи студенткой 4-го курса Школы-студии МХАТ, она сыграла главную роль А. Н. Негиной в спектакле «Таланты и поклонники» Московского академического театра им. Маяковского в постановке Марии Кнебель. Спектакль был поставлен выдающимися деятелями русского театра: постановка М. И. Кнебель, художник Ю. И. Пименов, актеры В. М. Орлова, Г.

П. Кириллов, В. Я. Самойлов, Г. А. Анисимова, А. С. Лазарев, М. М. Штраух и др.

После этого успеха Градова, окончив Школу-студию, была приглашена в труппу «Маяка». И весьма удачно вписалась в коллектив. Везло ей и в личной жизни: ее покровителем в театре стал Максим Штраух – самый знаменитый киношный Ленин. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, в 1971 году Градова надумала сменить место работы. Переход был осуществлен сразу после возвращения актрисы из ГДР, где она снималась в самой своей звездной кинороли – радистки Кэт в сериале «Семнадцать мгновений весны». Вот как она об этом вспоминает:

«Сама не знаю почему, но в тот день я надела черную юбку и черный свитер – все черное, строгое. И вот только я вошла в театр, как столкнулась с Андреем (Мироновым. – Ф.Р.). И он сказал:

– Ну наконец-то, долго мы вас ждали. Вы по поводу перехода?

Говорю:

– Да.

– Ну давайте, я вам помогу.

Я так удивилась, но думаю: если меня возьмут – то да, если нет – то нет.

Но тем не менее он зашел передо мной к Валентину Николаевичу, поговорил с ним, вышел и сказал:

– Идите, но потом не убегайте, найдите меня.

Я вошла к Плучеку, он меня братски благословил, поцеловал в лоб и сказал, что берет меня, все прощает (это о Театре имени Маяковского, куда я пошла после училища) и надеется на то, что я буду художником, на которого можно положиться и опереться, а не пойду путем любовных интриг и легкомысленности. А то, мол, у нас есть такие роскошные молодые люди, как Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Андрей Миронов.

– Поэтому, девочка моя, – сказал он, – будь осторожна, держись от них подальше.

Я вышла из кабинета, Андрея нигде не увидела и подумала: «Зачем мне его искать, это некрасиво, да еще и после таких напутствий!» – и ушла домой.

Плучек зачислил меня в театр и разрешил продолжать съемки…»

Между тем Татьяна Егорова, поставив жирный крест на своем любовном романе с Андреем Мироновым, пыталась забыться в общении с другим мужчиной – тем самым известным сценаристом, с которым судьба свела ее некоторое время назад. Будучи большим знатоком антиквариата, он водил ее по комиссионным магазинам Москвы, где они подолгу выуживали из

груды старинных чашек, тарелок, блюдец ценные экземпляры, чтобы затем купить их и с особым пристрастием разглядывать уже дома. При этом сценарист рассказывал такие интересные вещи про редкую посуду, что Егоровой никогда не было с ним скучно. Однако нет-нет, но она ловила себя на мысли, что даже несмотря на идиллические отношения с новым партнером, ее прошлый возлюбленный – Андрей Миронов – никак не идет у нее из головы.

А что же сам Миронов? Не желая отставать от своей бывшей возлюбленной, он тоже нашел себе новый объект страсти – Екатерину Градову. Как мы помним, впервые они увиделись в мае, когда девушка пришла устраиваться на работу в Театр сатиры. Их свидание было мимолетным и ни к чему не обязывающим. Так, во всяком случае, считала сама Градова. Миронов был иного мнения. Спустя месяц он позвонил Екатерине домой и попросил ее о свидании, как он сказал, «по очень важному делу». Эти слова чрезвычайно заинтриговали Градову, и она согласилась. Свидание выпало на вторник, 22 июня. Однако никакого «дела» на самом деле не было. Миронов просто отругал девушку за то, что она не смогла найти его в тот день, когда была у Плучека. «Мы же договорились!» – в сердцах молвил Миронов, хотя никакого уговора между ними на эту тему лично Градова не помнила. Но разубеждать своего кавалера не стала. В тот день они мило провели время, чередуя пешие прогулки по Москве с катанием на мироновском автомобиле. Расставаясь, договорились встретиться через неделю.

А вот что рассказывает о том дне актриса Театра сатиры Вера Васильева, муж которой – Владимир Ушаков – дружил с Мироновым:

«Однажды Андрюша сказал Володе: «Владимир Петрович, я вас сейчас с одной девушкой познакомлю! Мне нужен ваш совет, жениться или нет. Мы поедем на машине. Вы будете сидеть сзади. Если она вам понравится, то вы покажите большой палец. А если не понравится, сидите себе спокойно». Этой девушкой оказалась актриса нашего театра, из новеньких – Катя Градова. Она незадолго до этого перешла к нам из Театра Маяковского, и толком узнать ее мы еще не успели. Володя потом рассказывал: «Посмотрел я на нее – такая она хорошенькая, такая потрясающая! Так что не успели мы тронуться, как я уже показываю Андрею большой палец. А тот – тут же останавливает машину и говорит: «Владимир Петрович, вы, кажется, хотели здесь выйти?» И высадил меня, чтоб остаться с Катей наедине…»

Двадцать девятого июня состоялось новое свидание Миронова и Градовой, на котором наш герой внезапно сделал

девушке официальное предложение руки и сердца. И Градова его приняла, несмотря на то что влюбленные виделись до этого друг с другом всего лишь пару-тройку раз! Чем объяснить подобную скороспелость – непонятно. Ладно Миронов: он, видимо, хотел досадить Егоровой, зная о том, что она проводит все свободное время на даче у сценариста, но вот Градова – что двигало ею? Непонятно. Но факт есть факт: на той встрече молодые определили, что поженятся 30 ноября. Сначала выбрали другое число, 22 октября, однако родители Миронова заставили их поменять дату, поскольку в эти дни они уезжали на гастроли в другой город. Как вспоминает Е. Градова:

«Всю ту неделю, пока Андрей за мной ухаживал, он с родителями отдыхал на Красной Пахре, на даче, и по утрам приезжал в Москву, предварительно обламывая всю сирень и набивая банки клубникой. И все это он привозил на съемки в павильон (имеются в виду съемки фильма «Семнадцать мгновений весны». – Ф.Р.) и во время перерывов кормил меня клубникой и засыпал сиренью…

А для родителей его поведение в эту неделю было загадкой. Он чуть свет вставал, пел, брился, раскидывал рубашки, галстуки, без конца переодевался.

И вот когда Мария Владимировна приехала в Москву – они жили тогда еще на Петровке, в Рахмановском переулке, – Андрей привел меня к ней домой. В тот день мы подали заявление, 29 июня, и пришли к его ничего не подозревающей маме.

Мария Владимировна сидела в своей комнате, держала ноги в тазу, и возле нее хлопотала их семейная, очень милая педикюрша. Мария Владимировна не могла в тот момент встать, выйти и встретить меня. Андрей – краснея, а я – бледнея, зашли. Я держала гигантский букет роз. Мария Владимировна сказала:

– Здравствуйте, барышня, проходите. – Спросила: – По какому поводу такое количество роз среди бела дня?

Андрей быстро схватил меня с этими розами, запихнул в соседнюю комнату со словами:

– Я тебя умоляю, ты только не нервничай, не обращай ни на что внимания, все очень хорошо.

И остался наедине с мамой. Перед тем как мы подали заявление, он не поставил ее в известность. Я только услышала какой-то тихий ее вопрос, какой-то шепот. Потом вдруг она сказала:

– ЧТО?!! – и – гробовая тишина. У меня все тряслось от страха. Он еще что-то объяснял. И она пригласила меня войти. Говорит:

– Андрей, посади свою невесту, пусть она засунет ноги в таз.

Я села, ни слова не говоря, мне принесли чистую воду. Я ничего не соображала, и педикюрша Зиночка сделала мне педикюр. Если бы мне в тот момент отрезали не ногти, а целый кусок ноги, мне кажется, я бы не почувствовала. Я была теперь прикована к этому злополучному тазу, все плыло перед глазами, а Мария Владимировна мимо меня ходила и сверлила взглядом. А я и не знала, какое мне делать лицо. Я чувствовала себя завоевателем, каким-то похитителем, вором, и мне давали понять, что так и есть на самом деле.

Потом мы быстро убежали… Мы праздновали нашу помолвку в гостях у Вали Шарыкиной…»

После этого отношения между Мироновым и Градовой пошли по восходящей. Правда, Андрей пока не был готов к тому, чтобы об этом романе узнали в его театре. В качестве хранителя своих секретов он выбрал мужа своей партнерши по театру Веры Васильевой – Владимира Ушакова. Тот после спектакля приходил в гримерку к Градовой и сообщал ей место, где ее будет ждать Миронов. Она скоренько смывала грим, облачалась в цивильную одежду и выскальзывала из театра. Миронов ждал ее неподалеку – на другой стороне Садового кольца, возле гостиницы «Пекин». Там он сажал Градову в свой автомобиль, и они мчались в какой-нибудь ресторан. Конечно, в таком коллективе как театр долго хранить в тайне роман двух актеров невозможно. Поэтому о нем вскоре стало известно всем, в том числе и Плучеку. Говорят, узнав о том, что премьер его театра собрался жениться на молодой актрисе, повергло Плучека в настоящий шок. До этого он считал, что Миронов со всеми своими потрохами принадлежит только ему и родителям, а теперь в этот союз вмешивалась совершенно посторонняя женщина. И на какое-то время Плучек Градову буквально возненавидел. Но потом, когда понял, что ничего изменить уже не удастся, выбрал самый правильный вариант – сменил гнев на милость.

Незаметно пролетели пять месяцев. И 30 ноября в жизни Миронова произошло знаменательное событие – он впервые женился. В роли супруги выступила Екатерина Градова, с которой жених был знаком всего лишь полгода. Столь скоропалительные отношения удивляли многих, но только не тех, кто близко был знаком с Мироновым. По их мнению, он таким образом хотел забыть свою прежнюю любовь – Татьяну Егорову, которая отринула его в угоду известному сценаристу. По ее же словам:

«Наступил день свадьбы. С утра в моей коммунальной квартире с амурами раздался телефонный звонок. Это был Андрей:

– Таня! – кричал он. – Танечка! Я не хочу! Я не пойду! Та-а-а-

а-ня! Я не хочу! Я сейчас приеду! Та-а-а-а-ня!

– Иди, иди, проштампелюйся! Помучайся, это ненадолго! – жестко ответила я. – И никаких приездов!

Бросила трубку, посмотрела на амуров и выругалась: «Подколесин хренов!»

Как утверждают очевидцы, совместная жизнь Миронова и Градовой не заладилась с первых же дней. Мол, первый скандал возник, как только они расписались, уже в поезде, в свадебном путешествии по дороге в Ленинград. Говорят, виновниками скандала были друзья Миронова Александр Ширвиндт и Марк Захаров. Завзятые прикольщики, они не удержались от розыгрыша и на этот раз. Во время привокзальной суеты с распитием шампанского они незаметно для молодоженов положили в их чемоданы несколько кирпичей и портрет Ленина. И когда Миронов взялся за чемоданы и охнул от их тяжести, друзья были просто на седьмом небе от счастья. Еще сильнее их развеселило то, что молодожены так ни о чем и не догадались и внесли тяжеленные чемоданы в купе. «Вот будет забава!» – потирали руки шутники, предвкушая, как вытянутся лица у молодых, когда они узнают правду. Лица у молодоженов действительно вытянулись, причем сильнее всего у невесты. Она шутки не оценила и начала проклинать друзей жениха, а вместе с ними и самого Миронова на чем свет стоит. Жених в ответ вспылил и, как говорится, понеслось. В итоге свадебное путешествие было испорчено. Говорят, Миронов тогда был чуть ли не на грани развода, однако его отец – мудрый Александр Менакер – посоветовал сыну не торопиться, объяснил возникший скандал тем, что талантливые женщины всегда строптивы. Короче, ситуацию тогда удалось стабилизировать.

В том же декабре Андрей Миронов поссорился со своим другом, актером «Современника» Игорем Квашой. По словам Н. Пушновой, это выглядело следующим образом:

«Произошла очень неприятная история. Андрей пригласил Квашу в гости, на улицу Волкова, в маленькую квартирку, куда привез Катю (Градову. – Ф.Р.). Игорь немножко нахулиганил. Андрей очень обиделся. Искренний, чистый человек, он относился к людям по-детски открыто и совершенно не понимал цинизма в отношениях. А поступок друга был циничен. Андрей обиделся настолько, что много лет (по словам самого Игоря, только год. – Ф.Р.) не общался с Квашой. Потом помирился. Так или иначе, пренебрежительная выходка друга была связана с Катей. Совместная жизнь начиналась беспокойно…»

Наступление 1972 года Миронов встретил с законной супругой в новой квартире своих родителей на улице Танеевых

(Миронова и Менакер переехали туда за несколько месяцев до этого). Затем молодые отправились догуливать праздник на квартиру кого-то из друзей. Все было вполне традиционно: выстрелы пробок от шампанского, юморные тосты, розыгрыши. В тот же день в 15.15 по московскому времени по ТВ состоялась премьера телеспектакля «Малыш и Карлсон». Как мы помним, Миронов играл в нем чердачного вора Рулле.

Тем временем союз Миронова и Градовой продолжал удивлять многих. Все-таки разность их характеров нельзя было скрыть ничем. Если с Егоровой Миронов чувствовал себя свободным и раскованным и с удовольствием брал ее в свои мужские компании, то с Градовой этот номер уже не проходил. Но иначе и быть не могло. Актер сам явился инициатором того, чтобы его жена стала хранительницей семейного очага и ничем, кроме домашнего хозяйства, заниматься не имела права. В театре она играла от случая к случаю, в кино не снималась (ей было разрешено только досняться в «Семнадцати мгновениях весны», где она играла главную женскую роль – советскую разведчицу Катю Козлову, радистку Кэт). Однако, пойдя на эти жертвы, Градова имела полное право и от мужа требовать соблюдения определенных норм и правил. Во-первых, сократить до минимума посещение различных тусовок, во-вторых, остепениться в своих отношениях с противоположным полом. Но Миронов был из тех мужчин, которые привыкли играть исключительно в одни ворота. Поэтому полного взаимопонимания с супругой у него не было и быть не могло. Во всяком случае с Градовой.

В январе Миронов и Градова сменили место жительства: из квартиры в Волковом переулке (ее Миронов решил пока не обменивать) они перебрались в двухкомнатную кооперативную квартиру на улице Герцена, дом № 49. Однако новоселье радости в молодую семью не принесло. Особенно страдал Миронов, который все больше и больше убеждался, что полтора года назад совершил непростительную ошибку – женился не по любви. Хотел досадить бывшей возлюбленной, а получилось, что наказал самого себя. Мир в молодой семье так и не родился. Миронов при первом удобном случае убегал «налево», и Градова ничего не могла с этим поделать. Даже ее мать, секретарь партийной организации Театра имени Гоголя, была бессильна приструнить зятя-ходока. А пугала она его по-настоящему: грозилась заявить куда следует о его систематических антисоветских высказываниях в тесном семейном кругу. Но эффект от этих угроз получался обратный: Миронова это не пугало, а только еще сильнее отдаляло от жены и тещи.

Двадцать первого апреля Театр сатиры покинул Москву и

отправился на гастроли в Среднюю Азию – в Ташкент (в Театре сатиры временно «пропишется» другой коллектив – Костромской областной драматический театр имени А. Островского). Устроители гастролей не стали делить «сатировцев» на касты и жить их определили в одну, но очень приличную гостиницу. Актеры не возражали, поскольку это здорово облегчало их свободное времяпрепровождение – романы можно было крутить, что называется, не отходя от кассы. Глядя на то, как по ночам актеры и актрисы внаглую шныряют друг к другу в номера, консьержка не смогла сдержать недоуменного вопроса: «Боже мой! А семьи-то у вас у кого-нибудь есть?»

Не удержался от того, чтобы пофлиртовать и Миронов. Несмотря на то что в Москве у него осталась молодая жена, он вновь стал «клеиться» к Егоровой. Чем вызвал бурю страстей у другой актрисы, которая тоже относилась к нему неравнодушно, – у Нины Корниенко. Видя, как Миронов буквально преследует Егорову по пятам, Корниенко пыталась его образумить, но все было тщетно – Миронов закусил удила. Егорову эти знаки внимания, конечно, радовали, но на более близкие отношения она не шла – ей вполне хватало ощущения, что Миронов опять к ней неравнодушен. Этот флирт длился все гастроли. Знала ли об этом Градова? Вполне вероятно, да, поскольку доброжелателей в театре всегда хватало. Но она решила не заострять на этом внимание. Но мысли о том, как бы сделать так, чтобы накрепко привязать к себе супруга, ее посещали все чаще. И самым надежным способом для этого было бы рождение общего ребенка. В итоге в середине сентября Градова сообщила супругу, что беременна.

Миронов воспринял новость о беременности жены со смешанным чувством: с одной стороны, он уже вроде бы созрел для того, чтобы стать отцом, но, с другой стороны, его все сильнее одолевали сомнения о перспективах этого брака. Однако поступить с женой так же, как он некогда поступил с Егоровой, отправив ее под нож хирурга, Миронов не посмел. Он решил: будь что будет.

Эта новость распространилась по театру с быстротой молнии. А у Миронова тогда вновь начали налаживаться отношения с Татьяной Егоровой. Но после слухов о беременности Градовой все разлетелось в прах: Татьяна снова припомнила своему бывшему возлюбленному ту историю с потерей их ребенка.

Кстати, в октябре Градова как раз заканчивала сниматься в «Семнадцати мгновениях» – на Рижском вокзале снимали сцену проводов Кати Штирлицем. Никто из присутствующих даже не догадывался, какая триумфальная судьба ждет эту 12-серийную

киноленту. Но ждать пришлось недолго. Впрочем, накануне премьеры сериала Миронов пережил куда более грандиозное событие – он стал отцом. Это случилось в понедельник, 28 мая, в том самом родильном доме, где некогда родился и он сам – имени Грауэрмана на проспекте Калинина. У Миронова и Градовой родилась девочка, которую счастливые родители назвали в честь мамы Миронова – Машей.

Четвертого июня Миронов забрал жену и новорожденную дочку из роддома. Счастливый папаша приехал туда не один, а в компании своих друзей и коллег: Александра Ширвиндта, Павла Пашкова, Лилии Шапошниковой и др. Волею судьбы бывшую возлюбленную новоявленного папаши Татьяну Егорову угораздило в тот же день и час тоже оказаться возле роддома. Вместе с актрисой Людмилой Максаковой они ехали на машине по Калининскому проспекту, но угодили в пробку аккурат напротив роддома. И в эту самую минуту из его дверей вышла с ребенком на руках Екатерина Градова. Была она в комбинированном платье в белую точечку, рукава фонариком. На тротуаре ее поджидал счастливый муж с друзьями. Поскольку наблюдать за этой церемонией Егоровой было невмоготу, она стала торопить сидевшую за рулем подругу: дескать, едем скорее! «Куда едем? – удивилась та. – Видишь – пробка!»

Мироновская компания тем временем уселась в автомобили и двинулась точно за автомобилем, в котором сидела Егорова. Она видела в панорамное зеркальце растерянное лицо Миронова, который уже успел заметить, в чей хвост их угораздило пристроиться.

Как вспоминает Е. Градова: «Андрей был симпатичным и смешным отцом. Он боялся оставаться с маленькой Манечкой наедине. На мой вопрос, почему, отвечал: «Я теряюсь, когда женщина плачет». Очень боялся кормить Машу кашей. Спрашивал, как засунуть ложку в рот: «Что, так и совать?» А потом просил: «Давай лучше ты, а я буду стоять рядом и любоваться ею»…

Вообще Андрей был очень консервативен в браке. Воспитанный в лучших традициях «семейного дела», он не разрешал мне делать макияж, не любил в моих руках бокал вина или сигарету, говорил, что я должна быть «прекрасна, как утро», а мои пальцы максимум чем должны пахнуть – это ягодами и духами. Он меня учил стирать, готовить и убирать так, как это делала его мама. Он был нежным мужем…

Андрей умел уважать людей, даже когда он сталкивался на улице с отдыхающим на земле пьяным господином, у него находилось для него несколько добрых, с дружеским юмором

слов. Никакого высокомерия и презрения, мне кажется, что он не смог бы и на сцене одолеть этих красок. Я уже не говорю о том, каким жрецом своего дела он был. Жил только этим и ничем другим. И еще одно при его «звездности» уникальное качество – он всегда сомневался в себе. Не было ни одной роли (в нашей с ним совместной жизни), репетируя которую он бы не говорил: «Меня снимут». И говорил это абсолютно искренне. А когда я его спрашивала: «Тебя? А кем тебя можно заменить?», в ответ он начинал перечислять фамилии своих товарищей по театру, искренне считая, что это может быть другая трактовка, а он уже приелся, заигрался. Это качество меня поражало.

Андрей никогда не сказал ни про одного человека плохого слова. И это я могу оценить только сейчас. Тогда мне казалось, что это нормально: говорить о других, когда они этого не слышат, но не желать им зла, делать добро, если им это понадобится. А у Андрея это было в крови: его буквально коробило, когда начинались сплетни. «Да не принимай ты в этом участие, не обсуждай, не суди!»… У нас с ним был такой случай. В театре давали звания – заслуженных артистов, народных. Андрей, который играл основной репертуар, не получил никакого звания! Я пылала гневом и разразилась монологом, что вот, мол, многие получили, и твоя партнерша во многих спектаклях Наташа Защипина – тоже, а ты – нет! Он поднял на меня свои ласковые глаза и сказал: «Катенька! Наташа Защипина – прекрасная актриса, я ее очень люблю и ценю и не позволю тебе ее обижать и вбивать между нами клин!» С ним нельзя было вступить в сговор против кого-либо, даже собственной жене – не терпел пошлости и цинизма…»

Спустя два с половиной месяца после рождения Маши – 11 августа 1973 года – Центральное телевидение начало демонстрацию фильма. А далее послушаем рассказ Е. Градовой:

«После одной из первых серий я вышла за хлебом в гастроном «Новоарбатский», едва причесана, с собакой Марфушей на поводке. И вдруг на меня поперла толпа. Люди подставляли спины, чтобы я на них расписалась, спрашивали, что будет в следующей серии… Два часа я стояла прижатой к прилавку, продавцы вызвали милицию. Когда я вернулась домой, Андрей был в ужасе: называется, вышла на пять минут за хлебом…»

Между тем, сумев приспособиться друг к другу, молодые так и не смогли наладить нормальных отношений с родителями друг друга. Во многом здесь была вина самих тещи и свекрови. Обе они отличались сильными характерами и считали правыми только себя. Мнение противоположной стороны они в расчет не брали. По словам Градовой: «Не было хотя бы дня, чтобы он не

позвонил домой три-четыре раза. С утра: «Ну как ты, мам? Ладно, я в театре». В два часа после репетиции – опять звонит. Вечером дома пообедал – и звонит маме. После спектакля каждый вечер цветы ей. Мне это казалось несправедливым. Раздражало, когда на ее выговоры, нравоучения он отвечал полным смирением. Стоит перед ней и кается: «Прости! Свинья я, свинья!» Я не выдерживала: «Вы не представляете, как он вас любит! Он меня учит стирать, убирать, готовить, как вы!»

Тем временем в субботу, 1 декабря, в 19.50 по московскому времени по 1-й программе ЦТ начался повторный показ телевизионного блокбастера «Семнадцать мгновений весны». Как мы помним, премьера фильма состоялась в середине августа и за эти три с половиной месяца в адрес создателей ленты пришло такое количество восторженных писем, что их число перекрыло все прежние рекорды. Львиная доля этих писем предназначалась актеру Вячеславу Тихонову, исполнителю роли Штирлица. Писали в основном женщины и девушки, для которых советский разведчик Максим Исаев стал эталоном мужской красоты, доблести и мужества. Мало кто знает, но после премьеры фильма по стране прокатилась волна разводов, поскольку многие жены разочаровались в своих мужьях, так непохожих на Штирлица. Повторный показ сериала вызвал у зрителей не меньший ажиотаж – улицы советских городов вновь вымерли, преступность резко сократилась.

Андрей Миронов во время первой демонстрации фильма две последние серии не видел – уехал на съемки в Италию (он снимался в фильме «Невероятные приключения итальянцев в России»). Теперь этот пробел он восполнил – досмотрел фильм от начала и до конца. Мнение о нем у него было неоднозначное. Ему не понравились «политические» эпизоды (слишком скучные), а вот игровые почти все заинтересовали. Больше всего его поразила игра Евстигнеева, Плятта и Броневого, даже Куравлев ему понравился. Что касается игры собственной жены, Екатерины Градовой, то здесь Миронов счел за благо промолчать. Что правильно: объективным его мнение назвать было трудно.

Вообще рождение ребенка внесло серьезные коррективы в жизнь Миронова. Ведь он привык к достаточно веселой жизни, когда после спектакля они веселой компанией заваливались к нему домой и «гудели» почти до утра. Градова относилась к этому не самым лучшим образом, но вынуждена была это терпеть. Но теперь, при новорожденном, вести подобный образ жизни было невозможно, чему Градова была, конечно же, рада. Чего нельзя было сказать про Миронова. Поэтому появление дочери в какой-то мере стало последней каплей в его отношениях с Градовой.

Видимо, именно тогда он понял, что долго их союз не протянет. Думала ли об этом сама Екатерина? Конечно же, думала, поскольку была женщиной умной. Не могла она не видеть и того, что они с мужем разные люди. Несмотря на то что объединял их театр, однако отношение к жизни у них было неодинаковое. Хотя оба они были из именитых семей: Миронов из актерской, Градова – из архитектурно-актерской.

Рассказывает Е. Градова: «…С детства во мне жили два главных моих желания – я всегда старалась быть там, где нищие, зазывала их к себе, просила маму поселить их у нас дома. И все время упрашивала родителей взять в дом сирот. Потом, повзрослев, приводила очень много людей к себе домой. Когда мы жили с Андреем Мироновым, я приводила бездомных, которые однажды чуть не убили меня с дочкой, обокрали. У меня постоянно кто-то жил. Однажды пришла женщина маленького роста. Она была в школьной форме, галстуке, с двумя настоящими пионерами, представилась племянницей «Камилы Тимофеевны Миарес». «Я венгерская пионерка», – сказала она мне, взрослой женщине, уже снявшейся в фильме «Семнадцать мгновений весны». Они сидели, не доставая ногами до пола, я оставила их жить у себя, кормила. Потом, правда, выяснилось, что ей, «пионерке», 38 лет и что она рецидивистка, бежавшая из тюрьмы из-под Тулы…»

В то время как его жена хлопотала по хозяйству, Миронов продолжал… влюбляться в других женщин. Правда, несмотря на его феерическую славу, не каждая девушка готова была отдаться Андрею Миронову. Вот лишь один пример. Дело было летом 1974 года, когда Андрей снимался в «Соломенной шляпке».

В понедельник, 10 июня, съемочная группа выехала на натурные съемки в эстонский город Тарту. Миронов отправился туда отдельно от всех на своем сером пикапе «Жигули» вместе со сводным братом Кириллом Ласкари. У обоих болели головы, поскольку накануне они провожали из Ленинграда своего приятеля балеруна Михаила Барышникова, который вместе со своим театром отправлялся на гастроли в Канаду. В разгар проводов Миронов пошутил: «Гляди, Миша, не стань невозвращенцем». На что Барышников пошутил: «Куда я денусь от нашего борща». Пройдет всего лишь две недели, и мрачный прогноз Миронова сбудется. Но не будем забегать вперед.

Итак, Миронов и Ласкари приехали в Тарту на пикапе. Жить их поселили в военном гарнизоне, в двухкомнатной квартирке со всеми удобствами: проходная комната досталась Ласкари, а Миронову, как признанной звезде, выделили поистине генеральские апартаменты – огромную комнату с ковром,

люстрой, модным сервантом и… портретом Брежнева над кроватью. Увидев последний, Миронов аж присвистнул. «Трогательно, конечно, но чертовски неудобно – как же я буду снимать штаны при генеральном секретаре? Давай, Кирюша, перевесим портрет к тебе в комнату». Так и сделали.

Съемки фильма начались 11 июня с уличных фонов. Затем сняли знаменитый проезд свадебного кортежа Фадинара и его песню «Женюсь» (под это дело киношники привезли восемь декоративных карет). А после съемок все артисты, занятые на съемках, собирались в ресторане и кутили чуть ли не до утра. Компания подобралась знатная: Андрей Миронов, Игорь Кваша, Екатерина Васильева, Владислав Стржельчик, Зиновий Гердт. Миронов, который без дамского общества всегда чувствовал себя обделенным, сразу выбрал объект для ухаживаний. Это была молодая актриса Ирина Магуто, которая играла эпизодическую роль служанки Бонартье. Практически в первый же день съемок Миронов пригласил девушку в ресторан, но та, хоть и приняла приглашение, весь вечер держалась очень даже невозмутимо. И хотя Миронов очень ей нравился как актер, но вот как мужчина для романа совершенно ее не заинтересовал. Другое дело его брат Кирилл – вот он Ирине понравился. Когда Миронов это понял, он поступил по-джентльменски, сказав девушке: «Не будь дурой, выходи замуж за моего брата, раз уж мне отказала». Самое удивительное, но именно так впоследствии и произойдет: Ласкари на тот момент разводился с Ниной Ургант и роман с Магуто пришелся очень даже кстати. Как вспоминает сам К. Ласкари:

«Мы сидели в парке на скамейке во время обеденного перерыва. Андрюша в костюме Фадинара прилег, положив голову на колени моей будущей жене. У меня на голове красовалась та самая соломенная шляпка, из-за которой и снимался этот фильм. Голуби занимались любовью в метре от нашей скамейки. Ирочка, как мне показалось, была несколько шокирована их беспринципностью. Андрюша, напротив, комментировал и давал советы. Я играл застенчивость.

– Ханжа! – подытожил Андрей и, легко вскочив со скамейки, быстро пошел на съемочную площадку, откуда в мегафон сообщили, что обед закончен…»

Шестнадцатого октября в прессе появились Указы о присуждении высоких званий сразу нескольким работникам Театра сатиры (к его 50-летию). Так, главный режиссер Валентин Плучек был удостоин звания народного артиста СССР (первой, как мы помним, из «сатировцев» этого звания была удостоена Татьяна Пельтцер), а звания заслуженных артистов РСФСР

получили: Андрей Миронов, Александр Ширвиндт, Ольга Аросева, Михаил Державин, Виктор Байков, Зоя Зелинская, Юрий Соковнин.

Между тем публика, приходившая в Театр сатиры и видевшая Миронова на сцене легким и изящным, даже не догадывалась, какие страсти бушуют в его личной жизни. По злой иронии судьбы, именно в дни, когда Миронову было присуждено звание заслуженного артиста РСФСР, распался его брак с Екатериной Градовой. Причем распался некрасиво, со скандалом. Это было тем более обидно, что в ноябре этому браку должно было исполниться три года. Увы, не сложилось…

Виновником случившегося оказался наш герой. Он возобновил свой роман с актрисой из своего же театра Ниной Корниенко, о чем некий «доброжелатель» немедленно сообщил Градовой. Причем последней было сообщено не только имя разлучницы, но и адрес, где влюбленные встречаются (Корниенко жила по соседству с Театром сатиры – на Садовом кольце, в доме, где на первом этаже располагался магазин «Океан»). И Градова, переполняемая жаждой разоблачения, дождалась очередной такой встречи и стала звонить в дверь квартиры, где находились «голубки». Но те не открывали. Согласно легенде, Градова просидела… всю ночь на лестнице, дожидаясь своего благоверного. А когда под утро он выпорхнул из дверей, то наткнулся на свою супругу. Свидетели потом якобы утверждали, что шум стоял вселенский: женщины мутузили друг друга изо всех сил, а сам виновник случившегося счел за благо ретироваться. Что вполне объяснимо: новоиспеченный заслуженный артист республики не мог себе позволить стать посмешищем в глазах обывателей.

Поскольку этот случай был не первым у Миронова, ни о каком возвращении в лоно семьи речи уже не шло – Градова потребовала от мужа, чтобы он убирался на все четыре стороны. Что он и сделал, прихватив с собой только одежду и коллекцию джазовых грампластинок, которой он дорожил больше всего на свете. И когда он явился в таком виде в родительский дом, у тех его приход вызвал разные чувства. Если отец только облегченно вздохнул (он давно говорил, что Миронов и Градова – не пара), то мать схватилась за сердце: «Боже, ты же потерял квартиру!» Это была сущая правда: двухкомнатный кооператив на улице Герцена остался за Градовой и дочерью. Однако Миронов об этом нисколько не жалел, поскольку важнее всех благ на свете для него была свобода. А ее-то он как раз и получил. Много лет спустя Е. Градова так будет оценивать свое расставание с Мироновым:

«В силу молодости, недооценки некоторых ценностей, влияний снаружи мы не смогли сохранить семью. Виню я только себя, потому что женщина должна быть сильнее. Гордость, свойственная обездуховленности, помешала мне мудро увидеть ситуацию, объясняя некоторые сложности семейной жизни особым дарованием своего мужа, его молодостью. Развод не был основан на неприязненных чувствах друг к другу. Скорее всего, он проходил на градусе какого-то сильного собственнического импульса: была затронута самая важная для обоих струна. Мы ждали друг от друга чего-то очень важного… Тут бы остановиться мгновению, оставив любящих наедине: с Богом и с собой. Но жизнь бурлила, предлагая свои варианты, выходы и модели…»

Тридцать первого октября Театр сатиры отправился на гастроли в Италию. Это была первая поездка этого театра на Запад, что ясно указывало на отношение властей к труппе – раз уж разрешили съездить в Италию (а раньше дальше Болгарии никуда не выпускали), значит, доверяют. Однако Плучек взял туда не всех – только тех, кто был с ним в хороших отношениях. Миронов к этому числу относился, да и как без него – все-таки премьер театра! К тому же Плучек был счастлив, узнав, что Миронов ушел-таки от Градовой, и хотел, чтобы его любимый артист хоть на время забыл о своих личных проблемах вдали от родины.

Эта поездка оказалась восхитительной, сродни той, что Миронов испытал год назад во время съемок «Итальянцев в России». «Сатира» показала «Клопа» на Венецианском фестивале «Биеннале», после чего отправилась в гастроли по стране. Театр побывал в восьми городах: Риме, Венеции, Сиене, Реджо-Эмилии, Парме, Капри, Генуе и Павии, где дал 13 спектаклей. И везде публика принимала их превосходно. Но счастье на этом не закончилось. Семнадцатого ноября гастроли в Италии завершились, чтобы продолжиться… в Чехословакии. Это хотя и была страна соцлагеря, однако считалась одной из передовых, не чета Болгарии (как шутили в те времена: «Курица не птица, Болгария – не заграница»). «Сатира» побывала в трех городах: Праге, Братиславе и Брно. Были показаны три спектакля: «Ревизор», «Маленькие комедии большого дома» и «Женитьба Фигаро». К слову, в те дни, когда театр гастролировал в ЧССР, на его сцене давали концерты артисты… чехословацкой эстрады во главе с Карелом Готтом.

Практически в первый же день пребывания на чехословацкой земле Миронов стал «клеить» Егорову. А почему бы и нет: как мы помним, вот уже месяц Миронов считался свободным человеком. Это произошло на торжественном приеме, устроенном в

гостинице по случаю приезда знаменитой труппы. Миронов первым подошел к Татьяне и, как будто их роман даже не прерывался, предложил с вечера сбежать. Егорова согласилась не медля ни секунды. Они закрылись в мироновском номере и провели там восхитительную ночь, сродни тем, что они проводили в лучшие годы их некогда бурного романа. Миронов даже потом заявит, что Прага – их любимый город после Риги (в последнем, как мы помним, он познакомился с Егоровой в 1966-м).

Увы, но дальше Праги этот роман не продлился. «Сатира» вернулась на родину в начале декабря, и практически сразу Миронов стал обхаживать свою давнюю любовь – Ларису Голубкину. Как мы помним, еще в начале 60-х он неоднократно звал ее замуж за себя, но она каждый раз ему отказывала. Зато крутила любовь с его коллегами – например, с однокурсником Миронова по «Щуке» Михаилом Воронцовым. Когда эта любовь закончилась, Голубкина вышла замуж за поэта Николая Щербинского-Арсеньева и год назад родила от него дочь Машу. Но на момент рождения девочки любовь между супругами закончилась, и каждый из них пустился в свободное плавание. Вот тут на горизонте Голубкиной снова возник Миронов.

Вторая жена: Лариса Голубкина

Как мы помним, Лариса могла стать женой Миронова еще в первой половине 60-х, но тогда она к этому была не готова. Миронов не входил в число приоритетных для нее мужчин. В итоге Лариса крутила любовь с другими представителями сильного пола. Например, ее первым мужчиной оказался популярный актер Алексей Баталов, с которым она в 1963 году снималась в фильме «День счастья» в Ленинграде. Широкой общественности об этом романе впервые поведал в «Экспресс газете» Николай Щербинский-Арсеньев, с которым Голубкина познакомилась в конце декабря 1968 года. По его же словам:

«Мне было тогда лет 18–19. Я учился параллельно сразу в двух вузах – Московском авиационном и Литературном при Союзе писателей. Поэтому, само собой, свободного времени всегда было в обрез. Но в тот вечер приятель меня все-таки уговорил отложить курсовую работу: «Пошли в ЦДЛ. Наверняка закадрим кого-нибудь!» Но поход наш не задался. Словно судьба меня отводила в сторону от этого визита. И только перед уходом, когда уже одевались, мы увидели в фойе гардероба фигуристую красавицу. Как назло, она была не одна. Потом выяснилось, что ее спутником был известный аккомпаниатор Давид Ашкенази. Ну а про то, что артистка эта девушка или нет, мы с моим другом и понятия не имели. Да мало ли кто там, в фойе гардероба, одевается. Вышли мы на заснеженную улицу, как всегда, направились к стоянке такси. Оказалось, что и эта пара идет следом за нами. Возле дверей посольства Ливана топтался окоченевший милиционер. Ну, тут мой приятель, чтобы привлечь идущую сзади гражданку, поклонился в пояс очумевшему менту: «А барин дома?»

На стоянке такси Лариса нарочито громко сказала Давиду: «А я решила поехать на троллейбусе». И для большей ясности она даже указала на остановку на другой стороне Садового кольца. Разумеется, мы втроем оказались в одном салоне. Разговорились… Она стала угощать нас мандаринами, сообщила, что киноартистка, а в Доме литераторов у нее был концерт. Тут приятель мой возьми да и брякни: «А были бы вы народной артисткой, дали бы нам не мандарины, а котлетки по-киевски».

Ну, после этой и еще пары-тройки подобных шуточек моего приятеля всем нам стало ясно, что ему тут ничего не светит. Да он и сам это понял и вскоре сошел. Ну а мы поехали дальше. Я проводил новую знакомую почти до самой квартиры. На лестничной площадке мы долго стояли, без умолку говорили, уж

не помню, о чем, и вдруг, как-то неожиданно для нас обоих, поцеловались…»

Самое интересное, но эта встреча подвигла Голубкину разорвать отношения с ее тогдашним кавалером – режиссером Владимиром Досталем, за которого она уже собиралась выйти замуж. По словам все того же Щербинского:

«…Она мне сама со смехом поведала, что, кажется, буквально на следующий день после нашего знакомства они с Досталем собирались подавать документы в ЗАГС. Но, по словам Ларисы, именно наша встреча и перечеркнула эти матримониальные планы. Признаюсь, что только долгое время спустя я наконец-то понял, зачем так усердно Голубкина рассказывала мне то про свои поцелуи с Досталем в бутафорской мосфильмовской карете, то про ухаживания Миронова, то еще о каких-то других своих кавалерах… Ревности у меня ко всем этим ухажерам никогда не было. В этих случаях я всегда с усмешкой вспоминал строки Есенина: «…что отлюбили мы давно, ты не меня, а я другую, и нам обоим все равно играть в любовь недорогую». Точно так же я по своему тогдашнему абсолютному непониманию ровным счетом не придавал никакого значения тому, что за Голубкиной, то бишь за «корнетом Азаровым», табуном бегали поклонницы-лесбиянки. Кстати, главный «мироноввед» и «боевая подруга» Андрея Миронова – Татьяна Егорова потом, с пеной у рта, уверяла меня, что Голубкина – лесбиянка. Не знаю. Впрочем, эта проблема меня мало волновала и тогда, а уж теперь-то и тем более. Единственным нашим разговором с Голубкиной на лесбийскую тему был мой категорический протест против приглашения ею в дом некой абсолютно бездарной поэтессы-конъюнктурщицы Инны Кашежевой, странной и препротивной мужеподобной гражданки, щеголявшей в мужской шляпе из кожзаменителя и в мужском же обвисшем пиджаке. Эта весьма противная и одиозная личность была тогда известна всем писателям как отъявленная лесбиянка. Недаром же ей была посвящена эпиграмма: «Впечатленье чего-то несвежего производит Инна Кашежева». Одним словом, я тогда был не в курсе лесбийских страстей и в этом вопросе не продвинулся дальше Сафо…»

Роман Голубкиной и Щербинского длился почти шесть лет (1968–1974). О том, какие впечатления у него остались от этих отношений, Щербинский рассказывает следующее:

«…К моим огромным и огорчению, и недоумению, Лариса как личность оказалась довольно сырой и серой. Однажды мы с ней заехали в гости к одной из моих бабушек, профессору консерватории по классу арфы Ксении Александровне Эрдели, к слову сказать, окончившей знаменитый Смольный институт.

Голубкина, видимо, желая показать ей, что и сама она «не лыком шита», сообщила, что Лариса – это «барское имя». Что именно так назвала Голубкину ее бабушка, которая, дескать, хотела, чтобы внучка стала «настоящей барыней».

– Господи, и это актриса! Какой-то воинствующий плебс! Ну и вкус же у тебя… – только и сказала мне Ксения Александровна после ухода Голубкиной.

Сперва мне было весьма странно то, что Лариса, будучи актрисой, сама абсолютно не интересовалась театром как искусством. За все время нашего знакомства мы вместе так ни разу и не побывали ни в одном из московских театров, кроме Театра Советской Армии. А уж о походах в Большой или в консерваторию с ней вообще не могло быть и речи. Разумеется, поначалу я сам приглашал ее, но у нее всегда находились непреодолимые причины, чтобы отказаться. Само собой, что и музеи, и выставки тоже оставляли ее совершенно равнодушной. Волей-неволей мне пришлось находить себе других спутниц для музейно-театрально-консерваторских посещений. Другой дикостью тогда показалось мне то, что за все несколько лет нашего знакомства Голубкина фактически так и не прочла ни единой книжки. Сам-то я тогда книгами просто зачитывался.

В нашем доме была огромная и отлично подобранная родительская библиотека. Многие книги в ней принадлежали еще моим деду и прадеду. А ей все это было абсолютно неинтересно. Тем не менее она любила рассказывать о том, что якобы скульптор Голубкина – ее родная тетя. Разумеется, я верил. Помню, как-то между прочим спросил:

– А ты в тетушкином музее когда в последний раз была?

– В каком-таком музее?

– Как в каком?! Да в мастерской ее на улице Щукина. (Так назывался тогда Большой Левшинский переулок.)

Тут-то и выяснилось, что о музее она и слыхом не слыхивала. Даже как звали по имени-отчеству саму Анну Семеновну Голубкину лжеплемянница, оказалось, тоже не ведает. Конечно, это мелочь, просто глупое тщеславие. Так сказать, психологическая ошибка. Но, как резонно заметил Сталин: одна ошибка – это ошибка, две ошибки – это две ошибки, а три ошибки – это уже линия! Вот так, мало-помалу, именно линия из нанизанных на нее ошибок и стала прочерчиваться все отчетливей, все черней, пока наконец вообще она не разделила нас навсегда…

Три года мы встречались достаточно регулярно. В основном наши свидания происходили у нее на квартире в доме 12 по Мичуринскому проспекту. Конечно, я понимал, что у Ларисы

имелись серьезные виды на меня. Но я в те годы ни о каком браке еще и не думал. Во-первых, она была на 10 лет старше меня. А во-вторых, моя бабушка говаривала, что в дореволюционные времена гвардейские офицеры, женившиеся на актрисах, обязаны были уходить из полка…

Режиссер Юрий Озеров, создатель эпопеи «Освобождение», поведал мне об одной «батальной сцене», оставшейся, так сказать, за кадром его фильма. Дело в том, что на роль санитарки Зои он уже утвердил одну очень неплохую и красивую актрису. Вот-вот должны были начаться съемки. Когда в группу к Озерову приехал Алексей Баталов, бывший в те годы секретарем Союза кинематографистов, то есть весьма влиятельным и чиновным функционером. Как оказалось, Баталов любил не только Даму с собачкой, но и Ларису Ивановну, а посему он очень настойчиво и убедительно порекомендовал Озерову утвердить на роль Зои Ларису Голубкину. Так вот и посчастливилось ей стать последней в мире звездой немого кино. Роль-то ведь фактически вообще была без слов. Но зато принесла Голубкиной и звание, и орден. И удовольствие, и продовольствие…

Но вот однажды вечером, возвращаясь из гостей, мы собирались поехать к Ларисе на квартиру. Такси не было. Поймали левака. Это была расхристанная «Скорая помощь». Водителем ее была уже немолодая женщина. Мы уже почти подъехали к подъезду Ларисы, а водитель тут нам и говорит: «А я этот дом знаю. Тут актер Баталов живет». Голубкина возражает: «Не живет он тут». – «Ну что вы мне рассказываете, – даже обиделась женщина-водитель, – он же аккурат у этого самого подъезда с машиной своей постоянно возится». Вспомнил я, как Лариса мне рассказывала про Баталова, какой он искусный умелец и как изнутри обил свой автомобиль красным деревом. Ну просто как в песне: «Будем жить таким манером, обобьем ее фанером. Вставим раму и стекло. Будет сухо и светло». «Ну и хрен с ним, – подумал я, – этот Боливар вынесет и двоих». Кстати, «лошадиная тема» – это как раз к Баталову. Опять-таки со слов Ларисы, я знал, что тот как раз был женат на цыганской наезднице-циркачке…

Лариса всеми способами хотела меня спровоцировать на решительные шаги. В сторону ЗАГСа. И однажды изрядно перебравший Миронов стал вдруг просить у меня ее руки. Я тогда снял со стены старинный образ Николая Чудотворца, который сам же Ларисе подарил. Ну и, разумеется, благословил их. В итоге пьяного жениха-Миронова мне же и пришлось довезти до его дома. Как я узнал уже после того, как благополучно расстался с Голубкиной, ее затейливая история с Мироновым длилась долго.

В этом кругу эстетов и лицедеев именно так и принято. Первоначально Миронов был любовником Натальи Фатеевой, и Лариса, как ее подруга, рассказывала мне, что Андрей, дескать, дикий жмот и скупердяй: на день рождения Фатеевой подарил ей грошовые чулки. Так бедолага Миронов и двигался короткими перебежками по этому минному полю: от Фатеевой – к Голубкиной, от Голубкиной – к Егоровой, от Егоровой – к Градовой, от Градовой – к Голубкиной. Такая, понимаешь, «биология». Такие вот «пестики и тычинки». Такое вот «перекрестное опыление». Тут невольно и вспомнил слова героини «Гусарской баллады» Шурочки Азаровой: «По-гусарски это слишком…»

Вот я и решил, что мне надо как можно скорее, по-гусарски, «сворачивать бивуак». Разумеется, именно я и был инициатором разрыва (он ушел от Голубкиной в январе 1974 года. – Ф.Р.). Мне просто стало невыносимо в собственном доме. Ушел, причем совершенно даже не планируя уходить. Отправился с кейсом по делам в Госкино в плохом настроении. И думаю: что ж такое ужасное настроение – оттого, что возвращаться надо? А может, не возвращаться? Взял и не вернулся. Она потом и жила в моей квартире года полтора. Ну, что ж сделаешь, люди расходятся и с детьми расстаются…»

Самое интересное, но, расставшись с Щербинским, Голубкина снова сошлась… с Досталем. И они официально оформили свои отношения. Правда, длились они недолго – где-то полгода. После чего они разошлись. А вскоре после этого Голубкина сумела выбить себе и дочери через Министерство обороны квартиру в доме на Селезневской улице (рядом с Театром Советской Армии, где она работала). Именно туда вскоре и переехал жить Андрей Миронов.

Их первая встреча, предвестник будущей женитьбы, произошла в октябре 1974-го, в дни, когда Театр сатиры отмечал свое 50-летие. Голубкина пришла на банкет в ресторане ВТО со своим партнером по ЦАТСА Федором Чеханковым, который так вспоминает о том вечере:

«Андрей играл отрывок из «Клопа» – сразу за двоих, за Присыпкина и за Баяна, по-эстрадному, как он умел. Потом мы зашли за кулисы. Ясно было, что они давно не виделись. Но я вдруг понял, что он иначе на нее посмотрел. После этого вечера я почувствовал, что у Ларисы началась новая жизнь…»

Миронов снова увлекся Голубкиной, причем увлекся сильно. Определенный импульс его чувству придавал тот факт, что сама Голубкина теперь уже была не против их романа, плюс мама Андрея была двумя руками «за», чтобы они стали жить вместе

(Мария Владимировна давно дружила с Голубкиной, они неоднократно коротали вечера за разговорами и походами в столичные театры).

На тот момент Миронов был уже не просто популярным, а суперпопулярным артистом. Что, естественно, имело значение для Голубкиной. Например, именно тогда – 18 декабря 1974 года – приказом председателя Госкино СССР Ф. Ермаша Миронову была повышена киношная ставка – она достигла весьма внушительной суммы в 50 рублей. Если учитывать, что начинал Миронов свою карьеру в кино со ставки ниже 10 рублей, то прогресс был налицо – за 14 лет она выросла более чем на 40 рублей. Весьма показательный факт.

Тридцать первого декабря по ТВ состоялась премьера телефильма «Лев Гурыч Синичкин», где Андрей Миронов играл небольшую роль провинциального дирижера Налимова. Миронов премьеру увидел (ее показали в 18.40–20.00), после чего в компании с Ларисой Голубкиной отправился встречать Новый год в ресторан гостиницы «Националь». До этого Голубкина предпочитала отмечать эту дату в кругу своих коллег – артистов Театра Советской Армии – на квартире Владимира Зельдина и его жены Иветты. Но в этот раз «армейцы» Голубкину не дождались и долго ломали голову, куда она запропастилась. Как вдруг в самый разгар веселья в доме Зельдина раздался телефонный звонок. К радости всех присутствующих, это звонила Голубкина. Она сообщила, где она, и сказала, что сейчас их хочет поздравить один хорошо известный им человек. И передала трубку… Андрею Миронову. Этот звонок внес окончательную ясность в ситуацию. До этого в ЦАТСА уже вовсю ходили слухи о том, что Лариса романит с Мироновым, но находились скептики, кто в это не верил, поскольку выглядело это на самом деле нереально – ведь многие прекрасно были осведомлены о том, что Миронов неоднократно делал предложения Голубкиной, а та их регулярно отвергала, и эти слухи стали в театральной тусовке чем-то вроде анекдота. Поэтому у скептиков были все основания не верить в этот роман. Каково же было их удивление, когда этот слух подтвердился.

Четвертого января 1975 года по ТВ состоялась еще одна премьера с участием Андрея Миронова – показали водевиль «Соломенная шляпка». Фильм демонстрировали в самое смотрибельное время – 18.55. Поэтому аудитория собралась многомиллионная, да иначе и быть не могло – в те достопамятные времена любая телевизионная премьера не могла остаться без внимания. Да еще если там играет сам Андрей Миронов в компании с другими звездами. Очень хорошо помню

собственные впечатления от этой премьеры. Я от души хохотал над проделками Фадинара, а прелестная музыка Исаака Шварца долго потом крутилась в моей голове, и я дни напролет напевал «Соломенная шляпка золотая…». Думаю, так было не только со мной.

Между тем внутреннее состояние Миронова в те дни было далеко от идеального. После бегства с улицы Герцена он жил в родительском доме всего-то два месяца, а отношения с матерью были уже напряжены до предела. Она продолжала пилить его за потерю кооперативной квартиры, причем делала это почти ежедневно. Миронов в такие минуты предпочитал с родительницей не контактировать и закрывался в своей комнате, врубая на полную мощность свою стереосистему. Но песни любимого им Фрэнка Синатры доводили Марию Владимировну до еще большего каления. «Выключи этих горлопанов!» – кричала она сыну. Короче, нормального житья в родительском доме Миронову не было. Надо было срочно что-то предпринимать, иначе ситуация грозила вылиться во что-то непредсказуемое. И выход был найден – Миронов решил переехать к Голубкиной на Селезневскую улицу, дом № 30 (напротив ЦТСА, в этом же доме жил тогда и Олег Табаков). Для той этот переезд был как снег на голову. По ее же словам: «Было невероятно смешно. Андрей примчался на грузовике и привез мне унитаз импортный (дефицит!), зеленое кожаное кресло и старинную лампу. Я так хохотала!

А следом за ним пришел его отец Александр Семенович и говорит:

– Лариса, что же это такое?

Я говорю:

– Александр Семенович, я его не звала, это он сам ко мне пришел, вот видите, даже со своим сортиром.

Все Менакеры – люди с прекрасным юмором. Александр Семенович сел со мной, сказал:

– Знаешь, Лариса, Андрей очень тяжелый человек. Ты с ним не справишься.

Я возразила:

– Александр Семенович, почему вы все его ругаете? Папа говорит – тяжелый, мама – тяжелый. Оставьте нас в покое. Мы разберемся!..»

По иронии судьбы именно в дни, когда Миронов переехал к Голубкиной, по ТВ в третий раз показали «Семнадцать мгновений весны», где бывшая жена Миронова играла главную роль. Но для Миронова та часть жизни была уже отрезанным ломтем, хотя контактов с той семьей он не прерывал – как-никак там жила его

родная дочь Маша. Хотя у Голубкиной дочку тоже звали Машей и она стала для Миронова не менее близкой, чем родное дитя.

Вообще Миронов достаточно быстро обжился в квартире на Селезневской. Поскольку до переезда туда его недавняя бытовая жизнь представляла собой настоящую пороховую бочку (так было в последние несколько месяцев на Герцена с Градовой, и у родителей на улице Танеевых), то теперь Андрей откровенно наслаждался жизнью. Голубкина оказалась той самой женщиной, которая без всяческих возражений приняла те условия, которые выдвинул перед ней супруг: минимум выяснения отношений, максимум развлечений. Правда, если первое условие Голубкина приняла с удовольствием, то вот второе далось ей с огромным скрипом. По ее же словам: «Я всю жизнь рано привыкла ложиться спать, я такая была мамина дочка, не очень любила компании. В принципе очень общительная, заводная, а так вот если специально – каждый день гудеть – нет. А Андрей не мог жить без компаний. И это мне нужно было в себе преодолеть. Знаете, желание прийти после спектакля или концерта и отдыхать. Эта сладкая для меня привычка ушла в небытие навсегда. Какое-то время мне понадобилось, чтобы совершенно перестроиться. Так он хотел… У нас дверь не закрывалась. Просто не закрывалась.

Либо мы запирали дверь на ключ и сами отправлялись в гости. Первое время мы начали шастать по всем его друзьям. Я не пила до этого времени вообще и пить не умела. Если я выпивала хоть немножко, у меня немедленно начиналось отравление: температура до сорока градусов. Мама все время говорила: Андрюш, что ж такое, вы с Ларисой куда-то сходили, и у нее опять сорок. Я лежала, страдала, плакала, а он говорил:

– Ты, Лариска, просто сумасшедшая. Пить надо уметь.

Не то чтобы он меня учил выпивать, нет, а просто какие-то забавные были походы, и я постепенно привыкала, проще стала относиться к красивой жизни. А потом застолья перенеслись к нам. У нас тут собиралось по двадцать-тридцать человек. Причем гости могли приходить круглые сутки. Ширвиндт, Горин, Захаров, Кваша, когда Андрюша с ним помирился. Это была постоянная компания, приезжали с женами. Потом Хайт Аркаша часто бывал в доме, Темирканов Юра из Ленинграда – если у нас какие-то праздники, дни рождения – приезжал. Родион Щедрин, но не постоянно, без Майи, конечно.

Собирались очень часто. Я накрывала на стол, метала со страшной силой. Захаров все время говорил:

– Давай поедем к Голубкиной, может, там чего-то соорудит.

Сначала, пока мы жили в моей двухкомнатной квартире на Селезневке, дочка Маша спала в маленькой комнате. Маше –

полтора, два года, она еще маленькая, вдруг в три ночи приходят друзья и приносят четыре колонки, а он же, Андрей, хайфист был, и вот мы слушаем до утра музыку. Какое счастье, что она не просыпалась. Потому что я маленькая сама очень плохо спала и боялась, что у нее будет плохо с нервами от всего этого шума. Но я-то росла в военное время. Так вот она, Маша, спала сладким сном под грохот колонок. Я всегда волновалась за нее – и зря. В девять часов вечера она ложилась спать. Там гости поют, хохочут, все равно. Гриша Горин приходил рассказать ей сказку, или я, она хватала меня за руку, ей обидно было, что она одна…»

Однако если Миронов приобщил Голубкину к тусовкам, то та тоже не осталась в накладе – и вовлекла мужа в концертную деятельность. Стоит отметить, что наш герой и до женитьбы на ней выступал с концертами по стране, но делал это нерегулярно. Но теперь все изменилось. Голубкина по этой части была куда большей докой (ее концертная деятельность насчитывала почти десятилетие, у нее и ставка была выше, поскольку она имела еще и музыкальное образование), поэтому Миронов целиком положился в этом вопросе на нее. И они стали выступать дуэтом. А вот от приглашений различных развлекательных телепрограмм Миронов категорически отказывался – считал, что это не его епархия. И только однажды дал согласие – стал полгода назад ведущим телепередачи «Театральная гостиная». Что касается остальных приглашений «засветиться» в «ящике», то здесь Миронов был непреклонен. Давая интервью газете «Советская культура» (номер от 8 августа 1975 года), он заявил следующее: «Когда я был помоложе, мне предлагали участвовать в развлекательных передачах. И я позволял себе выходить на телеаудиторию с недостаточно серьезным материалом, юмором без Знака качества, что ли. Понимать это и чувствовать ответственность начал позже.

Например, в передаче «Артлото» не участвую, потому что считаю: песня может прекрасно звучать в сюжете, помогая более емкому раскрытию образа, но намурлыканная под музыку, без контекста, актером, не имеющим специальной вокальной подготовки, она ничего не дает ни ему, ни зрителям…»

И все же, как и в браке с Градовой, Миронов позволял себе и в этом случае заводить интрижки. Впрочем, тогда он еще не был официально расписан с Голубкиной. Причем романы он заводил даже со своими бывшими пассиями. Видимо, так ему было легче – не надо было долго обхаживать жертву. Например, в августе 1975 года Театр сатиры отправился с гастролями в Алма-Ату и там у Миронова вновь вспыхнул роман с Татьяной Егоровой. В труппе этому уже никто не удивлялся: даже несмотря на то что все знали

о недавнем переезде Миронова к Голубкиной, все так же хорошо знали и Миронова – жить с одной женщиной у него никак не получалось. Что касается самого Андрея, то он, несмотря на то что был хорошо осведомлен о том, что у Голубкиной есть в труппе добровольные осведомители, даже не подумал скрывать свой роман (его Илья из «Повторной свадьбы» хотя бы маскировался). И практически в первый же день оставил Егорову у себя в номере. А потом везде появлялся вместе с ней: в ресторане, в бассейне, на стадионе «Медео». Помешать этому пытался Александр Ширвиндт, которого связывали с Голубкиной приятельские отношения еще до его встречи с Мироновым. Но эта попытка не увенчалась успехом. Более того, своими действиями Ширвиндт навлек на себя гнев Егоровой. Как-то в середине дня она с подругой явилась к нему в гостиничный номер под видом примирения, но вместо этого взяла и плеснула ему в лицо коньяком. Завязалась потасовка, о которой в тот же день узнала вся труппа. Однако на отношениях Миронова с Егоровой этот скандал никак не отразился. Самое удивительное, но когда 17 сентября Театр сатиры вернулся в Москву и Голубкиной рассказали об этом романе, она восприняла эту новость… спокойно. И закатывать скандала не стала. Это была ее принципиальная позиция: она могла закрыть глаза на отдельные грехи своего возлюбленного, уверенная в одном – что главной женщиной для него все равно остается она (помимо его собственной мамы, естественно). Именно эта позиция и позволит Голубкиной дольше всех женщин прожить рядом с Мироновым.

Мы уже говорили о том, что Голубкина всегда была человеком практичным. И к своим отношениям с Мироновым она подходила и с этой стороны тоже. Брак с ним не только льстил ее самолюбию, но и помогал «сводить концы с концами» – хорошо зарабатывать. Вдвоем они составили весьма популярный актерский тандем, который всегда шел на ура в любой части страны. В год они давали более сотни концертов, и платили им по высшим ставкам. Иной раз Миронов даже съемки срывал, ставя концертные гонорары выше киношных. Так, например, случилось в конце ноября 1975 года, когда звездная чета выступала с концертами в Тбилиси и задержалась там дольше, чем надо. В итоге по вине Миронова были сорваны съемки телефильма «Небесные ласточки», где он играл главную роль – Селестена/Флоридора. 28–29 ноября киношники во главе с режиссером Леонидом Квинихидзе собирались снимать эпизоды в декорации «театральная сцена» с участием Миронова-Селестена, но в итоге группе был записан простой.

Кстати, за участие в этом фильме Миронову перепадет

гонорар в размере 2625 рублей. Таким образом, он обойдет по этой части всех своих коллег по съемкам, поскольку актерскому составу начислят следующие суммы: И. Нинидзе – 1 290 руб., С. Захарову – 1175 руб., Л. Гурченко – 1050 руб., А. Ширвиндту – 900 руб.

Кстати, концертная и театральная деятельность напрочь отбивала у Голубкиной охоту сниматься в кино. Например, после киноэпопеи «Освобождение», которая вышла на экраны страны в 1970–1971 годах, она в художественных фильмах больше не снималась. И соглашалась только на съемки фильмов-спектаклей. Таких на ее счету в первой половине 70-х было три: «Господин Пунтила и его слуга Матти» (1974, Ева), «Бенефис Ларисы Голубкиной» (премьера по ЦТ 21 октября 1975 года, главная роль – Элиза Дулиттл) и «Военные сороковые» (1975).

Впрочем, в 1976 году Голубкина имела шанс вернуться в большой кинематограф – ее хотели взять на главную роль в советско-румынский фильм «Мама» (на роль Козы). Но в дело вмешалась Людмила Гурченко. Как мы помним, в 1961 году Голубкина перехватила у нее роль Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе», и вот теперь настала очередь Гурченко взять реванш. Узнав о том, кого именно взяли на роль Козы, Гурченко заявила: «Всякие тут из театра будут приходить! В кино должны играть киноактеры!» А она тогда была в фаворе, и поэтому спорить с ней не стали. И утвердили на главную роль, причем ради нее она отказалась от участия в фильме Никиты Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино». Вот каким сильным было у нее желание перебежать дорогу Голубкиной. Но история на этом не закончилась.

На съемках «Мамы» Гурченко получила тяжелую травму – ей сломали ногу (на актрису упал клоун Олег Попов, когда они снимали эпизод с коньками на льду). И Голубкина решила навестить коллегу в больнице. Но лучше бы она этого не делала. Судя по всему, у нее были благие намерения, но Гурченко расценила этот визит как издевку: дескать, ну что – довыступалась? В итоге едва Голубкина переступила порог больничной палаты и стала за что-то Гурченко хвалить, как та заявила: «А тебя, б…, кто спрашивает?»

Между тем за свои совместные выступления Миронов и Голубкина получали приличные деньги. Однако тратить их старались не на пустяки. Например, Андрей был заядлым меломаном и значительную часть своих гонораров пускал на приобретение джазовых дисков. Еще они покупали модную одежду, поскольку актерам, а тем более популярным, было без нее никак нельзя. А вот, к примеру, такой нужной в доме вещи,

как телевизор, у них какое-то время не было. Поэтому даже премьеры телефильмов с собственным участием они вынуждены были смотреть у друзей. Так было и 2 января 1977 года, когда по ЦТ показали премьеру фильма Марка Захарова «12 стульев», где у Миронова была главная роль – Остап Бендер. Фильм был музыкальный, поэтому наш герой исполнял в нем несколько песен (музыка – Г. Гладкова, слова – Ю. Кима). Самая популярная – «Белеет мой парус, такой одинокий…». Эту песню Миронов потом включил в свои концертные выступления. Кстати, о последних.

Обычно такие концерты состояли из двух отделений. В первом выступала Лариса Голубкина, во втором – Миронов. Они играли отрывки из спектаклей, читали стихи и пели песни – последние как порознь, так и вместе. Как пишет Н. Пушнова:

«На концертах Миронов исполнял песни из фильмов, но у него имелся и свой любимый репертуар: забавные одесские и джазовые песенки.

Он всегда волновался перед своими концертами так, словно выходил на сцену в первый раз. И зрители, любившие его и за талант, и за успех, всегда благодарные, в первые годы его головокружительной карьеры – за светлую, яркую, удачливую и не злую его молодость, а позже – за память об этой молодости, – зрители толпами набивались в переполненные залы.

Когда он был молод, клубы и дома культуры, где пел Миронов или выступал с творческими вечерами, брали штурмом. Актер не терпел массовой психологии и вообще какой-либо обыденности суждения и даже бывал брезглив к некоторым особенностям публики, избирателен в отношениях с людьми, не любил подпускать к себе посторонних. Он был человек элитарной косточки, не массовый. Этого зрители знать не могли, но даже тот, кто был далек в принципе от подобных рассуждений, не мог не чувствовать его, Андреевой, душевной тонкости.

Тем не менее для всех этих людей, толпившихся в ожидании лишнего билета, стоявших и висевших в проходах залов, Миронов был свой человек. Особый, редкой силы магнетизм – качество, совершенно необъяснимое, – завораживал публику. Обладал он и уникальным мастерством шоумена: умел заводить и держать зал. Но не только это, отнюдь. Был и простой путь к сердцу каждого зрителя: великолепный репертуар. У Миронова существовала настоящая концертная программа, и он готовился к каждому выступлению, как к самому ответственному. И ни в чем, что касалось бы такого дела, как выход к публике, он не позволял себе ни малейшего попустительства…»

Кстати, в феврале 1977 года в продажу поступила гибкая

грампластинка «Поет Андрей Миронов», на которой были записаны четыре песни из двух телефильмов: «Соломенная шляпка» («Женюсь, женюсь», «Соломенная шляпка») и «12 стульев» («Белеет мой парус…», «Танго «Рио»).

Впрочем, амплуа шоумена к тому времени уже начало тяготить Миронова. Почему? Видимо, потому, что с возрастом у него стал меняться характер и ощущение вечного праздника постепенно уходило из него, уступая место более серьезному мироощущению. Видимо, и перипетии личной жизни тоже играли свою роль в этом душевном надломе. Поэтому из комика Миронов все больше становился трагиком. Это, кстати, стало заметно и по его ролям в кино. Например, в «Повторной свадьбе» он играл весьма неоднозначного героя. Та же история была и в следующих работах. Так он снялся в двух телеспектаклях – у П. Резникова в «Возвращении» по И. Тургеневу, где у него была роль Бориса Андреевича Вязовнина, и в «Страницах из журнала Печорина» А. Эфроса по М. Лермонтову. И многие поклонники Миронова, увидев его в этих ролях, были удивлены и разочарованы. Ведь все привыкли к легкому и искрометному Миронову, а здесь он был серьезен, а иной раз и просто скучен (например, в роли Вязовнина).

Между тем смена амплуа для самого актера не была случайной, поскольку он давно тяготился тем, что большинство зрителей воспринимают его исключительно сквозь призму его комедийных ролей. То же самое писали и критики. Приведу слова В. Рыжовой:

«С некоторых пор кое-что в его творческой судьбе стало тревожить. Глубокий и тонкий актер, Миронов часто поет и танцует на сцене и на экране. Значительно реже думает. Разнообразие обернулось узостью, универсализм стал чем-то вроде амплуа. Претензий к актеру не было – он все делает хорошо. Появилось, однако, сожаление по поводу расточительности, позволяющей так однобоко эксплуатировать талант актера…»

Роли Грушницкого и Вязовнина призваны были вернуть Миронову авторитет артиста психологического. И они это сделали. Однако миллионы поклонников артиста с грустью подумали о том, что такие герои артиста, как Геша из «Бриллиантовой руки», Маркиз из «Достояния республики» или Фадинар из недавней «Соломенной шляпки», навсегда ушли в прошлое. Кстати, и сам актер заранее знал о такой реакции и в интервью накануне обеих премьер сказал:

«Многие привыкли к моим беззаботным, легкомысленным, нередко поющим и танцующим на экране героям, и, может быть,

кое-кто удивится или даже разочаруется, увидев меня другим».

Тем временем в начале 1977 года Миронов едва не пережил подлинную трагедию – из жизни едва не ушла его дочка Маша Миронова (от брака с Е. Градовой). Девочка тяжело заболела и попала в реанимацию. К счастью, врачи приложили максимум стараний и трагедии не произошло. Вскоре после этого случая Екатерина Градова прошла обряд крещения в церкви, покрестив не только себя, но и дочку.

И еще одну историю про Екатерину Градову того же периода стоит рассказать. В роли рассказчика – актриса Театра сатиры Вера Васильева:

«Катя Градова была серьезной девушкой, лишенной звездной болезни. К тому же с принципами, за что и поплатилась. Очень уважаю Плучека, но у него был такой грех – он приударял за актрисами и иногда, исходя из своей симпатии, давал или не давал им работу. В театре говорили, что Катя ему отказала – и тут же была снята с роли Софьи в «Горе от ума», ее заменили на Таню Ицыкович (сейчас она Васильева). Я понимала Катю лучше, чем кто бы то ни было, – я ведь и сама пережила схожую ситуацию. С той только разницей, что мне отомстил таким образом другой режиссер – Пырьев. После выхода картины «Сказание о земле Сибирской» мы собрали все возможные премии и почести. Везде проехали с выступлениями, встречами. Я получила Сталинскую премию. Вот на это Пырьев и указал, заметив: «Пора тебе меня отблагодарить». И назначил встречу в гостинице. Я, ничего не подозревая, пошла. Помню, Иван Александрович сидит на стуле и говорит: «Ну? Будешь меня благодарить?» Я отвечаю: «Огромное вам спасибо!» А он: «Не так благодарят! Иди сюда!» Словом, произошла некрасивая сцена… С трудом вырвавшись, я побежала к двери и услышала вслед: «Ты больше никогда не будешь сниматься в кино!» Надо сказать, что я не таила зла на Пырьева. Что ни говори, именно он подарил мне успех в кино. А побывав в схожих обстоятельствах, я в общих чертах понимала, что чувствовала Градова…»

Но вернемся к Андрею Миронову.

Первого июня 1977 года по ТВ в очередной раз показали одну из его первых работ в кино – милую комедию «Три плюс два» (21.30). Много воды утекло за эти пятнадцать лет: бывшие любовники Миронов и Фатеева успели за это время несколько раз развестись, завести детей: у Фатеевой их было двое – сын и дочка, у Миронова – дочка. Была, правда, еще дочь Ларисы Голубкиной Маша, но Миронов, хотя и относился к ней как к родной, но официально не удочерял, считая это лишним. Зато он наконец женился на Ларисе Голубкиной, прожив с ней почти три года в

гражданском браке. Сразу после регистрации молодые отправились на мироновскую дачу на Пахре, надеясь отдохнуть от городского шума и суеты. Но друзья жениха решили подшутить над молодоженами. Александр Ширвиндт и Марк Захаров со своими женами дождались ночи и приехали к даче на такси. Далее послушаем рассказ самого М. Захарова:

«Сначала мы осторожно изображали ночные привидения, ходящие с воем вокруг дома с погашенными окнами. Поскольку окна не зажглись, звуковую гамму решили разнообразить. «Привидения» стали не только выть, но противно пищать и ухать. Когда пришло физическое утомление без всяких видимых изменений на даче, Ширвиндт проявил огромную, незабываемую на всю оставшуюся мою жизнь изобретательность. Он неслышно влез через окно в спальню и укусил Ларису Ивановну за пятку. Ларисе Ивановне это почему-то страшно не понравилось. Почему – для меня загадка…»

Вскоре после регистрации Миронов поменяет свою квартиру в Волковом переулке на квартиру, которая примыкала к «двушке» Голубкиной. Прорубит стенку – и получится довольно приличная четырехкомнатная квартира.

Самое интересное, но регистрация отношений с Голубкиной не отвадила Миронова от походов на сторону. Хотя чаще всего его романы носили исключительно платонический характер. Так, к примеру, было с Еленой Кореневой, с которой Миронова свела судьба летом 1977-го во время съемок телеспектакля Валерия Фокина «Между небом и землей». Возлюбленную Миронова там играла Марина Неелова, но за пределами съемочной площадки романа у них не случилось (они чуть позже встретятся на съемках еще одного телефильма – «Фантазии Фарятьева»). А вот на Кореневу Миронов, что называется, «запал» по-настоящему. Вот как об этом вспоминает сама актриса:

«Я была маленькой вредной козявкой, пребывающей в постоянной печали, в которую почему-то влюбился этот красивый, полный жизненной энергии «сердцеед» – Андрей Миронов. Казалось, должно было быть все наоборот, ан нет! Он развлекал меня, веселил, рассказывал драгоценные актерские зарисовки, угощал по-царски, дарил цветы, целовал ручку при встрече и, случалось, исповедовался в своих грехах и романах. Его поведение и энергия декларировали безоговорочное приятие самой что ни на есть реальной, земной человеческой жизни, в которой он плавал как рыба в воде и был ее любимцем. Так называемая «достоевщина», самокопание, надлом, как и любой отказ от земных благ, воспринимались им как поражение. Его доминирующей жизненной эмоцией было восхищение. Он

рассказывал о том, как плакал от восторга, наблюдая парад королевских гвардейцев в Лондоне, и с такой же страстью говорил о своей мечте поселиться на речке с трогательным названием Шоша…»

Судя по поступкам, которые Миронов совершал в этом романе, влюбился он сильно. Однажды, когда они с Кореневой были в Ленинграде, Андрей примчался на свидание к гостинице «Астория» на пожарной машине. Он стоял на ее подножке и, поражая всех пешеходов, потрясал в воздухе рукой, как циркач-эквилибрист. В другой раз, уже в Москве, он привез своего друга-итальянца к Кореневой в четыре часа утра! И все для того, чтобы показать другу девушку, в которую был влюблен. Иностранец с интересом пообщался с Кореневой, после чего сразил Миронова признанием: «Это не женщина!» Миронов был в шоке: «А кто же это?» – «Это ребенок!» – последовал неожиданный ответ.

Роман Миронова и Кореневой длился недолго – всего лишь время работы над телеспектаклем. Затем актер его собственноручно похоронил. Во время последнего свидания он сказал девушке: «Я понял – вы чистый человек с удивительной женской природой, но вас сломали, втиснули в форму, и вы уже ничего не можете с этим поделать».

Была ли в курсе этого романа Лариса Голубкина – неизвестно. Но даже если бы и знала, вряд ли отнеслась к этому серьезно. Она слишком хорошо знала своего мужа, чтобы бояться за благополучие своей семьи. За три года их брака Миронов не единожды кем-то увлекался, но вопрос об уходе из семьи ни разу не стоял. И жили они вполне благополучно.

Вспоминает Л. Голубкина: «В первое время он часто заводился по какому-либо поводу, и пару раз я ему сказала:

– Андрюша, я же тебя сюда не звала, я не собираюсь мелочиться, больше всего на свете я боюсь выяснения отношений. Мне это неинтересно, это пусто, это никому не нужно, кто лучше, кто хуже, кто главней и кто не главней, все распределится и разложится по своим полкам все равно…

Не было скандалов, мы совершенно не скандалили. Иногда, конечно, конфликтовали.

– Знаешь, Андрюша, – говорила я ему, – по-моему, ты меня совсем не любишь.

А он говорит:

– А я думаю как раз про тебя. Что ты не любишь…

Все равно получилось, что он оказался самым главным в нашем доме, ему не надо было даже размахивать кулаками, топать ногами. Он бывал грозным, но как-то по пустякам. Если Андрюша за что-нибудь брался в доме, то все вокруг тут же

понимали: это главное, что он вообще сделает в жизни, – столько эмоций вкладывал! Злился, если его самолюбие хозяина страдало, самолюбие человека, который все умеет делать в доме лучше всех. Когда он ругался, мы с Машей смеялись. Хотя бы для примера. Помню, мы стол выносили, обхохочешься (маленький красивый старинный столик в кабинете, в Машиной детской). Он тут заорал, потому что это самолюбие заело: он не мог сообразить, как просунуть стол в дверь. Он разозлился и заорал. А Маша, крошка, подошла и говорит:

– Мам, чего это с ним?

Он вдруг очень удивился и спросил:

– Что, вы меня не боитесь?

Она говорит:

– Нет, пап, не боимся!

И тут же с него все как-то свалилось.

– Чего же я ору тогда? Для кого?..

В доме он ненавидел беспорядок, не переносил абсолютно, это было нечто! Устала, нет времени, все равно, дом должен быть идеальным, в любой момент. С первого взгляда трудно. На самом деле это очень хорошо. Скажем, я уезжала на гастроли, и как я уезжала из идеально аккуратного дома, в такой же дом я и приезжала…»

В мае 1978 года Миронов и Голубкина побывали в гостях у Владимира Высоцкого и Марины Влади на Малой Грузинской улице, 28. Инициатором этого дружеского визита был сводный брат Миронова Кирилл Ласкари, который с недавних пор стал дружен с Высоцким. Сам Андрей до этого с бардом практически не пересекался, если не считать каких-то случайных встреч на «Мосфильме» и в театре. Как мы помним, их первая встреча случилась почти десять лет назад – в августе 1968-го – и оставила у Миронова не самые приятные впечатления. Он тогда приревновал свою возлюбленную Татьяну Егорову к Высоцкому и оставил ей отметину на всю жизнь – горбинку на носу. Но это было давно и по молодости, поэтому нынешняя встреча обошлась без шекспировских страстей. Теплая компания просидела до утра, беседуя о жизни и искусстве. Высоцкий рассказал о своей новой роли в кино (в те дни он начал сниматься в роли Жеглова в сериале «Место встречи изменить нельзя»), а Миронов говорил о театре и о своем давнем увлечении – джазе. Пили мало, поскольку Высоцкий был в «завязке», а Миронов особо пьющим человеком никогда не слыл. Хотя при случае мог «принять на грудь» немало. Вот как об этом вспоминает его сводный брат К. Ласкари:

«Я никогда не видел, чтобы Андрюшка был пьян. Я-то как раз

быстро это делал. А он… Вот мы были в Сочи на гастролях и вдвоем жили в санатории «Актер». У нас был номер «люкс». Я писал повесть «Двадцать третий пируэт», Андрюшку жутко это раздражало, он ходил на цыпочках и играл, будто я большой писатель.

И вот в один из дней Андрюша сказал: «Все, сегодня ты ничего не делаешь, у нас свободный день, придут две барышни, и мы пойдем кутить». Взял со стола мою рукопись и подбросил вверх так, что листы разлетелись по всей комнате.

И мы пошли в ресторанчик на воздухе. Пришли две актрисы.

– Девочки, вам нравится мой брат? – спросил он.

Девочки сделали вид, что нравится.

– Сейчас я вам покажу его настоящее лицо.

Подозвал официанта:

– Значит так, будьте любезны – литр водочки, водички и бутылочку вина.

– Андрюха, это провокация. А еда?

– Еда будет попозже. Надо, чтобы девочки увидели твое подлинное лицо. Засеките время. Я даю ему 15 минут.

Он мне налил фужер водки и себе тоже. Меня почему-то тут же развезло, и через 15 минут я уже лыка не вязал. А потом он долго не мог запихнуть меня в номер и возмущался: «Что такое? Ты как водопроводчик. Я больше тебя с собой никуда не возьму»…»

Двадцать первого июля в Прибалтике, в городе Советске Калининградской области, режиссер Наум Бирман начал съемки фильма «Трое в лодке, не считая собаки» по одноименной книге английского писателя Джерома Клапки Джерома. С этим режиссером судьба уже сводила однажды Миронова: он снимался у него в небольшой роли врача-стоматолога в комедии «Шаг навстречу». На этот раз у Миронова роль была куда шире и он играл главного героя – самого автора Джерома Клапку Джерома, – а в напарники себе взял своих коллег по «Сатире» Александра Ширвиндта (Харрис) и Михаила Державина (Джордж). Более того: в картине снималась и жена Миронова Лариса Голубкина (Энн). Короче, те съемки в Советске (снимали также под Черняховском – объект «шлюз») можно было смело назвать веселым междусобойчиком. В роли собаки снимались два фокстерьера Герцех и Грех. У Миронова и Державина отношения с ними наладились сразу, а вот о Ширвиндте этого сказать было нельзя. Однажды в гостинице Герцех так на него серчал, что сильно тяпнул за палец, прокусив его до крови. В итоге Ширвиндту пришлось сниматься, прикрывая забинтованный палец – его руку прикрывал красный плед.

Между тем именно те съемки стали предвестником ранней смерти Миронова. Но расскажем обо всем по порядку.

Шестнадцатого сентября Театр сатиры открыл свой 54-й сезон в Москве. Поскольку в родном здании на Большой Садовой все еще шел ремонт, спектакли пришлось показывать на других площадках. В частности, на сцене ДК МАИ. В тот день был показан «Замшевый пиджак», в котором Миронов не играл. В те дни он все еще находился в Советске и доснимался в последних натурных эпизодах фильма «Трое в лодке…». Спустя несколько дней он приехал в Москву, но только для одного – чтобы собрать вещи и отправиться с частью труппы родного театра на двухнедельные гастроли в Ташкент. Но лучше бы он туда не ехал. Миронов пробыл в столице Узбекистана всего лишь несколько дней, как вдруг ему стало плохо. У него сильно разболелась голова, причем боли были настолько сильными, что он потерял сознание. По счастью, поблизости оказались его коллеги по театру, которые немедленно вызвали «Скорую». Осмотрев артиста, врачи настояли на госпитализации. Миронова поместили в одну из лучших ташкентских клиник. Как выяснится много позже, у Миронова лопнул сосудик в мозгу. Кровь вытекла и запеклась, создав тем самым искусственную пробку. По счастью, это был всего лишь микроразрыв, однако тамошние врачи поставили неверный диагноз: серозный менингит. Судя по всему, кризис случился у Миронова не случайно: уж больно интенсивно он в том году работал, совмещая работу в театре, съемки в кино, да еще успевал разъезжать с концертными гастролями по стране. Если бы врачи не ошиблись с диагнозом и провели тогда Миронову операцию, то он бы прожил еще много лет. Правда, при одном условии: ему надо было срочно менять профессию на более спокойную. Но согласился бы он с этим? Вряд ли. Кроме актерской, ни в какой другой профессии он себя не мыслил. Хотя нет, еще мечтал быть перводчиком с английского. Но актерство все равно перевешивало.

Спустя сутки после мироновского кризиса, прервав гастроли в Одессе, в Ташкент прилетела Лариса Голубкина. Она вспоминает:

«Месяц я провела у его постели, он лежал белого цвета в больнице. Придумали эту жуткую историю с менингитом. Если бы тогда сделали обследование и поняли, что это было первое кровоизлияние, то все-таки он мог бы лечиться. В то время в Америке уже делали такие операции. Цареву в таком почтенном возрасте сделали операцию, и он семь месяцев прожил. Значит, если в молодом возрасте это сделать, как знать… Андрею было тогда тридцать семь лет.

Кризис случился сразу после съемки фильма «Трое в лодке…». Я не врач, но я так себе представляю: работали в Тильзите (Советске), там уже была осень, прохладно, они, раздетые, сидели в реке все время, в холодной воде. Все время в воде торчали. Он не простой был человек. Вот, скажем, если Шура Ширвиндт и Миша Державин могли бы и посидеть в сторонке, то Андрюша все время встревал в режиссерские дела, он все время что-то советовал, суетился постоянно. Ну и в результате – болезнь…»

А вот как про эти же дни вспоминает актриса Театра сатиры Т. Егорова: «Осень 1978 года. Малые гастроли в Ташкенте. Я в Москве, и, как под дых, известие:

– Миронов в Ташкенте умирает. У него что-то с головой!

Что? Говорят, клещ укусил! Какой клещ? Менингит! У меня подкосились ноги. Вся трясусь. Бегу к Наташе (Н. Селезнева. – Ф.Р.) – она только оттуда вернулась, – слушаю и плачу, а в груди громко бьется сердце, и я кричу внутри себя: «Какая же я сволочь бесхарактерная, ну почему я не могу его разлюбить? Ну почему? Я ведь так стараюсь…» – и вместе мешаются в платке и слезы, и сопли, и вопли…»

Между тем по Москве тотчас пошли слухи, что Миронов… умер. Но он был жив, лежал уже в столичной больнице и уверенно шел на поправку. Как итог – в среду, 6 декабря, возле Театра сатиры было отмечено небывалое столпотворение. Люди всеми правдами и неправдами хотели попасть на спектакль «Женитьба Фигаро», где впервые после долгого перерыва должен был играть Андрей Миронов. Актер, буквально вернувшийся с того света. Говорят, особенно остались довольны его возвращением на сцену… продавцы цветов, поскольку обладатели вожделенных билетов (особенно женщины) в считаные минуты скупили у них всю продукцию.

Рассказывает А. Вислова: «В тот вечер Миронов стоял на сцене, еще слабый после болезни, не зная, как удержать в руках все прибывающие цветы, и смущенно улыбался своей неповторимой мироновской улыбкой. Он явно не ожидал такого бурного проявления любви и признательности зрителей, счастливых уже от того, что он снова с ними. Тем более что незадолго до того ему довелось испытать на себе первые признаки пренебрежительного, апатичного отношения со стороны тех, кто еще недавно восторженно писал о его таланте. Не сразу, но все более отчетливо он начинал чувствовать, что теряет свое место среди тех, кто волнует критические умы и определяет течение театрального процесса. Ведущие критики заметно утрачивали интерес к актеру, не обременяя себя вниманием к

происходящим в нем переменам. Их привлекали уже иные имена. Трудно забыть, как на одно только мое предложение дать новый материал о Миронове услышала быстрый, как отмашку, ответ известного и авторитетного критика: «О Миронове? Писано и переписано»…»

На следующий день Миронов был уже в Ленинграде, где продолжались съемки «Троих в лодке…». В те дни был снят эпизод, где герои плутают в лабиринте, пытаясь отыскать своих неожиданных попутчиц Энн, Эмилию и Патрицию (в этих ролях снимались Лариса Голубкина, Алина Покровская и Ирина Мазуркевич).

В январе 1980 года Лариса Голубкина уехала на гастроли в один из городов средней полосы России, а Миронов решил остаться дома. И вспомнил о своей бывшей возлюбленной Татьяне Егоровой. Восьмого января ей исполнилось 36 лет, поэтому Миронов решил это дело отпраздновать. Он пригласил именинницу и их общую знакомую в ЦДЛ, где в тот день шла премьера нового фильма Андрея Тарковского «Сталкер». К этому режиссеру у Миронова было особое отношение – он его чрезвычайно уважал. Была бы воля Миронова, он бы снимался у своего тезки даже в эпизодах, но эта мечта оказалась несбыточной – у Тарковского была другая актерская компания и места для Андрея Миронова в ней не находилось. Впрочем, так было не только с Тарковским. Миронова не приглашали в свои работы и другие советские режиссеры из числа «продвинутых»: Никита Михалков, Георгий Данелия, Кира Муратова, Алексей Герман (последний, правда, вспомнит о Миронове, но об этом рассказ впереди). Ситуация, когда Миронову в основном поступали предложения от режиссеров рангом пониже, удручала актера. По его же словам: «С точки зрения открытия в себе новых возможностей кино мне мало что дало… В театре я используюсь в самых разных планах. В кино – пока очень однопланово».

Конечно, Миронову выпадала удача сниматься и у настоящих мастеров кино. Взять того же Эльдара Рязанова, Георгия Натансона или Илью Авербаха. На телевидении это были Анатолий Эфрос, Марк Захаров или Валерий Фокин. Но все же ему хотелось достичь вершины киношного Монблана, а его покорение без участия в фильмах Тарковского или Михалкова было невозможно. Миронов жаждал расширить свой киношный диапазон, а ему это сделать не давали. А когда это вдруг получалось, вмешивались силы извне. Например, он сыграл превосходную роль в фильме Ильи Авербаха «Фантазии Фарятьева», где впервые предстал в облике героя из разряда трагических, а этот фильм взяли и положили на полку. Фильм

был сдан на ЦТ в конце июня 1979-го, но телевизионное начальство посчитало его мрачным и о дате выпуска на экран ничего не сообщило. «Покажем, когда представится удобный момент», – было объявлено создателям ленты. В итоге этот момент наступит спустя два с половиной года (авторы фильма все это время считали, что их детище вообще никогда не увидит свет).

Но вернемся в январь 1980-го. После просмотра «Сталкера» Миронов посадил двух своих спутниц в машину и развез по домам. Егорова тогда уже жила на проспекте Вернадского, была свободна от семейных уз и на правах бывшей возлюбленной пригласила Миронова к себе в гости. Они просидели до поздней ночи: вспоминали прошлое, говорили о творчестве. Хозяйка обратила внимание, что выглядит гость неважно. В театре у Егоровой не было возможности разглядеть болезненность вида Миронова, а здесь, за столом на собственной кухне, она это увидела. И едва она завела об этом разговор, Миронов мгновенно на него среагировал: «Да, я серьезно болен, – сообщил он. – Я был у врача, и он это подтвердил». Однако развивать дальше эту тему не захотел: видимо, ему было это неприятно.

Как мы помним, первый серьезный кризис со здоровьем случился у Миронова осенью 1978-го. Тогда врачи поставили ему неверный диагноз – серозный менингит, хотя на самом деле это была аневризма. Болезнь была вызвана крайне напряженным ритмом работы актера: он много играл в театре, снимался в кино и успевал еще концертировать в дуэте с женой. Этот бешеный ритм и стал причиной болезни. Однако едва Миронов выписался из больницы, он снова взялся за старое: несмотря на советы врачей сбавить свои творческие обороты, снова врубил «полную скорость». Стал репетировать сразу две новые роли в театре (Леня Шиндин и Дон Жуан), снялся в кино («Фантазии Фарятьева»), взялся за постановку спектакля «Феномены». И опять стал концертировать по стране. Когда Миронов был с гастролями в Болгарии, некая гадалка в ресторане сообщила ему: «Вы очень многого достигли, но это не предел. Вы сделаете еще очень много такого, что удивит всех. Но учтите, у вас очень плохое здоровье. Вы должны его беречь». Но как можно было беречь здоровье человеку, который был буквально одержим творчеством?

Тем временем в Москву вернулась Лариса Голубкина. О недавней встрече своего мужа с его бывшей возлюбленной она не догадалась. А может, просто сделала вид, чтобы не расстраивать себя лишний раз. К тому времени их брак с Мироновым приобрел статус стабильного. Они были официально расписаны, к тому же Миронов совершил поступок, на который долгое время не

решался, – удочерил дочку Ларисы Машу Голубкину. Хотя настоящих отношений у двух его дочерей друг с другом не было: Миронов не хотел, чтобы они полноценно общались. Рассказывает Мария Голубкина:

«Нет, мы не общались. Ну это вообще такая вещь сложная… Как я могу ответить на вопрос, почему мы с Машей Мироновой не общались? Мы выросли давно, а тогда я же не могла позвонить, сказать: «Здрасьте! Это я, давайте дружить». Потом ревность, наверное. У меня ревности не было. Я была таким простым ребенком.

У меня было абстрактно: «Мама, роди ребеночка!» – вот так. Сестричку или братика. Не знаю. Это все так сложно сказать. Чего хочется в детстве. Каждую секунду все меняется. И по-другому человек думает. Он не разбирается ни в чем. Это папа, это мама. Это плохо, это хорошо. Никаких полутонов не существует. Почему говорят, что дети жестоки? Они не знают компромиссов. Есть дети, которые на это способны, но это какие-то умные дети. Не я. Но это я не к тому, что я не могла пойти на компромисс, я была достаточно тактична, просто… это надо было бы, скорее, спросить у папы. Если бы он мог ответить, то и хорошо. А для папы это был закрытый вопрос, и зачем мне на него отвечать? Тут родители должны были как-то наладить отношения, а не мы. Существовала там женщина, здесь женщина, две женщины, матери. Как это в принципе может общаться первая жена со второй, если абстрактно так подумать? Могут, наверное, если они соберутся и начнут обсуждать супруга. Вообще женщины – тут и ревность, и обида. Представьте – один мужчина и какие-то там… да еще все девочки. Может, и было бы вначале все прилично, я не думаю, что кто-то драться бы начал, конечно, нет, это я утрирую, а просто – не нужно.

Если папа так выбрал, то так и есть. Это – естественно. Нет вопросов. У меня тоже никогда не было вопросов, честно говоря. Все планировал он. Так вот папа не предлагал нам познакомиться…»

Вскоре наступил июль 1980-го, который оказался богат на события, причем самого разного толка: от веселых до трагических. Девятнадцатого июля (в этот день в Москве открылись летние Олимпийские игры – 80) свой очередной день рождения праздновал Александр Ширвиндт. Торжество проходило на квартире именинника в высотке на Котельнической набережной. Народу было приглашено много, и практически все – представители творческой богемы. Поскольку в тот же день в Москве начались Олимпийские игры, то, естественно, торжество было окрашено в спортивные тона. И поздравления крутились

тоже вокруг этого. Так, Миронов облачился в спортивную футболку и трусы (на голове белая повязка), а Эльдар Рязанов – в рубашку и полосатые трусы, на груди – спортивная медаль, в правой руке – олимпийский факел. В таком виде они и произнесли торжественный спич в честь юбиляра.

А 25 июля по Москве со скоростью молнии разнеслась весть о том, что в своей квартире на Малой Грузинской умер Владимир Высоцкий. Миронов с Голубкиной узнали эту новость одними из первых – от кого-то из коллег по театру. Известие их буквально ошеломило. Они не считали себя друзьями Высоцкого, однако с недавних пор были вхожи в его дом (впервые это случилось два года назад) и поддерживали с ним приятельские отношения. В их фонотеке были его пластинки с дарственной надписью, а среди магнитофонных катушек была кассета с его песнями.

Вечером того скорбного дня Миронов играл Леню Шиндина в «Мы, нижеподписавшиеся…». Двадцать седьмого это был Вишневский в «У времени в плену».

Двадцать восьмого июля состоялись похороны Высоцкого. На них побывало чуть ли не пол-Москвы. Однако коллег покойного на них было не так много, как могло бы быть, поскольку большинство столичных театров в те дни были на гастролях. Но Миронов был в Москве, поэтому вместе с Голубкиной он приехал в Театр на Таганке, где проходила гражданская панихида (остальные «сатировцы» двинулись туда от здания театра, возглавляемые Верой Васильевой, у который был специальный пропуск).

Вспоминает Т. Егорова: «Вдруг распахнулись двери Театра сатиры, на ступеньки выскочил возмущенный директор и стал истерически кричать: «Остановитесь! Не смейте туда ходить! Я вам запрещаю! Не смейте! Это безобразие! Я вас всех перепишу!»

Мы у Театра на Таганке. На крышах домов сидят, стоят люди. Все близлежащие площади и переулки до отказа набиты людьми. Мы пробираемся в помещение театра. Посреди сцены гроб с… ним. Его отпевал отец Александр Мень – через несколько лет его убьют топором по голове.

Возле гроба стоит Андрей. Возложил цветы. Ему осталось жить семь лет…»

Кстати, тогда же смерть пахнула в лицо и самому Миронову. Причем без мистики не обошлось. Что имеется в виду?

Известный юморист Геннадий Хазанов внезапно обратился к нему с просьбой: мол, тебе надо поехать со мной к двум гадалкам, поскольку те хотят сказать тебе нечто очень серьезное. Гадалками были две женщины-узбечки, которые давно жили в Москве и практиковали в среде столичной интеллигенции. По

словам Хазанова:

«Однажды, когда я пришел к гадалкам, они стали меня просить привести к ним… актера Андрея Миронова. Говорили, что он отрезан от космоса и что ему грозит скорая гибель! Всеми правдами и неправдами я уговорил Андрея к ним поехать. Рассказывал ему по дороге о светлых и темных силах, о судьбе, о предназначении, а он смотрел на меня, как на сумасшедшего…

Оставив Андрея у гадалок, я ушел гулять. Отсутствовал часа два. Когда вернулся, Андрей сидел притихший и что-то обдумывал. Гадалки шепнули мне, что ему осталось жить шесть, максимум семь лет. Видимо, он не захотел серьезно изменить себя. Спустя семь лет Андрей действительно умер…»

Однако до трагедии еще есть время, а пока 1 сентября 1980 года обе дочери Миронова – две Маши – отправились в первый класс. Причем обе носили фамилию Миронова и учились в одной и той же школе. Естественно, это вносило путаницу. Поэтому длилась эта история недолго. Однажды в школу пришла бабушка девочек – Мария Владимировна Миронова – и поставила вопрос ребром: «У меня есть одна внучка Маша Миронова!» После этого в классном журнале сделали поправку, Маша Миронова стала Машей Голубкиной.

Между тем Миронов продолжал влюбляться. Очередное пылкое чувство возникло в его душе осенью 1980 года, когда он снимался в Сочи в комедии Аллы Суриковой «Будьте моим мужем». Его партнершей там была известная актриса Елена Проклова, к которой он и воспылал чувствами. Но девушка оказалась на удивление «крепким орешком». Миронову не помогли ни его обаяние, ни модные шмотки, предусмотрительно купленные им в Стране тюльпанов – Голландии, куда он съездил тем летом. Более того, Проклова взяла да и закрутила роман с художником фильма (именно его сын Филипп играл в фильме роль мальчика Ильи). Их роман произошел молниеносно. Художник приехал в Сочи всего-то на пару-тройку дней навестить сына и в итоге остался на куда больший срок. Из-за Прокловой он потом бросит жену-француженку с двумя детьми, а Елена оставит своего врача. Они проживут года два, но в результате все равно расстанутся. Но это будет чуть позже.

Миронов сильно переживал свое фиаско с Прокловой. Так сильно, что это не скрылось от внимания его жены, которая находилась от него за тысячи километров. И в начале октября Голубкина примчалась в Сочи. Далее послушаем ее собственный рассказ:

«Он раскатал губу, я думаю, а она там другого себе нашла. И я его пожалела. Он меня позвал, я приехала. Компания такая –

вот он, вот она, в середине Сурикова живет, так три номера подряд, и все там замечательно, и смотрю, Лена, вся в шляпах, крутится перед ним, моложе ведь, блондинка, голубоглазая. Андрюша, чувствую, переживает что-то. Смотрю, там художник, бородатый, а он был женат на француженке, у него все там французское, красивое. Я думаю, тут у Андрюши накладка произошла. Но помню, что там я нервничала. Потом, оказалось, напрасно. Но был момент, когда он был напряжен. И это напряжение отражалось на мне. Все колотушки в мою сторону. Он же не мог к ней подойти и сказать: «Лена, ты что?» Он срывался на мне. Вот единственный момент в моей жизни, сложноватый. И тогда он однажды сказал мне:

– Как ты на мать похожа!

Не знал, что сказать уже. И сказал комплимент, потрясающий комплимент…»

Между тем 18 декабря 1980 года свет увидел указ Президиума Верховного Совета РСФСР о присвоении Андрею Миронову звания народного артиста РСФСР. Это был редкий случай, когда актер в 39 лет получал столь высокое звание. Однако ни у одного из поклонников Миронова даже мысли не возникло о скороспелости подобного указа. Все прекрасно понимали, что кто-кто, а уж Андрей Миронов был истинно народным артистом. Причем не только в пределах РСФСР, а на всей территории Советского Союза. К сожалению, до звания народного артиста СССР Миронову дожить будет не суждено. Но об этом чуть позже.

Вечером того же дня в Театре сатиры именинник давал банкет. Пришло около ста человек – вся труппа плюс друзья и коллеги Миронова из других театров. Однако истинных друзей Миронова среди собравшихся было не так много – все больше завистники. А их в родном театре было предостаточно. А. Левинский рассказывает:

«Если говорить поверхностно, по первому плану – зависть была. Какая-то волна вокруг Андрея гуляла, не то чтобы недоброжелательства, но смутной напряженности. Можно ли это назвать завистью? Наверное, можно. Ревнивый взгляд, который хочет найти скорее что-то уязвимое. Это как оборотная сторона медали: публика его выделяет, ставит недосягаемо выше, видит все самое лучшее. Только преимущества. Ну а Андрей забирал все интересные роли, в каждом спектакле неизбежно попадал в центр внимания.

Каждый человек, который идет работать в театр, думает, что именно он будет в центре. Таково актерское самосознание. А если ты понимаешь, что тебе слабо, то у кого-то эта рана остается,

редко удается пережить естественно и легко тот факт, что рядом с тобой такой превосходный партнер. Это сильный удар по самолюбию.

Многие искренне понимали, почему все интересное достается Миронову, но были и такие, которые думали: «Что ж это такое, почему все ему да ему?» Были актеры, которые хотели его роли играть: а чем я хуже, я что, не могу так же и даже лучше? Такие встречались тоже. Считали, что все Андрею достается по блату. Все! Смешно говорить, конечно. А в основном коллеги понимали, что у Андрея есть определенный заряд, который мало у кого есть и который дает действительное, настоящее, естественное право быть в центре.

Но от этого не легче, даже труднее. И за это хотели, чтобы он двадцать пять раз здоровался, двадцать пять раз одалживал в долг, чем-то свою удачливость и зведность компенсировал. И если он так себя не ведет, то значит – «А-а-а, зазнался! Мы – одно, серая масса, а вот у нас есть свои гении, это – другое».

Как мы помним, звания заслуженного артиста РСФСР Миронов удостоился в октябре 1974 года – как раз в момент, когда трещал по швам его брак с Екатериной Градовой. Но пять лет спустя, в момент получения звания народного, второй брак актера являл собой совершенно иное явление – он был крепок и стабилен. Здесь надо отдать должное Ларисе Голубкиной. Хотя, к примеру, аневризма головного мозга у Миронова начала давать знать о себе именно во время второго брака. И кто-то уверен, что это тоже не случайность: дескать, «заездила» жена своего супруга концертами. Но это спорная точка зрения. Миронов не мыслил своей жизни без любимой работы, поэтому была бы рядом с ним Голубкина или не была, он бы все равно работал на износ. Иначе он просто не мог. Представить себе картину, где бы он в пижаме и тапочках сидел бы днями напролет у телевизора или в кресле за чтением книг, было просто невозможно. Тем более что в те годы ему стали платить очень большие деньги – в день могло «набежать» целых 500 рублей, а то и больше. Спросите, каким образом? Все очень просто: Миронов давал по 17 (!) концертов в день при ставке за одно 30-минутное выступление 50 рублей. Даже его мать возмущалась такой загруженностью сына, но ничего не могла с этим поделать. Вот как об этом вспоминает Рудольф Фурманов, который выступал вместе с Мироновым:

«Мария Владимировна не знала, что концертов бывало гораздо больше – по 17. Кто-то подумает – нереально, а я отвечу – реально! Утром в девять часов в филиале № 4 Дома творчества в Репино выходит Андрюша Миронов, быстро играет, потом выходит Быстрицкая. А мы с Андреем мчимся в другой филиал –

№ 2. Там Андрюша начинает, продолжает Клара Лучко. Тем временем мы летим дальше. В итоге – пять концертов до трех часов дня.

Но на этом рабочий день не заканчивался: Андрей ехал в другое место, где было запланировано еще пять концертов на пяти площадках. А к семи вечера он снова возвращался в Репино и выступал до десяти. Только после этого его везли на вокзал.

В таком темпе и жили. Зато за день Андрюша мог заработать 500 рублей, а это по тем временам весьма большие деньги! Никто даже не подозревал, какую боль он порой преодолевал. Не раз я был свидетелем того, как он, сидя где-нибудь с друзьями, бледнел и охал: «Голова… как будто что-то ломается внутри». А когда становилось полегче, отпускало, он продолжал жить в безумном ритме…»

Представляете, какая нагрузка была на мозг Миронова и как это влияло на его аневризму?! Естественно, долго продолжаться это не могло.

Итак, Миронов все время был погружен в работу: он играл в театре, снимался в кино и на телевидении, давал концерты и записывал песни в студии звукозаписи. А летом брал месячный отпуск и вместе с Голубкиной уезжал куда-нибудь отдыхать. Иногда за границу. Например, в 1982 году супруги поехали отдыхать в Бельгию. Мало кто из артистов Театра сатиры мог себе позволить такую поездку, но только не Миронов с Голубкиной – как-никак они были звездами первой величины. Помимо Бельгии они тем же летом побывали также и в Болгарии, у своих добрых знакомых супругов Найдена и Зои Андреевых. У них была дача на море, и они специально пригласили туда чету Мироновых.

Однако ввиду болезни, которая съедала Миронова, он сократил свои концертные выступления. И отправлял Голубкину в подобные поездки одну. А сам, оставаясь в Москве, не скучал. Например, в конце октября 1982 года он отправился в Театральное училище имени Щукина, где в тот день проходила встреча его однокашников, посвященная 20-летию окончания театрального училища.

Вспоминает В. Лепко: «Перед встречей мы все друг друга обзвонили и договорились, что обязательно встретимся и будем отмечать, пришли в училище. И как всегда, после официальной части все разошлись по классам, по своим курсам, сидели, пили винцо, вспоминали. И вдруг, не знаю почему, никогда такого не было раньше, почему-то наши мальчики, однокурсники наши, куда-то все растворились, куда-то все спешили, кто-то заболел, не пришел, в общем, получилось так, что у нас остался один Андрей и много девочек. И вдруг Андрюша говорит:

– Поехали все ко мне. Я сейчас всех своих любимых девочек беру к себе. Жена уехала на гастроли, а я сейчас человек холостой, я вас всех приглашаю в гости.

Он жил на Селезневке. И мы, конечно, очень радостные, решили поехать. Я, Эля Суханова, Аля Кремнева, Валя Шарыкина – человек шесть девочек и он. И он нас привез, нескольких в своей машине, остальным взял такси.

Мы приехали к нему. Дом был очень красивый. Он нам сначала показал, как он живет, как объединил две квартиры, сделал из них одну. И посадил нас в гостиной, с изумительной старинной мебелью, открыл бар, стал доставать всякие напитки. Тогда же ничего купить нельзя было.

– Девочки, что хотите, чай, кофе, мартини, кампари, шампанское, коньяки, вино?

Но это была прелюдия. Дальше началось главное действие. После того как мы освоились за столом, он повел нас в одну из маленьких комнаток, где у него находился… музей: не знаю, в каком-то невероятном количестве собранные дамские шляпки. Совершенно изумительные шляпки. Разных времен, разного фасона. И Андрюша всем нам сам надевал шляпки, примерял. «Тебе вот эта, нет, та тебе не идет, это не трогай, это ей».

Он сам, как художник, каждой из нас надевал шляпку, такую, какую он считал, что больше всего каждой из нас идет, в стиле, в образе, и мы все в этих разных шляпках потом пришли, сели за шикарный стол, он включил магнитофон, записи старинные, фокстрот, танго, и он с каждой из нас танцевал. С каждой по-своему, под каждую шляпку была определенная мелодия, определенный танец, вы себе не представляете! Вот я сейчас говорю, а у меня слезы. Воспоминание на всю жизнь. Он нам устроил такой праздник, мы были ему так благодарны. Но я же не знала, какая трагедия у него – совсем недавно умер Александр Семенович. А у меня еще в этот год трагические события в жизни произошли, погиб человек, которого я очень любила. Я была совершенно в невменяемом состоянии.

В тот вечер я забыла даже про это. Андрей ухитрился сделать нам бесценный подарок, он был так нежен со всеми. Такой мужчина, такой кавалер. Заботливый, внимательный, он так за нами ухаживал, он был такой актер, он нам устроил такой изумительный праздник, это был такой театр, в котором мы все принимали участие, для каждой из нас он нашел свою роль. И он сам был главным персонажем, при этом каждая женщина чувствовала, что она главная. В это мгновение, когда он с ней танцует, когда он говорит о ней тост. О каждой он говорил тост. Это было что-то потрясающее. Это я ему никогда не забуду. Мы

все всегда вспоминаем, как мы собираемся.

Мы потом всем остальным рассказывали, нам все завидовали, кто не был на этом вечере.

Мы ушли от него, когда открылось метро. Мы провели вместе всю ночь и даже не заметили. Это была импровизация: он же не знал, что не будет мальчишек. Но ему захотелось праздника. Он был счастлив, потому что он получил огромное удовольствие сам, мы же это видели. И вот тогда он мне подарил изумительную фотографию. Он там очень хорош, глаза такие прекрасные. И подписал: ничего не написал особенного, только наш с ним знак. Были такие знаки, которые только я и он могли понять, еще в шестидесятом году: «Вика?!!!» и сердце, пронзенное стрелой. Расшифровывать это могли только мы с ним. «Целую, Андрей». И все. Три слова и много всяких знаков…»

Наступление Нового 1983 года Миронов и Голубкина встретили у себя дома в компании своих друзей и знакомых. Именно тогда хозяева дома дозрели до того, чтобы посадить за общий стол свою 9-летнюю дочь Машу, которая до этого дня этой привилегии была лишена – ее считали маленькой. Вспоминает Л. Голубкина:

«Мы пустили за свой стол, о чем тут же и пожалели. Представьте, сидит она за столом, вдруг входит одна актриса, очень известная, не буду говорить кто, шикарно одетая, совершенно пьяная. И – «матовые слова»… Маша сползла с дивана под стол и потихоньку сбежала в свою комнату. Я иду к ней, говорю:

– Ну, что случилось?

– Мам, я там не могу сидеть, почему такая красивая женщина такая неприличная?

Вот, пожалуйста, мы ее оберегали, хотя все бесполезно, наоборот, не надо было оберегать, сама во всем прекрасно разбиралась…»

Тем временем здоровье Миронова постепенно ухудшается. По всему его телу пошли страшные фурункулы, гнойники покрывали всю его спину, воспалялись под мышками, в паху, так что руки-ноги было трудно поднять. М. Державин по этому поводу вспоминает: «В «Ревизоре», когда он падал, мы с Шурой Ширвиндтом пытались изловчиться и поймать его так, чтобы не дотронуться до больных мест под коленками, под мышками. Он страшно мучился. Дорогой парфюм заглушал аптечный запах разных мазей, которыми он спасался. Ему делали переливание крови, аутогемотерапию. Но ничего не помогало…»

Видимо, отчаявшись найти достойную помощь у традиционной медицины, Миронов обратился за помощью к

знаменитой Джуне. Однако и ее способностей не хватило на то, чтобы вылечить болезнь. Потом Голубкина повезла Миронова к деду-знахарю, проживавшему в ста километрах от Москвы. Несмотря на серьезность ситуации, поездка получилась веселой. Вот как о ней вспоминает сама Л. Голубкина:

«Этого деда мне врач рекомендовал: «Лариса, поверь мне, если вы поедете к этому деду, есть какие-то определенные три или четыре заболевания, которые в деревне снимают: рожистые воспаления, стафилококковые дела, ячмени. Знаете, кроме смеха, никакой реакции. Андрей все время шутил. Когда мы приехали, дед какой-то смешной такой, полуспущенные штаны, неопрятный, нас увидел, посмотрел на меня, на него, он не знал Миронова, просто привезли больного, он смотрел, смотрел и говорит: «Где ты, болезный, такую бабу-то хорошую нашел?» Это было так смешно, и я поняла, что мне надо уходить в кусты, потому что дед на меня глаз положил. И несколько раз: «О, хорошая какая баба-то!» Андрей говорил: «Ты меня нарочно привезла сюда, чтобы дед этот тебя утвердил совсем». Дед тот дал нам снадобье, у нас эта бутылка простояла в кабинете на окне, пока она вся не испортилась. Андрюша даже не вспомнил о ней…»

Разуверившись в нетрадиционной медицине, Миронов в феврале 1985 года лег в больницу и был согласен с любым вердиктом врачей и любыми методами их лечения. А врачи предлагали только одно: операцию под названием лимфаденектомия. Это означало, что под общим наркозом Миронову должны были удалить лимфоузлы в тех местах, где была хроническая инфекция. Операция была тяжелой, но Миронов перенес ее мужественно. После нее ему стало значительно легче.

Пока Миронов был в больнице, в стране произошли очередные перемены на самом политическом верху: 10 марта из жизни ушел генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Черненко, и к власти в Кремле пришел один из самых молодых членов Политбюро – 54-летний Михаил Горбачев. Но Миронова эти события мало волновали, поскольку их затмила покупка первой в его жизни иномарки. А купила ее мужу Лариса Голубкина. Она однажды пришла к Миронову в больницу, а тот давай жаловаться: мол, вот какой я несчастный, у меня даже «Мерседеса» нет. Голубкина, которая была готова ради мужа, да еще пережившего тяжелую операцию, буквально на все, решила в лепешку расшибиться, но иномарку достать. И она отправилась к начальнику торгового управления Москвы.

Вспоминает Л. Голубкина: «Я стала убеждать начальника, что надо разрешить Миронову купить «Мерседес». Мы с ним вели

философские разговоры, он говорит:

– А если сын Промыслова (председатель Моссовета. – Ф.Р.) захочет купить машину?

Я говорю: сын Промыслова не должен ездить на «Мерседесе», а Миронов должен. Потому что Миронов известный артист, а сын Промыслова – это сын Промыслова. Я с ним спорила. Народ, говорила, простит Миронову, потому что народ знает, что Миронов поехал, заработал деньги на концертах, а сын Промыслова неизвестно где заработал. И заработал ли. И так далее. Короче говоря, целая история с этой покупкой. Получилось, что «Мерседес» купил военный адвокат какой-то, а Андрею достался «БМВ». И когда он выписался из больницы, я говорю: иди, тебя там ждет машина «БМВ». Знаете, как в деревне, «Запорожец» покупали, всем миром радовались? Вот и Андрей, как ребенок, сюда во двор пригнал машину, брата Киру, Машу, домработницу посадил, набил полную машину и давай возить по двору. Радостно, на иностранной машине возил. Тогда еще немного таких машин по Москве ездило, так что это было довольно забавно…»

Вспоминает И. Кваша: «Незадолго до смерти Андрей купил «БМВ». Оформив машину по унизительным очередям УПДК, он наконец сел за руль и медленно тронулся.

– На фига ты ее купил, – сказал я, – если тащишься как черепаха?

– Сколько нам осталось жить? Хочется на хорошей машине поездить».

Свой последний в жизни год (1987-й) Андрей Миронов встретил у себя дома в кругу своих близких и друзей. Поднимались разные тосты, но один был особенно актуальным. Все присутствующие знали, что в последнее время у Миронова случались частые нелады со здоровьем, поэтому все желали ему не болеть. Миронов обещал. Увы, это обещание так и не исполнится, и этот год станет последним в жизни нашего героя.

В феврале Миронов принял участие в скорбном ритуале – похоронах своей бывшей классной руководительницы в средней школе № 170 Надежды Георгиевны Панфиловой. На траурную церемонию собрались практически все одноклассники Миронова. Поминки проходили в маленькой квартирке покойной на улице Вавилова. Тогда кто-то из одноклассников произнес фразу о том, что они мало видятся. Мол, время идет, люди уходят навсегда, а живым все никак не хватает времени, чтобы собраться. На тот момент в бывшем классе Миронова уже были потери: ушли из жизни Володя Лапин и Виталий Морозов. И никто из присутствующих даже вообразить себе не мог, что следующим в

этом скорбном списке будет блистательный Андрей Миронов. Жить ему оставалось чуть больше пяти месяцев. К слову, сам он, видимо, предчувствовал свою близкую кончину. После упомянутого тоста он внезапно сказал: «Ничего. Скоро я вас соберу – по такому же случаю…»

Об этом же воспоминания Ларисы Голубкиной: «Мы с Андрюшей давно поняли, что у нас дома мало места, потому что очень много людей, гостей. Добивались, чтобы нам поменяли квартиру на Селезневской на большую, и в этот год, год его ухода из жизни, нам подписали разрешение. Обычно он активный бывал в быту, если что-то хотел сделать, а тут стал какой-то вялый. Я говорю: «Ну что ж ты, нам предлагают сменять квартиру, а ты не идешь?» – «Да ну, кто нам даст?» Мы ходили, смотрели какие-то квартиры, он не особенно был активен. Мне почему-то кажется, что человек чувствует смерть. Нет у него желаний, под коркой ощущение, состояние души другое…»

Восьмого марта наш герой справил свое 46-летие. Это был последний день рождения в жизни гениального актера. Его он провел вместе с матерью, женой Ларисой Голубкиной, дочерью Машей Голубкиной, Григорием Гориным и его супругой Любой у А. С. Пушкина – в Михайловском. Инициатором поездки была Маша Голубкина. В январе того же 1987-го, когда отмечалось 150-летие со дня гибели великого поэта, в ней внезапно проснулась безумная любовь к Пушкину. И она, зная, что ее родители давно дружат с директором Михайловского музея Семеном Гейченко, буквально вымолила у них эту поездку. До ухода именинника из жизни остается ровно пять месяцев.

Последняя женщина: Алена Яковлева

Широкая общественность узнала о том, что у этой женщины был роман с Андреем Мироновым, уже после его смерти. В конце 90-х свет увидела книга Татьяны Егоровой «Андрей Миронов и я» (подробный рассказ о ней вас еще ждет впереди), и именно после этого всплыло имя Алены Яковлевой. Например, в одном из интервью Егоровой одна из журналисток спросила: «А как вы относитесь к претензиям на Андрея Миронова? Екатерина Градова говорила, что причиной их развода была некая деталь, которой именно она не смогла простить. Лариса Голубкина говорила, что он любил только ее. Алена Яковлева говорила, что если бы не его смерть, они бы непременно поженились».

Т. Егорова: «Леночка Яковлева – милая девочка, но все, что она говорит, просто икебана…»

Кто же она такая – Алена Яковлева и как возникла в судьбе героя нашей книги?

Яковлева родилась 2 июня 1961 года в Москве в семье знаменитого актера Юрия Васильевича Яковлева. Причем ее настоящее имя Елена, но она решила его поменять. Почему? Вот как она сама отвечает на это:

«…По паспорту я Елена, но это имя поменяла на Алену уже достаточно давно. После выхода на экраны «Интердевочки» меня постоянно спрашивали, не я ли сыграла там главную роль. И это несмотря на то, что с Леной Яковлевой, для которой это была первая «звездная» роль, мы внешне абсолютно разные. Мне подобные вопросы настолько надоели, что решила вспомнить, как меня в детстве называли все мои близкие и друзья. Для них я всегда была Аленкой. Тем более что имя Алена звучит гораздо мягче, чем мое собственное…»

Яковлева пошла по стопам отца – окончила то же театральное училище, что и он, – имени Б. Щукина. Дело было в 1985 году. И тогда же была зачислена в труппу Театра сатиры. И сразу получила небольшую роль в спектакле «Бремя решений» Ф. Бурлацкого. По словам актрисы:

«…После окончания «Щуки» пришла показываться главному режиссеру Плучеку. Мне сразу дали эпизод в спектакле «Бремя решений». Меня запомнили как актрису с пышными формами, вот и пригласили на роль певички Джудит Эснер – прототипа Мерлин Монро. Когда я пришла на репетицию, Плучек расстроился: «А что это ты так похудела?» На самом деле на показе мой великолепный бюст был ловко сконструирован из колготок – это известный актерский трюк. Часто вспоминаю рассказ Веры

Васильевой о том, как она в «Сказании о земле Сибирской» творила из себя с помощью чулок пышногрудую сибирячку. Даром, что ли, Сталин обратил на нее внимание!..

Тема спектакля очень серьезная – история про Карибский кризис. В спектакле были заняты все ведущие актеры: Андрей Миронов – Джон Кеннеди, Юра Васильев – Роберт Кеннеди, Линдона играл Владимир Петрович Ушаков, генерала Макнамару – Спартак Васильевич Мишулин. Играли Александр Ширвиндт, Раиса Этуш, Михаил Державин…»

Видимо, именно тогда на молодую и красивую актрису и обратил внимание Миронов, у которого на тот момент уже закончился роман с Людмилой Гавриловой. И вот уже в феврале 1986 года, когда Миронов приступил к первой своей режиссерской постановке – спектаклю «Тени» по М. Салтыкову-Щедрину, он на роль красавицы Софьи взял Елену Яковлеву. Послушаем ее собственный рассказ об этом:

«…Когда я пришла в театр, Плучек сразу меня предупредил: «Алена, будь осторожна! У нас тут столько красавцев!» Я, скромно потупив глаза, ответила: «У меня на первом месте искусство!» А тут Миронов взял меня в свой последний режиссерский спектакль «Тени» по Салтыкову-Щедрину. Мы успели сыграть пятнадцать спектаклей… Я, неопытная артистка, очень боялась репетировать с ним – он ведь звезда, кумир, к тому же на 18 лет старше. Вдобавок Андрей Александрович был очень строг на репетициях. Он меня специально изводил, каждый раз приговаривая на репетиции: «Нет, ее нужно заменить! Правда же, она не очень?» И я зажималась еще больше. «Артистка Яковлева! Вы когда наконец начнете работать?» – не унимался он. «Ну подождите, я еще не вошла в роль!» – пыталась защититься я. «Что значит – подождите! Уже билеты все раскуплены», – дразнил меня Миронов.

В Андрея Александровича невозможно было не влюбиться! Что я и сделала. Он любил интересных молодых женщин и очень красиво ухаживал… У каждой складывалось впечатление, что она для него – единственная.

Уже на служебном входе можно было безошибочно определить: Миронов в театре – пахло хорошим одеколоном и дорогими сигаретами. Ощущение, что вошел МУЖЧИНА с большой буквы, возникало немедленно! Даже мужчины в его присутствии как-то подтягивались. О женщинах и говорить нечего. Как вы понимаете, я не явилась исключением: не увлечься таким человеком было просто невозможно…»

Как видим, увлечение было. Но вот был ли роман? Вполне вероятно, что был, просто актриса считает не вправе выносить его

на всеобщее обозрение. И если те, кто убеждены в наличии этого романа, правы, то получается, что Алена Яковлева была последней возлюбленной Андрея Миронова. Той самой женщиной, к которой он собирался уйти от Ларисы Голубкиной.

Дочери Андрея: две Маши

Еще в бытность рядом с Мироновым Татьяны Егоровой он мог стать отцом, причем не один раз. Но, как мы помним, судьбе было угодно, чтобы эти дети на свет так и не появились. В результате первый ребенок у Миронова родился на свет в законном браке – с Екатериной Градовой. Дочка Маша. Это случилось 28 мая 1973 года. И надо же было такому случиться, но в том же году, но чуть позже – 22 сентября – на свет появилась еще одна девочка Маша – у Ларисы Голубкиной, которой вскоре предстоит тоже стать дочерью Андрея Миронова. Причем волею все той же судьбы постоянно проживать ему придется с не своей дочерью, а именно с удочеренной. А для родной дочки он станет «воскресным папой» – то есть приходящим.

От Градовой Миронов ушел поздней осенью 1974 года, когда их дочери было всего полтора годика. Естественно, она этого не помнит. Но в ее памяти наверняка должна остаться некая обида на отца, который бросил их с мамой и ушел к другой женщине, да еще удочерил чужую дочку. Поэтому когда Маша Миронова была маленькой, на вопрос о своих родителях она отвечала коротко: «Папа у меня все время ля-ля-ля, а мама все время плачет». Эта короткая фраза хорошо характеризует ситуацию в той семье. Маленькая Маша Миронова чаще видела своего отца по телевизору, где он пел веселые песни про «Остров невезения» или «Джона Грея», чем вживую, у себя дома. Именно поэтому ее мама, судя по всему, и плакала так часто – что дочь лишена полноценной семьи и нормального отца. Хотя Миронов по мере своих сил помогал бывшей жене и дочери. Благо работали они в одном театре. И если Градова жаловалась на какие-то материальные трудности, то Миронов тут же старался эту проблему решить. Для него это было нетрудно – он прилично зарабатывал, получая зарплату сразу в нескольких местах: в театре, на съемках, на гастролях, на ТВ, в грамзаписи и т. д. Другое дело, что своей «доли» требовала и его новая семья, где тоже подрастала дочка.

Фактически воспитывали Машу Миронову ее мама и бабушка – Раиса Ивановна Градова. Вот как сама Мария вспоминает об этом:

«…Я могу сказать о тех, кого я любила. Например, о маминой маме Раисе Ивановне Градовой. Она была безумно красивой женщиной, и в нее в юности была влюблена вся Москва. Бабушка очень меня любила, а я ее. Она служила в Театре имени Гоголя, и именно с ней я впервые вышла на сцену в спектакле «Декамерон».

Мне было шесть лет. Бабушка все время меня хвалила и говорила, что я самая лучшая, что, конечно, не соответствовало реальности. (Улыбается.) Но именно она заложила во мне веру в свои силы. Вторая бабушка – Мария Владимировна – больше критиковала. Это тоже очень полезно – я понимала, что не идеальна и нужно постоянно работать над собой…

Вообще я благодарна судьбе за разностороннее воспитание, которое получила в семье. Оно до сих пор помогает мне понимать различные точки зрения. Я существовала между двумя крайностями. «Папина» бабушка воспитывала меня строго, подвергая все мои действия большому сомнению, а «мамина» бабушка, наоборот, всегда меня хвалила, верила в меня. Думаю, это сочетание веры в ребенка и строгого осуждения его эгоцентризма было удачным…

В детстве я очень любила танцевать, обожала музыку, балет, оперу. Был период, когда я была буквально зациклена на Есенине и Айседоре Дункан. Мне хотелось быть как она. Танцевать перед публикой босой и свободной. Потом, лет в двенадцать-тринадцать, меня захватили фильмы Тарковского. Мама мне их показывала, потому что для нее он всегда был режиссером номер один. Я смотрела их и плакала. Не все понимала, но чувствовала, они трогали мое сердце и душу. Мне нравился фантазийный мир, существовать в котором было интересней, чем в мире реальном.

Я все время что-то выдумывала, меня все равно в эту сторону тянуло. Но я не любила, когда мне говорили: стань на табуретку и прочитай стихи. Если я слышала подобное или «Маша, станцуй!» – во мне кипел дух противоречия, и я делала ровно обратное – пела. (Смеется.) Как-то отвернулась спиной к публике и стала танцевать. Это был мой детский протест. Не терпела и не терплю насилия, в чем бы оно ни выражалось. В насилии творчество не рождается…»

А вот что рассказала Маша о том, как ее воспитывал отец:

«…Смешная была история, когда мне задали в первом классе (Маша пошла в школу в сентябре 1980 года. – Ф.Р.) учить басню «Стрекоза и муравей». Я пришла к отцу и сказала:

– Пап, проверь, пожалуйста, я выучила басню, – мне надо было, чтобы он просто проверил урок. – Послушай, как я рассказываю!

– Давай.

А он ждал прихода Горина. И у него был, по-моему, час свободный. Но мне показалось – это длилось бесконечно, я не знаю, сколько времени продолжалась пытка, но он не давал мне читать. Только я начинала, сразу раздражался, прерывал и говорил:

– Ты плохо читаешь!

Я ему:

– Ну почему, я же наизусть выучила, как же я плохо читаю?

Он меня замучил так, я не понимаю, честно говоря, серьезно ли это было, может быть, действительно ему хотелось как-то улучшить мое исполнение басни, но, по крайней мере, когда пришел Горин, то попытался меня спасти:

– Андрюша, перестань, ну отпусти ребенка, пусть отдыхает, пойдем с тобой займемся.

Но тот рвался:

– Нет, я хочу, чтобы она как следует читала!

Понятно, он хотел меня научить хорошо читать эту злополучную басню. Но я была в ужасе, мне же надо ее рассказать! Почему он меня мучает, за что? Чего он хочет от меня? А сейчас я понимаю, что, судя по всему, он добивался какого-то художественного прочтения…»

Итак, в шесть лет Маша впервые вышла на сцену, а в восемь – дебютировала в кино. Речь идет о трехсерийном телефильме «Приключения Тома Сойера и Гекльберри Финна» режиссера с Одесской киностудии Станислава Говорухина. Маша сыграла в нем небольшую роль – Бекки Тэтчер. Съемки проходили летом 1981 года в Сухуми. Вот что об этом вспоминает сама актриса:

«…Это было мучением. Мы снимались при 40-градусной жаре, к тому же на нас светили софиты. А в пещере со сталактитами и сталагмитами было скользко и ужасно холодно. Иногда приходилось работать по ночам. Смены у всех были по 12 часов, у детей чуть поменьше. Но отдохнуть как следует нам не удавалось. Жили в гостинице, где было огромное количество клопов. Я трудно все это переносила. И у меня абсолютно не было никакой идеализации актерской профессии…

Когда снимали сцену в саду, где я должна была водить бычка, он сопротивлялся, и привели козу, которая ужасно пахла и с которой мне тоже не удалось найти общий язык. Так в фильм и вошли разные дубли – и с козой, и с бычком. А еще я ужасно боялась Талгата Нигматулина, который играл индейца Джо. Он пытался меня расположить к себе, общался, улыбался, но мы так и не подружились. Зато мы дружили с Федей Стуковым, Владом Галкиным и Игорем Сориным.

Из этой компании остался в живых только Федя Стуков – Том. Но из профессии он ушел… Еще помню, на премьере, по-моему, в Доме кино, я ощутила разочарование и шок, потому что всех детей озвучили взрослые люди. Я на экране открываю рот, и звучит очень приятный, но чужой голос. Мне вообще было трудно принять себя на экране, а тут еще и говорю не я… У меня

возникло детское ощущение, что к этому я вообще не имею никакого отношения. Я и теперь не очень люблю смотреть фильмы со своим участием. Ощущение, что кино не имеет ко мне никакого отношения, осталось с детства…»

Следующим летом Маша снова попала на съемочную площадку, но уже не как актриса, а как зрительница. Дело в том, что Андрей Миронов снимался в фильме-сказке Александра Митты «Сказка странствий» (в роли философа и странника Орландо), и когда настала пора натурных съемок, которые проходили в Ялте, взял туда и Машу. Было это в середине июня 1982 года. Например, 17 июня Миронов в одном из павильонов Ялтинской киностудии снимался в эпизоде «сарай» из начала фильма (там Орландо выхаживает Марту). На следующий день снимали тот же объект. Работа длилась с 9.00 до 15.00. Потом два дня съемок не было. Миронов эти дни посвятил дочке Маше. А следующие дни он снова снимался, а Маша осталась на попечении актрисы Татьяны Аксюты, которая исполняла в фильме главную женскую роль – Марту. Вот что она вспоминает о тех днях:

«С Андреем Александровичем на съемках была его дочь Маша. Так он заставлял меня с ней возиться: для него мы с ней были как бы одного возраста – значит, подружки! (На самом деле Аксюта старше Маши на 16 (!) лет. – Ф.Р.) Меня это выводило из себя! Единственным, кто меня жалел, был Владимир Басов. Он умел снять напряжение, рассмешить. Ради хорошего настроения партнера не стеснялся даже ушами шевелить – была у него такая способность. Только к концу съемок Миронов стал ко мне относиться серьезнее. Помню, даже пригласил на «взрослую» вечеринку к себе в номер…»

Кстати, на тех съемках присутствовал юноша, который спустя девять лет станет первым мужем Маши Мироновой. Впрочем, не будем забегать вперед.

Рассказывает М. Миронова: «Мы не часто встречались с папой. У него немыслимое количество времени занимала работа: ежедневные репетиции в театре – он много играл и ставил там как режиссер, ежегодно снимался в нескольких фильмах, а еще гастролировал с концертами… Но всегда находил время заехать ко мне домой, или взять с собой к бабушке, или на дачу, или к его друзьям, брал с собой на съемки фильмов… Иногда он приходил ко мне в школу. Тогда все занятия прекращались – учителя тоже высыпали из классов смотреть на Андрея Миронова. Это было как раз то время, когда он был в зените славы. И в то же время папа был очень скромным человеком. Каждый раз выходил на сцену как впервые… Я ведь часто бывала у них с мамой в

театре, хотя отец очень не любил, когда я бывала за кулисами. Мама говорила, что он нервничал, когда на меня смотрели мужчины…

Из всех папиных фильмов мне больше всего нравится, пожалуй, «Бриллиантовая рука». Там у него настолько узнаваемый образ… Я часто сейчас вижу современных молодых людей, напоминающих его персонаж, и это смешно, потому что очень точное попадание. Нестареющий фильм. Очень нравится Маркиз в «Достоянии республики». Мне кажется, что именно в этой роли папа смог выразить самого себя – добрый, сумбурный, азартный и скрыто-нежный, максималист в душе, не признающий половинчатых чувств и дел, приветствующий в жизни все, кроме скуки. Есть еще фильм – «Фантазии Фарятьева». Отец там играет совершенно не типичную для своего экранного образа роль – ранимого и живущего своими фантазиями человека. Он играет очень трогательно. Я не очень сентиментальный человек, но знаешь, я не могу смотреть этот фильм спокойно…»

Как мы помним, к моменту, когда обе дочери Миронова пошли в школу (1980 год), он удочерил Машу Голубкину и дал ей свою фамилию. В итоге получились две Маши Мироновы, да еще учившиеся в одной школе. У многих это вызывало иронию, а то и издевку. Поэтому бабушка девочек, Мария Владимировна Миронова, настояла на том, чтобы Маше Голубкиной была возвращена ее первоначальная фамилия. Наверное, Ларисе Голубкиной это не понравилось, но противиться этому она не могла – все знали крутой нрав Марии Владимировны. Но эта коллизия не позволила двум дочкам Миронова сойтись ближе, и они все детство и юность провели вдали друг от друга, даже не делая попыток сблизиться. Поэтому у них были разные друзья и подруги.

Рассказывает М. Миронова: «…С Филиппом, сыном Олега Янковского, мы подружились очень давно, и совершенно не благодаря родителям. У меня есть очень близкая подруга Наташа, с которой я фактически выросла. Она дочь балетмейстера – француженки Веры Боккадоро, работавшей в Большом театре. Сейчас она живет в Париже, но часто приезжает в Москву и останавливается у меня. А раньше она жила в соседней квартире. Наша с ней разница в возрасте в шесть лет была ощутимой. Когда мне было десять, к Наташе – владелице видеомагнитофона и светомузыки – приходили 16-летние и устраивали вечеринки по-французски, такие же, как в фильме «Бум» с Софи Марсо. По малолетству я на эти «бумы» не допускалась. Только сидела и слушала отголоски потрясающей, фантастической взрослой заграничной жизни, протекающей у меня за стенкой. Так вот к

Наташе приходили Филипп Янковский, Андрис Лиепа и многие другие. Это сейчас мы с Андрисом плотно общаемся, а тогда я его боялась просто до посинения. Ему было уже около двадцати. Он был старше всех и казался мне очень взрослым. Единственным человеком в этой компании, которого я не боялась, был Филипп Олегович Янковский. По-дружески я общалась именно с ним. Конечно, Филиппу со мной в тот момент вряд ли было интересно, но он меня спокойно и внимательно выслушивал. За что я была крайне признательна. С тех пор мы с ним так и общаемся…»

А что же Мария Голубкина, каким было ее детство? Но прежде не об этом – о другом.

Многие люди до сих пор задаются вопросом: а не специально ли Голубкина назвала свою дочку Машей, пытаясь понравиться и Андрею и, главное, его маме, которая в их семье была главным человеком? То есть если отвечать на этот вопрос положительно, то получается, что Голубкина, рожая дочь, уже конкретно нацеливалась на то, что скоро они с Мироновым составят семейную пару. Впрочем, с его родителями она давно была знакома и в начале 70-х даже считалась… подругой Марии Владимировны. Вот как сама Голубкина рассказывает об этом:

«…Было время, когда я проводила с родителями Андрюши больше времени, чем с ним. Его часто не было – он носился по тетенькам, перелетал, как бабочка, а я к его родителям наведывалась. Причем – с удовольствием. Иногда в разговоре с ними вспоминали Андрюшу, но вскользь, особенно не сосредоточивая на нем внимания. Мы с Марией Владимировной стали тогда настоящими подругами. У меня в этой жизни были три подруги – все три Маши: Мария Владимировна Миронова, Мария Петровна Максакова, мой педагог по вокалу, и Мария Иосифовна Давыдова, второй режиссер Хейфеца.

Я с Марией Владимировной и Александром Семеновичем ходила на концерты Марлен Дитрих, Шарля Азнавура, Жильбера Беко, они все время приглашали меня с собой. Мы сидели в первых рядах, и они, помню, меня представляли своим знакомым; «Вот это наша Ларисочка!»

Какая «наша», никто не понимал, конечно, но они мной гордились. А с Марией Владимировной мы очень часто встречались, обсуждали разные проблемы…»

В итоге, спустя каких-нибудь несколько месяцев после ухода от Градовой (осень 1974 года), Миронов стал жить с Голубкиной. Ее дочке Маше в ту пору было уже полтора года, и она вряд ли что-то помнит об этом.

Андрюша всегда говорил: «Вот только не надо детей своих навязывать».

Между прочим, когда он был ребенком (гости у Мироновой – Менакера собирались никак не реже, чем у нас, так что у Андрея гостеприимство наследственное), Мария Владимировна очень сердилась, если Андрюша устраивал домашние «показы» своих талантов. И он не любил, когда дети стихи читали, играли на пианино и т. д.

Как-то пришли к Френкелю встречать Новый год – мы и родители Андрюшины. И вот френкелевский внук ну просто ходил по плечам Александра Семеновича, выступал во всех жанрах.

Андрюша сказал тогда: «Интересный Новый год. Хоро-о-оший мальчик».

Праздник у нас просто кончился, потому что в центре внимания был ребенок. Этого Андрей не понимал.

Мы гордились с ним, что у нас такая хорошая Маша, она не лезет к взрослым. С другой стороны, она росла слишком скромной – это тоже плохо. Понимаете, золотой середины никогда не найдешь…»

А теперь предоставим слово Марии Голубкиной, которая так вспоминает о своих детских годах:

«…На съемки меня родители не брали. А вот в театре у них я много времени проводила. Туда детей можно – по крайней мере, знаешь, что они никуда не убегут, там некуда. Особенно я любила мамин театр (Центральный академический театр Российской армии, где со студенческих лет и до сих пор работает Лариса Голубкина. – Ф.Р.). Во время спектакля сидела в осветительской будке вместе с осветителем Таней Трегубенко. А там же очень интересно: кнопки, штучки, свет включили, свет выключили, есть световая партитура. Мне давали рулить, я чувствовала некую причастность. Еще я любила ходить в буфет, потому что там были бутерброды с осетриной и бужениной, лимонад. И это прекрасные моменты детства. Бывало, меня брали на летние гастроли. Помню, я ездила с мамой в Магнитогорск, в Челябинск. А в Новосибирске в это время гастролировал цирк. У мамы там был знакомый клоун, вот меня в цирк и отдали. В цирке куча детей и животных, а что еще ребенку для счастья надо?..

На отдых родители меня тоже не брали – обычно они отдыхали вдвоем. Отпуск у них был осенью. Они часто ездили в Голландию, потому что у них там жили друзья и делали им приглашения на выезд за границу. Как говорила мама, им было там весело и хорошо. Меня в Голландию не брали: во-первых, целая проблема сделать визы – это же 80-е, во-вторых, если бы они собрались поехать с ребенком, все бы подумали, что они хотят сбежать. А в-третьих, осенью я должна была ходить в

школу. У родителей были другие интересы, это понятно.

Скучала ли я по ним? Нет, общения было достаточно! Почти каждое воскресенье папа меня водил на Птичий рынок, потому что мне хотелось посмотреть на зверей. И мы там пропадали по несколько часов. А на каждый день у нас было правило в семье: мы должны обедать дома, все вместе. Это сейчас от Театра сатиры, где работал папа, до Селезневки, где мы жили, еще сто раз подумаешь, стоит ли ехать – три часа минимум потерянного времени выйдет. А тогда пробок в Москве не было. Утром родители уходили на репетиции, вечером – играть спектакли. А в промежутке приходили домой и обедали. Папа у нас был эстет, ему требовалась сервировка: тарелка с подтарельником, нож и вилка по местам. И маме тоже нравилось все это: сервировать стол, готовить…

При этом мы с папой любили тайком от мамы поесть в столовой. Нам нравились котлеты, состоящие наполовину из хлеба, сосиски и еще какая-нибудь гадость. Я даже не знаю, почему, но сосиска с кефиром – прекрасно. А мама тем временем в ресторане «Пекин», например, покупала на ужин свежих трепангов, чтобы из них что-то необыкновенное соорудить. Еще у нас была помощница по хозяйству, которая тоже готовила – например, лепила пельмени и замораживала. И всегда был стратегический запас на случай, если придут гости. Мама каждый вечер кормила огромную массу гостей. А на случай праздников у нас имелась знакомая немка, Амалия Карловна. Когда-то она служила домработницей известного мхатовского артиста и славилась двумя фирменными блюдами: пирожками с капустой и тортом, пропитанным ромом. И вот мы у Амалии Карловны заказывали пирожки. Если этот пирожок с капустой намазать черной икрой, выходило очень неплохо…

Зимой после спектакля мы с папой брали ковер и шли его выбивать на улицу. Когда темно и никто не видит, этим заниматься удобно. По нынешним меркам, наш быт был довольно скромен. В квартире – четыре комнаты, что считалось вполне достаточным. У людей тогда были запросы поменьше, чем сейчас. Никто не думал о том, чтобы яхту купить, и машину-то приобрести была проблема, а уж если машина иностранного производства – это вообще целое событие. Тут один артист, который работал с родителями в театре, сказал, что мы очень хорошо жили, ведь у нас машина была, иномарка (как мы помним, эту машину Миронов приобрел всего лишь за два года до смерти. – Ф.Р.). А сам, между прочим, ездит сейчас на куда более крутой машине, чем та наша, подержанная. Но даже старая иномарка вызывала тогда у людей большую зависть, чем сейчас

личный самолет, как ни странно. Хотя тогда все жили относительно одинаково. Впрочем…

Однажды я пришла к однокласснице в гости в коммуналку. Огляделась и поняла, что для меня это дико. Потом она говорит: «Сейчас мы будем обедать». У нас в доме слово «обед» означало, что мама котлеты из телятины пытается впихнуть в меня, а я не ем. А девочка приносит с кухни банку магазинной баклажанной икры и достает черный хлеб. Я спрашиваю: «И все?» Она удивилась: «Все».

Родители мне многое разрешали. Например, однажды у меня в ванной жили пять уток… Когда родители их увидели, долго смеялись. Потом отдали кому-то на дачу, потому что утки бы погибли, ванна – это не для них. Но и кроме уток кто у меня только не жил. Куча зверей, и если открыть дверь, оттуда весь этот кошмар выбегал, его приходилось обратно запихивать. Дядя Кирилл (Ласкари), проходя мимо комнаты, шутил: «Что нового в пыточной?» И ничего, все терпели. Я была как маленькая разбойница из «Снежной королевы», с собственным зверинцем. Один раз я собаку на улице подобрала и прятала под кроватью две недели. Потом все ее увидели, но ничего страшного не случилось – разрешили оставить.

А вот в углу я никогда не стояла. Мама, если что, говорила: «Я сейчас папе расскажу». Ну и этим все заканчивалось. А папа в качестве угрозы мне все время рассказывал, как в детстве его собственный отец бил дневником по лицу. Он постоянно мне обещал то же самое проделать со мной за мои «двойки», долго собирался, потом один раз все-таки решился – и сам испугался. А я испугалась за него. Потому что увидела: он очень расстроился. Единственное наказание, которое ко мне применяли регулярно, – не пускали на конюшню. Я ведь с девяти лет занималась верховой ездой, и мне все время хотелось быть там.

В дни рождения ко мне приходили в гости друзья, и мы играли, общались. Ничего особенного. Вот у моих родителей дни рождения всегда были креативные, они что-то придумывали. Праздновали один день рождения на двоих, ведь папа родился восьмого марта, а мама – девятого. Однажды в гостинице сняли бар, папа оделся в смокинг и был барменом, а Александр Анатольевич Ширвиндт сыграл портье – он со всех собирал деньги при входе, говорил: «Бесплатно не пущу». Было очень смешно (дело было в 1984 году. – Ф.Р.).

А что касается Нового года… Тут уже чисто семейный сценарий. Мы каждый Новый год, даже после смерти отца, ездили к бабушке Марии Владимировне. Там специфически сервировался стол и обязательно были пирожки все той же Амалии Карловны.

Еще полагалось писать записочки с желаниями и поджигать. Мы знали, как все будет происходить, что будет на столе, как будем шутить и что будем смотреть по телевизору. И я даже знала, что мне подарят. У Марии Владимировны была подруга-скульптор, Бржезицкая, она работала на фарфоровом заводе и делала для всех бабушкиных гостей на каждый Новый год знаки зодиака. Если год Крысы, она делала крысу, если Козы – козу. Это была специальная лимитированная серия, только для своих. Я тоже для бабушки подарки готовила. Помню, кухонную доску выжигала, лобзиком выпиливала, писала стихи на французском языке…

С бабушкой у меня были довольно спокойные отношения. Она не была бабушкой-наседкой. Мария Владимировна вела себя спокойно и разговаривала со мной как со взрослой. Я столько разговоров слышала о ее якобы сложном характере… Ничего в нем сложного не было, она просто всегда говорила то, что думает. Но такой пиар был вокруг Марии Владимировны, что она такая опасная… А если тебе долго рассказывают об этом, то ты уже начинаешь бояться на всякий случай. Вот я и относилась к ней с некоторой опаской. Хотя чего плохого, если с тобой обращаются как со взрослой и говорят все, как есть?..

Что касается общения с моей сестрой Машей, то его было мало. Но это обычное дело – в молодости каждый сам по себе. А с Машей мы учились в параллельных классах. Центр-то небольшой, вот мы и оказались в одной школе. В детстве проходили мимо друг друга, разве что просто здоровались. Ирка Панченко, наша общая подруга, дружила с нами по очереди: если со мной она ссорилась – дружила с Машей, потом ссорилась с Машей – дружила со мной. Но дружить втроем нам в голову тогда не приходило. Мы с Машей знали, что мы сестры, но не принято было об этом говорить. Нас никто не пытался подружить, и тут дело не в нас, а в наших родителях. И мне трудно понять, кто там чего хотел или не хотел… Ну вот просто мы жили, как жили. Я, честно говоря, даже никогда не разбиралась, почему так. Предполагаю, что у женщин бывает ревность…

Но папа постоянно общался с Машей. И мама это прекрасно понимала. Мама даже ставила мне в пример Машу Миронову. Так и говорила: «Вот Маша Миронова – она молодец, она хорошая девочка, она на «пятерки» учится и в комнате убирает». А Маша сейчас говорит, что слышала про меня в детстве то же самое. Спрашивается: зачем? Но родители не были особыми специалистами по психологии детей, да и вообще, у нас в стране на тот момент культура воспитания была ниже, чем сейчас. Раньше мы все ходили пионерским отрядом и нам объясняли, что детям не место с родителями за столом…»

О том, почему Миронов не хотел, чтобы обе Маши общались друг с другом, у Ларисы Голубкиной есть собственное мнение. Вот оно:

«…Катя рассказывает журналистам, что ее Маша моей написала письмо. Про письмо я не знаю. Я бы не возражала. Андрюша тоже странный. Не хотел, чтобы девочки общались, из-за какой-то деликатности. А ведь у него перед глазами пример был – папа. У Александра Семеновича Менакера сын есть, Кирилл Ласкари, и Александр Семенович все сделал, чтобы Андрюша с Кирой виделись, дружили, из Москвы в Ленинград ездили, и все. Тем не менее, я помню, еще в молодые годы Кира приезжал в Москву и чувствовал себя немножечко скованно, потому что Мария Владимировна была суровая. Но она шла на это, очень сильный был Александр Семенович. Смог укротить даже Марию Владимировну.

Должна вам сказать: вероятнее всего, у Андрюши было мало времени в этой жизни, и, как я понимаю, он себя берег от возможных конфликтов. Он отдельно ходил туда и отдельно здесь жил. И все время сравнивал. У Кати было одно качество, которое его всегда смешило, – деньги, деньги, деньги, одеться, одеться, одеться. Мол, нечего надеть. И в этом смысле он был настолько порядочный и обязательный человек, я думаю, что Катя на него ни секунды не обижалась. Там было все в порядке. Это не обсуждалось вообще. Вот нужно – значит, нужно. Вот пусть здесь не будет, а там все должно быть.

Виноватым он себя не считал. Не считал абсолютно, как мне кажется. Но он не хотел связываться. Потому что первое время Катя была в некотором напряжении немножечко.

Катя Градова утверждает, что ее девочка – единственная наследница Андрюши, единственная дочь. Пусть утверждает. Андрей считал нашу Машу дочкой, и только это имеет значение. Мне ничего не надо никому доказывать. Мы прожили четырнадцать лет как один день. Сейчас почему-то стали выяснять, кто главнее? Опять – кто главнее. Ну им кажется, что они главнее. Я ведь Машу градовскую тоже понимаю. Она практически выросла без отца. Он приходил туда когда мог, но каждый раз возвращался в ужасе. Понимаете? То Юлиан Семенов, то Рощин, то Авербах, сплошные там были романы. И Маша в такой ситуации. Хотя она знала, что папа – это папа, но он нечасто же ее видел. Андрей взял ее однажды на съемки в Ялту, так это, я помню, на нее в детстве самое сильное впечатление произвело. Тогда снимали «Сказку странствий». Понимаете, ребенку же хочется с отцом быть. Тем более такой папа. А с другой стороны, этот же папа здесь, в этом доме. Он вбегал и

убегал, вбегал и убегал. С Машей отношения были хорошие, но орал он на нее все время: то уроки делай, то пойди уберись. Доставал, другими словами.

Катя работала в театре с Андрюшей. Это тяжело – жить в одном театре. Театр ведь тоже семья, и очень конфликтная большая семья, и если бы Андрей со своей стороны более демократично относился к жизни, было бы проще. Мы с Машей часто приходили к нему, и постоянно некоторая натяжка в отношениях с Катей чувствовалась. Андрюша в этом смысле очень достойный был человек, он никогда в жизни не рассказывал глупости: кто чего сказал, кто как посмотрел. Все это несерьезно, так, мелкое неудобство. Катина тень над нашей жизнью не витала».

Между тем во время последней поездки Андрея Миронова в Прибалтику, где и случится трагедия, там же были и две его дочки. Однако во время рокового выступления актера на сцене Рижского оперного театра в спектакле «Женитьба Фигаро» в зале окажется лишь его родная дочь Маша Миронова. Причем в те же самые часы она должна была пойти вместе с мамой Екатериной Градовой на концерт Геннадия Хазанова, но в самый последний момент внезапно решила изменить свои планы – отправилась на спектакль к отцу. Ее как будто что-то толкало к нему. Впрочем, рассказ об этом чуть ниже.

Женщина с косой, или Смерть на миру

Как известно, Андрей Миронов скончался вдали от своего дома – в Прибалтике. И самое удивительное, тем роковым летом рядом с Мироновым оказались почти все его любимые женщины: мама Мария Владимировна Миронова, две его жены (бывшая и нынешняя) – Екатерина Градова и Лариса Голубкина, и две дочки Маши. И даже режиссер Алла Сурикова оказалась в тех местах, где Миронова настигла смерть. Но расскажем обо всем по порядку.

Июнь начался для Миронова с роли Саввы Василькова из «Бешеных денег» – он играл его 3-го; 7-го это уже был Фигаро, 8-го – Клаверов, 10-го – Джон Кеннеди, 14-го – Мекки-нож, 15-го – Клаверов. Затем Театр сатиры сменил место прописки – из-за начавшегося в здании на Большой Садовой ремонта он переехал в Зеркальный театр сада «Эрмитаж». Таким образом, роль Клаверова в «Тенях» станет последней ролью Андрея Миронова, сыгранной им в родном здании. А в «Эрмитаже» Миронов сыграет всего четыре спектакля: «Трехгрошовую оперу» (23-го и 24-го) и «Женитьбу Фигаро» (26-го и 27-го). Причем настроение, с каким он будет выходить на сцену, будет далеким от радостного. Дело в том, что именно в июне 1987 года исполнилось 25 лет со дня прихода Миронова в Театр сатиры. Дата весьма знаменательная, и Миронов отнесся к ней со всей серьезностью. Ему, любящему веселую компанию, хотелось по-настоящему отметить это событие. И он рассчитывал, что его коллеги и руководство Театра сатиры не забудут про эту дату. Увы, забыли. Причем чуть ли не все поголовно, поскольку ни один (!) «сатировец» не удосужился поздравить его с этой датой, а на доске объявлений в театре не вывесили официальное поздравление. Он сильно это переживал. Хотя все прекрасно понимал. Дело было в Валентине Плучеке, который после премьеры «Теней» (Миронов был режиссером спектакля) стал относиться к нему еще хуже. Он узнал, что чуть ли не на самом верху – в ЦК КПСС – у «Теней» появились ярые приверженцы (из числа «горбачевцев») и у них возникла идея назначить Миронова главным режиссером «Сатиры». И на этой почве Плучек окончательно зачислил Миронова в стан своих непримиримых врагов. Хотя сам актер и мысли не допускал, чтобы занять его кресло. И по-прежнему относился к нему, как к своему Учителю.

Третьего июля Театр сатиры закрыл очередной сезон и отправился на гастроли в Литву. Причем вся труппа отправилась туда поездом, и только два актера рванули туда на своих личных

автомобилях. Это были Андрей Миронов (на «БМВ») и Александр Ширвиндт (на «Волге»-ГАЗ-24). Причем инициатором автопробега был Миронов, который чуть ли не нахрапом заставил Ширвиндта отказаться от поездки в поезде и «оседлать» своего железного коня.

Первым гастрольным городом для «сатировцев» стал Вильнюс. Миронов, занятый всего лишь в нескольких спектаклях, все свободное время проводил со своей родной дочерью Машей Мироновой. По счастливому стечению обстоятельств она вместе с мамой Екатериной Градовой тем летом тоже отдыхала в Прибалтике, и Миронову грех было не воспользоваться таким случаем. Вместе с дочерью они посмотрели спектакль «Дядя Ваня» в постановке популярного литовского режиссера Некрошюса. К слову, тем летом в Прибалтике собрались почти все родственники и друзья Миронова. Кроме уже упомянутых Екатерины Градовой и Маши Мироновой это были: его мама Мария Владимировна, Лариса Голубкина с дочерью Машей, Григорий Горин, Ян Френкель, Алла Сурикова, нейрохирург Эдуард Кандель и др. Миронов искренне удивлялся этому совпадению и никак не мог понять, почему так случилось. Лишь только после его смерти стало ясно, что таким образом Господь давал возможность всем, кто любил этого человека, быть с ним рядом в последние минуты его жизни на земле.

В один из тех июльских дней, воспользовавшись очередным «окном» в театре, Миронов слетал в Выборг, где в те дни базировалась съемочная группа фильма «Следопыт». Как мы помним, съемки фильма начались в середине мая под Ивано-Франковском, но Миронов в них не участвовал. Отсняв трюковой эпизод на воде, группа 21 мая перебазировалась в Выборг, чтобы начать работу над основными эпизодами картины – в крепости. Съемки там начались 10 июня и длились уже почти месяц. Что касается Миронова, то поскольку роль у него была не главная, а всего лишь второплановая, то его съемочный процесс занял всего три дня. В кадре Миронов выглядел колоритно: на нем был голубой камзол, шапка с соболем, в руках – ружье XVIII века. Правую щеку Миронова – Санглие украшал большой шрам, созданный умелыми руками гримеров. Миронову его внешний облик нравился, он вообще любил представать перед зрителем в самом неожиданном виде.

После июльских съемок Миронов должен был приехать в Выборг еще раз в августе, чтобы в течение двух дней «добить» свою роль. Увы, но этому уже не суждено будет осуществиться, о чем речь еще пойдет впереди.

В конце июля, закончив выступления в Вильнюсе, Театр

сатиры погрузился в автобусы и отправился продолжать гастроли в Ригу. Миронов и Ширвиндт опять добирались туда отдельно от всех на собственных автомобилях. Никто из актеров даже не догадывался, какие трагедии их там поджидают.

В Риге Миронова уже поджидали его близкие: мама, Лариса и Маша Голубкины. Когда он приехал, то вместе с женой и дочерью поселился в гостинице «Юрмала»: они взяли два номера «люкс» друг против друга. А Мария Владимировна жила в санатории «Яункемери». Стоит отметить, что сразу после гастролей Миронов и Голубкина собирались ехать в Голландию, у них уже все было на мази – готовы паспорта, куплены билеты. Однако…

Первая трагедия произошла 7 августа, когда из Москвы в Ригу пришла страшная весть о том, что умер ведущий актер «Сатиры» Анатолий Папанов. В те дни он снимался в фильме «Холодное лето 53-го…» и сразу после съемок заехал в Москву, чтобы уладить свои дела в ГИТИСе (он там преподавал). Сразу после этого он должен был вернуться в Ригу. Но не случилось. Вот как об этом вспоминает жена актера Н. Каратаева:

«Мы с театром были на гастролях в Прибалтике. В Вильнюсе гастроли уже закончились, и мы должны были переезжать в Ригу. Днем отыграли «Гнездо глухаря», и Толя стал собираться в Петрозаводск на съемки «Холодного лета…» Перед отъездом он мне говорит: «Забери в гримерной газеты: будет что в автобусе тебе до Риги читать».

Вечером после «Фигаро» захожу в гримерную (у них с Андреем Мироновым была одна гримерная), забираю газеты. Андрюша посмотрел и говорит: «Господи, неужели вы все это читаете?»

Мы попрощались. Андрей тоже уезжал на концерты. Это был последний день, когда я их обоих видела живыми… Анатолий Дмитриевич полетел самолетом в Петрозаводск. Я ему говорила: «Приезжай оттуда сразу в Ригу». А он сказал, что еще в Москву заедет, потому что там его студенты, и он должен узнать, как у них с общежитием…

В Москве Толя был один. Как потом мне рассказал наш слесарь, он его встретил, и Анатолий Дмитриевич спросил: «Саша, почему у нас нет горячей воды?» Тот в ответ: «Да отключили». – «Ну, ничего, – говорит, – помоюсь холодной». Он всегда любил холодный душ… Разгоряченный, уставший, он встал под холодный душ, и у него случился сердечный приступ.

Поначалу я была спокойна. И только когда он не прилетел к спектаклю, тревога меня как ножом полоснула. Я начала метаться. Звоню в Москву на пульт: говорят, квартира с охраны снята. Звоню соседке. Она вышла, на окна глянула – свет горит. А

мои – дочка с семьей – были на даче. Позвонила Нине Архиповой, ее зять рванул к моим за город. Приехал уже мой зять, перелез с соседнего балкона на наш, выбил стекло… В ванной текла вода… ледяная… Потом диагноз поставили: острая сердечная недостаточность…»

Похороны А. Папанова прошли в Москве, однако актеров родного театра на них почти не было – прерывать гастроли им не разрешили. Зато руководство театра обратилось к Миронову, чтобы он заполнил брешь – стал давать свои сольные концерты вместо спектаклей, где участвовал Папанов. Миронов согласился, хотя уже тогда чувствовал себя неважно. Но и отказать в просьбе он не мог – для него работа всегда была важнее собственного самочувствия. В результате эти концерты вкупе со спектаклями и приблизили роковую развязку.

Тринадцатого августа Миронов переехал жить к своей матери в «Яункемери», поскольку его жена и дочь собирались уехать в Москву. Тем же вечером Миронов давал свой очередной сольный концерт. В нем он показывал отрывок из «Ревизора», где его партнером был Анатолий Папанов, игравший Городничего. Когда Миронов обращался к уже несуществующему Городничему, многие в зрительном зале плакали. Чего стоило самому Миронову не расплакаться, стоило только догадываться. Никто из присутствующих, как и сам актер, еще не догадывались, что этот концерт станет для Миронова последним.

Вспоминает Л. Голубкина: «Ночью 13-го я вышла на дорогу встречать Андрея, потому что знала, что он поедет мимо «Юрмалы» в «Яункемери». Я вышла на дорогу, встретила его, и он говорит: «Ой, какой класс!» Другой бы, знаете, подумал – может, я за ним слежу? Но не Андрей. Ему такое и в голову не пришло. Он меня отвел в номер, сказал: «Завтра так же меня встречай».

Четырнадцатого августа, еще утром, мы виделись, потому что я поехала покупать ему трусы для тенниса, потом приехала на теннисную площадку, он играл часа два – два с половиной, красного цвета был. Просто красного цвета. И я сказала: «Почему ты без кепки играешь в теннис на солнце?» – «Ничего страшного!» – ответил он…»

Стоит отметить, что Миронов играл на солнцепеке, обмотавшись полиэтиленовой пленкой, чтобы согнать вес. После игры зашел к гендиректору санатория «Яункемери» Михаилу Малькиелю, оставил у него свои кроссовки и договорился, что вечером они проведут время в сауне в компании прелестных девушек. Не довелось…

Вспоминает Л. Голубкина: «После игры мы поехали, еще моя приятельница из Госкино с нами, Таня Данилина, посидели в

кафе. А потом мы с Андрюшей отправились в «Яункемери» к маме, пообедали и расстались. И он напомнил:

– Вечером меня встречай, после спектакля (в тот вечер игралась «Женитьба Фигаро». – Ф.Р.). Так же, на дороге, – и повторил: – Я сказал, чтоб ждать меня!

Отвечаю:

– Хорошо.

– Мне это очень понравилось, – как он сказал. Вот такая деталь. Четырнадцатого августа, когда он привез меня в гостиницу, я попросила остановить машину у рынка, хотела чего-нибудь купить вкусного. Вот удивительно, стояла его машина перед переходом, он высадил меня, я вышла, он не едет. Я иду по переходу. Думаю, наверное, смотрит. На меня. И мне это приятно. Поворачиваюсь, на меня никто не смотрит. Я увидела его профиль в машине. Он сидит и тщательно убирает все пленки. И складывает их в пакет. Сложил и все убрал. В этот день. Зачем? Непонятно. Вот невольно, знаете, возникают какие-то мелочи, как будто человек готовится к чему-то. Сложил все очень тщательно и завязал этот пакет.

И вот сижу в номере, раздается телефонный звонок. Шура Ширвиндт звонит:

– Ты не можешь мне дать телефон Андрюши. Или позвони ему сама, попроси, чтобы он заехал за мной перед спектаклем, потому что у меня что-то с машиной не то.

Я нашла Андрюшу, попросила захватить Шуру в театр. И мы переиграли план на вечер, он сказал:

– Не встречай меня на дороге, потому что я Шуру привезу после спектакля. Жди у входа в гостиницу.

Он заехал за Шурой, примерно без пятнадцати шесть. Вот это очень интересная, странная подробность. Я знала, что он заедет за Шурой, и хотела спуститься, повидаться с Андрюшей. Но не спустилась, потому что уснула мертвым сном. Я никогда так не спала, как в этот день. Уснула Маша, уснула я, уснула Таня Данилина, уснул ее сын. Мы рядом жили. Уснули где-то полшестого. Мертво. И проснулись в полвосьмого вечера. Но такого не было в жизни у меня никогда – так уснуть. Когда проснулась, думаю: где я, кто я, в стенку почти пошла…»

В тот роковой вечер 14 августа Миронов играл на сцене Рижского оперного театра в спектакле «Женитьба Фигаро». Спектакль начался без опозданий и ровно двигался до 3-го акта, 5-й картины, последнего явления. Далее произошло неожиданное. Вспоминают очевидцы.

О. Аросева: «Мы почти уже отыграли спектакль. Андрей сказал мне, Марселине: «Прощайте, матушка!» Так нежно,

серьезно сказал. И я ему ответила: «Прощай, сынок!» Ушла со сцены за кулисы и с кем-то тут же поделилась: «Андрей очень серьезно, глубоко стал Фигаро играть. В нем что-то новое рождается…»

Началась финальная сцена, где все мы переодеваемся, прячемся – Сюзанна, Графиня, Марселина, – а Граф, пытаясь разоблачить неверную жену, гоняется за нами и попадает в идиотское положение. У Фигаро в финальной сцене великолепный монолог…»

Вспоминает А. Ширвиндт: «Фигаро: Да! Мне известно, что некий вельможа одно время был к ней неравнодушен, но то ли потому, что он ее разлюбил, то ли потому, что я ей нравлюсь больше, сегодня она оказывает предпочтение мне…»

Это были последние слова Фигаро, которые он успел произнести…

После чего, пренебрегая логикой взаимоотношений с Графом, Фигаро стал отступать назад, оперся рукой о витой узор беседки и медленно-медленно стал ослабевать… Граф, вопреки логике, обнял его и под щемящую тишину зрительного зала, удивленного такой «трактовкой» этой сцены, унес Фигаро за кулисы, успев крикнуть «Занавес!»

«Шура, голова болит», – это были последние слова Андрея Миронова, сказанные им на сцене Оперного театра в Риге и в жизни вообще…»

А вот что вспоминает об этом же Алена Яковлева:

«…Все, что случилось в тот последний день его жизни, так живо стоит перед глазами, что кажется, будто произошло вчера. Играли «Фигаро», я была на сцене в роли одной из пейзанок. Перед спектаклем привезла в Рижский театр его дочь Машу, она отдыхала с мамой, Катей Градовой, в Юрмале. Незадолго до начала первого действия Миронов подошел ко мне и как-то странно заговорил, вроде бы ни о чем – спрашивал, дают ли зарплату, но какое-то предчувствие кольнуло сердце. Я его спросила: «Андрей Александрович, почему вы такой красный?» Он ответил: «Играл в теннис, – а потом добавил: – После спектакля я вас с Машей отвезу в Юрмалу». Все заметили, что Миронов очень медленно играет – время антракта, а действие на сцене продолжается. Когда он упал, в зал крикнули: «Врача!» и дали занавес. Маша поехала с отцом в больницу, а я отправилась к Кате. Странно, но как только я вошла, она сразу же закричала: «Нет, только не это!»…»

А теперь послушаем дочь Миронова – Машу: «Я не знаю, почему пошла на этот спектакль. Все жили в Риге, а мы с мамой (Е. Градовой) – в Юрмале. В тот день мама купила нам билеты на

концерт Хазанова. Но в последний момент я сказала: лучше я посмотрю спектакль. Я очень любила «Женитьбу Фигаро», видела ее уже несколько раз. Но в тот день меня как будто что-то толкало в театр…

Конечно, никто не предполагал, что с отцом так плохо… Еще несколько дней назад мы с ним гуляли по Вильнюсу, ходили вместе в театр Некрошюса, смотрели «Дядю Ваню». Папа был в восторге, поздравлял актеров, шутил…

В антракте того рокового спектакля я зашла к нему за кулисы. Спросила: «Что у тебя такое с лицом?» Он говорит: «Немножко на солнце перегрелся – переиграл в теннис». И все. Я пошла дальше смотреть спектакль…

Он умер на глазах всего зала. Потом кто-то из актеров сказал: прекрасная смерть…»

А вот рассказ бывшей возлюбленной Миронова – актрисы Людмилы Гавриловой:

«…В тот день роль Сюзанны играла Нина Корниенко. А я отправилась в Домский собор на концерт органной музыки. Помню, оделась в черное… После концерта ноги сами понесли в театр. Пришла, встала за кулисами. Смотрю – рядом Маша Миронова. Говорит: «Почему-то захотелось быть здесь»… Стоим с ней рядышком, спектакль из-за кулис смотрим. И вот начинается та сцена, когда Фигаро узнает возлюбленную Сюзанну. Чувствую, что-то не так. И тут меня охватил ужас. Андрюша упал на колени, стал говорить со страшным надрывом: «Бей меня, бей меня, любимая!» Из интонаций исчезла знаменитая мироновская ирония… В этот момент по сюжету на сцену выходит граф Альмавива – Александр Ширвиндт. И вдруг Андрей медленно пошел к кулисе. Потом схватился за декорацию и стал сползать. К нему подбежал Ширвиндт, подхватил… Кто-то закричал: «Занавес!»

Андрей лежал в закутке, его голову поддерживала Таня Егорова. Андрей из последних сил, сжав зубы, выдохнул: «Жить! Жить… жить надо…» – и потерял сознание.

Подумала: надо народ в зале оповестить. А все вокруг меня в локонах, бантах, блестках… Я одна в своем строгом черном наряде. Вышла к зрителям. Стояла мертвая тишина. Сотни людей смотрели на меня, а я – на них. Наконец собралась с силами: «Уважаемые зрители, спектакль продолжаться не может. Андрею Миронову стало плохо. Наш театр приносит вам свои извинения». Минутная тишина, и зал взорвался оглушительными овациями, в которых были сочувствие и поддержка…»

Вспоминает О. Аросева: «Нескольких минут Андрею не хватило, чтобы доиграть спектакль. Ширвиндт мне кричит:

«Найди Канделя! Он в Риге. Я его в Юрмале встретил». Кандель – это знаменитый московский нейрохирург.

Я, как была в костюме Марселины, дунула напротив – в гостиницу «Рига». Спрашиваю портье: «У вас живет Кандель?» Мне отвечают, что здесь такого нет. Я кричу: «Срочно проверьте по всем гостиницам! У нас с Мироновым несчастье!»

Бегу обратно в театр, переодеваюсь в нормальное платье, возвращаюсь в гостиницу, там сообщают: «Кандель живет в гостинице Совета Министров Латвии». Звоню туда. Помню, что знаменитого хирурга зовут Эдик, а какое у него отчество, забыла, хоть мы с ним и знакомы с давних лет.

– Эдик, – говорю в трубку, – это Оля Аросева…

Он меня радостно так перебивает:

– Оленька! У меня сегодня день рождения, приезжайте!

– Эдик, у нас с Мироновым очень плохо. Его сейчас в больницу повезут… Он сознание на спектакле потерял!

Кандель спрашивает номер больницы. Я называю. Он говорит:

– Главный врач у меня в гостях. Мы с ним немедленно выезжаем.

Возвращаюсь в театр. Там, за кулисами, близко к сцене стоит стол. Длинный, весь в искусственных цветах. Цветы – для «девушек-пейзанок» в спектакле, чтобы в финале выходили на поклон с букетами. И вот Андрея положили среди этих букетиков. Живой еще, а лежал будто в гробу, убранном цветами. У него изо рта шла пена, и он, вытирая ее парализованной рукой, все повторял: «Голова болит, голова болит, голова…»

Кандель приехал прямо в больницу с латышским врачом. Примчалась и «Скорая помощь». Андрея сопровождал в больницу Шура Ширвиндт…»

Ширвиндт потом вспоминал, что всю дорогу до больницы Миронов шептал слова из последнего монолога Фигаро. Даже в последние минуты своей жизни он продолжал оставаться Артистом.

Рассказывает руководитель клиники нейрохирургии «Гайльэзерс» Янис Озолиньш: «Я приехал в больницу буквально в считаные минуты, как только меня вызвали. Миронова привезли к нам в 23.25. Он был без сознания. Произошел так называемый разрыв аневризмы – сосуда, который снабжает кровью передние части головного мозга и также участвует в полном снабжении головного мозга.

При установлении диагноза было сразу ясно, что произошло обширное кровоизлияние между полушариями головного мозга. Мы сразу же провели обследование сосудов, констатировав гигантскую, по меркам головного мозга, аневризму: в диаметре

она была больше 2,5 сантиметра! То есть она очень трудно поддается оперативному лечению. В результате разрыва – нарушение жизненно важных функций, дыхания и, как следствие, потеря сознания.

В реанимации мне удалось установить, что Миронову в театре кто-то из врачей, оказывая помощь, из самых лучших побуждений заложил в рот нитроглицерин. В такой ситуации, когда произошел разрыв артерии, прием сосудорасширяющего вещества мог усугубить объем кровотечения. Правда, мы можем только предполагать, но говорить об этом со всей определенностью трудно…

Ничего радикального мы сделать не могли, потому что уже наступили необратимые разрушения в мозгу. В сознание Андрей так и не пришел. Миронов находился в так называемой 4-й коме по специальной шкале градаций: с расширенными зрачками, отсутствием рефлексов на роговице… Эти два дня – с 14 по 16 августа – были практически выиграны из-за того, что мы своевременно удалили спинномозговую жидкость. Иначе Миронов умер бы сразу.

За это время здесь перебывали почти все родственники Миронова и его друзья, находившиеся в Латвии. Но ничего радикального мы сделать не могли, потому что уже наступили невозвратимые разрушения в мозгу. В сознание он так и не пришел. Смерть наступила 16 августа в 5.35 утра.

В помощь к Канделю из Москвы был вызван еще один известный нейрохирург – профессор А. Маневич. Однако медицина в этом случае оказалась бессильной. Утром 16 августа Миронов скончался в результате обширного кровоизлияния в мозг (у него оказалась врожденная аневризма сосудов головного мозга).

Вспоминает сводный брат А. Миронова Кирилл Ласкари: «За неделю до смерти Андрея мне снится сон.

А прежде у Иосифа Кобзона Андрей купил себе смокинг и страшно гордился этим. Он мечтал делать шоу в «Октябрьском» зале: лестница высокая, стоят герлз, и он в белом смокинге… И вот этот сон. Мы с ним выходим с «Ленфильма», на нем плащ. Входим в какой-то огромный ресторан. Садимся. А рядом гуляет свадьба. И вдруг я вижу, как падает бокал с красным вином и, точно у Марка Захарова в гениальном фильме «Обыкновенное чудо», по скатерти расползается красное пятно. Встает человек, показывает пальцем на Андрюшу:

– Этот!

А Андрюша в черном смокинге от Кобзона. Я кричу: «Что вы, что вы, он же не вставал с места!» Но этот человек бьет Андрюшу

бутылкой из-под шампанского по голове. И Андрюша лежит в этом смокинге на полу. Вот так точно его и хоронили.

Вася Ливанов потом говорил: «Ты должен был ему рассказать этот сон». Но что рассказывать?

Скажу еще более страшное. В последние годы я понимал, что он недолговечен. Не знаю почему. И еще этот сон…»

Перед отправкой в Москву тело Миронова привезли из морга к Театру оперы, чтобы «сатировцы» смогли проститься со своим коллегой (тогда уже было решено, что театр гастроли не прерывает и остается в Прибалтике). Артисты, которые жили в разных гостиницах, подошли попрощаться. Как ни странно, но народу было немного. И дело было совсем не в том, что на часах было около шести утра. Это еще раз доказало, что Миронова в его родном театре любили далеко не все его обитатели. Из машины тело Миронова не выносили, открыли только заднюю дверцу. Прощание длилось всего 5–10 минут.

Вспоминает О. Аросева: «Мы проводили его, мертвого, в шесть часов утра от Рижского оперного театра, где давали свои спектакли. Его везли в Москву на «рафике», заполненном льдом. Андрей, с головой закатанный в простыню, словно белая мумия, лежал на этом «леднике» – лицо не открыли для прощания.

Близкий друг Андрея Гриша Горин ехал впереди «рафика» на своем «жигуленке». Как только он не разбился на этой долгой дороге от Риги до Москвы впереди мчавшегося страшного катафалка, в котором совершал свой последний путь Андрей Миронов…»

Вечером 16 августа Миронов должен был выступать во Дворце культуры в городе Шауляй. Билеты на этот концерт были давно проданы. Однако приехать туда актеру было уже не суждено. Администрация Дворца предложила зрителям вернуть билеты обратно и получить назад свои деньги. Однако ни один человек не сдал.

В том же Шауляе находится уникальная во всем мире Гора крестов. Она никогда не была местом захоронений. Но в знак глубокого почитания и любви к Миронову жители города поставили ему на этой горе крест.

Весть о смерти Миронова 16 августа достигла и Выборга, где продолжались съемки фильма «Следопыт». Как мы помним, Миронов успел отсняться в нескольких эпизодах картины и у него оставались еще два съемочных дня. Увы, но закончить работу над ролью Санглие ему было уже не суждено. Не смог он получить и свой гонорар, который составил 743 рубля и был передан позднее родственникам актера (полный гонорар Миронова равнялся 1624 рублям).

Вспоминает Ф. Чеханков: «18 августа в 9 часов утра я стоял на Рижском вокзале. Первыми приехали Лариса с Машей. Поезд на полчаса опоздал. Лариса выглядела вздрюченной. Она плохо спит в поезде, поэтому, как всегда, наверное, приняла снотворное, и теперь никого из нас, по-моему, не узнавала. Вещи были не собраны, собирали все вместе, впопыхах. Никаких слез не было, о похоронах старались вообще не говорить. Уже приехал из Питера Кирилл Ласкари, был с нами Вася Ливанов, они с Андреем дружили (там же были сводный брат Миронова Кирилл Ласкари, Геннадий Хазанов, бывший одноклассник Миронова Александр Ушаков и руководитель одного из комитетов Моссовета Александр Никитин).

Через полчаса, другим поездом, приехала Мария Владимировна. Поезд медленно подходил к перрону. А мы с ужасом шли навстречу и думали только об одном: что сказать? как первую фразу придумать?

Мария Владимировна стояла у окна: спокойная, как скала, аккуратно причесанная. Вещи были давно уложены и готовые стояли в тамбуре. Она ни на йоту не изменила своему ритуалу. Выражение лица было полуироническим: «Вот так, ребята, – случилось». Мы молча вошли в поезд, молча взяли вещи, она молча села на заднее сиденье моей машины. Никто, конечно, никаких слов не нашел, продолжали молчать. Поехали. Кира Ласкари что-то пробовал сказать: «Тетя Маша…» Стоп, стоп, стоп – она сделала ему знак рукой. Потом сказала: «Он умер, как Жерар Филип, в костюме Сида». Тут она немножко перепутала: Жерара Филипа только хоронили в костюме его знаменитого театрального героя Сида, а умер он не на сцене, а в больнице, но это не имело значения. После этого сказала такую фразу: «Конечно, я полное дерьмо. Я после этого жить не должна. Но у меня не хватит сил сделать это самой. Я буду жить. Буду жить во имя него». Она приехала домой, села в свое знаменитое кресло, то самое, в котором провожала Александра Семеновича (на всех ее последних фотографиях она именно в этом кресле, в прихожей своего дома), и снова окаменела. Через полчаса прибежал Александр Шуров. Был когда-то на эстраде знаменитый дуэт сатириков и куплетистов – «Шуров и Рыкунин». Мария Владимировна с Шуровым дружила больше, чем с Рыкуниным, и привечала его, как друга покойного Александра Семеновича. Шуров с порога заохал, закричал, зарыдал. Она ему вдруг холодно и даже надменно сказала: «Шура!!! Стоп!!! Возьмите себя в руки. Что вы себе позволяете?! Если я себе этого не позволяю…» Вот так она себя и держала все эти страшные дни…»

Вспоминает Мария Голубкина: «…Это случилось накануне

моего восьмого класса. Страшно, когда отец умирает внезапно. Это же не то что болел, болел и умер, к чему уже все готовы. А тут мне 14 лет, и такой страшный стресс… Так случилось, что мы все были в Прибалтике на тех гастролях: и мама, и бабушка, и Катя Градова с Машей. Потом папа два дня был в больнице, и все вокруг бегали. Вообще никто не ожидал такого расклада, и первая реакция – удивление. Потом похороны, потом девять дней, потом 40. Я не помню, как переживала мама, плакала ли она, но я плакала. В тот момент пришло осознание, что детство закончилось. Со смертью папы наша жизнь с мамой изменилась, конечно. Было детство, был кто-то, кто тебя все время гонял чистить зубы, делать уроки, а теперь этого не стало… В результате я, кстати, после восьмого класса осталась на второй год. Причем добровольно. Сама так решила: что мне хорошо бы еще поучиться…»

Когда пришло время выбирать кладбище, все близкие и друзья Миронова сошлись во мнении, что это должно быть Новодевичье кладбище. Но даже учитывая огромную популярность Миронова, сделать это было нелегко. Александр Никитин сразу предупредил об этом Голубкину. Тогда она прямо из его кабинета по «вертушке» позвонила тогдашнему министру обороны Дмитрию Язову. Тот пообещал быть «толкачом» в этом вопросе. Но у него ничего не получилось. Через несколько минут он перезвонил Голубкиной и сообщил, что эта проблема замыкается на первом секретаре МГК Борисе Ельцине, а того сейчас нет в Москве – он в служебной командировке. Спустя некоторое время с Голубкиной связался председатель Комитета по культуре Москвы Игорь Бугаев и сказал, что есть решение Моссовета: похоронить Миронова на Ваганьковском кладбище. Голубкина в сопровождении нескольких друзей и коллег отправилась на Ваганьку.

Учитывая огромную популярность Миронова, Голубкина обратилась к администрации кладбища, чтобы ее мужа похоронили на удобном участке. Например, рядом с церковью или около кулумбария. Но ей отказали, заявив, что свободных мест там нет. И никаких исключений, даже для такого человека, как Андрей Миронов, делаться не будет. В итоге свободным оказался участок, находившийся достаточно далеко от входа – 40-й.

Вспоминает Л. Голубкина: «Меня часто спрашивают, почему Андрея похоронили не на Донском кладбище, где лежит его отец. Дело в том, что на Донском могилы родителей отца и матери Андрея. И там места как такового не было… Вообще я не хотела хоронить Андрюшу на Ваганьковском кладбище. Хотела на

Немецком или Новодевичьем. Но он был народный артист только РСФСР, а не СССР, не тянул на Новодевичье. Это было так сложно… Театр не помог. Кого я только не просила. Беготня какая-то была, суета бессмысленная. Ну для покойника это не важно, все делается для живых…»

Похороны А. Миронова прошли в Москве 20 августа. За пару часов до гражданской панихиды к моргу Института имени Склифосовского приехал Иосиф Кобзон, который привез белый смокинг. Он объяснил Голубкиной, что этот смокинг Миронов примерял перед отъездом в Ригу, он ему очень понравился и они договорились, что после его возвращения с гастролей смокинг будет его. Но Голубкина захотела, чтобы ее супруг в день похорон был облачен в черный смокинг.

Самое ужасное, но, как и в случае с Анатолием Папановым, труппа «Сатиры» в траурных мероприятиях не участвовала, хотя правительство Латвии выделило артистам самолет. Приехали всего лишь несколько человек, а остальных Плучек не отпустил, уговорив продолжать гастроли. А некоторые из артистов еще и концерты давали – деньги зарабатывали. Со стороны это выглядело дикостью. Из жизни ушли два прославленных артиста Театра сатиры, те, которые, собственно, и составляли гордость труппы, а коллеги по труппе даже не пришли на их похороны. Некоторые из ушедших «сатировцев» простить это Плучеку не смогли. Например, Зиновий Высоковский. По его словам: «Я ушел из Театра сатиры сразу же после смерти Миронова. Тогда в течение 10 дней не стало ни Папанова, ни Миронова. И, глядя на отношение руководства театра к этим событиям, я решил уйти.

Когда умер Папанов, театр находился на гастролях в Риге. Мне казалось, что в этот момент нужно отменить гастроли, приехать в Москву и отдать свой последний долг. Но гастроли продолжались. И Андрей Миронов играл творческие вечера вместо спектаклей, где был задействован Папанов. Потом, через несколько дней, умер Андрюша. Я не понимал: как же возможно – мир потерял двух таких людей! Мне казалось, что что-то должно измениться. Но театр жил своей жизнью, как будто ничего не произошло. А я уже не мог…»

Между тем, в отличие от актеров Театра сатиры, продолжавших свои гастроли, сотни тысяч москвичей проститься со своим кумиром пришли. Сначала к Театру сатиры, потом – на Ваганьку. Вспоминает Ф. Чеханков:

«Когда в день похорон Мария Владимировна зашла в театр, где на сцене уже лежал в гробу ее сын, зал страшно затих, словно притаился в ужасе. Все боялись, что сейчас что-то случится. Но ничего не случилось. Мария Владимировна молча села. И молча

просидела всю панихиду. Потом нам признавалась: «Я бы рада заплакать. Я хочу заплакать! Потому что будет легче». Но заплакать не могла. Горда была очень, что ли? Заплакать при всех, всем продемонстрировать свое неутешное горе, свое странное, дикое сиротство и вызвать, не дай бог, чью-нибудь жалость – этого чувство собственного достоинства ей не позволяло. Поэтому никто не лез к ней с соболезнованиями, с сердобольными словами. И никто ее не жалел. Для нее жалость была бы самым страшным унижением. После смерти Андрея эта знаменитая женщина приобрела вторую трагическую славу – семидесятипятилетняя мать, которая пережила такого сына…»

Об этом же дне вспоминает и Г. Горин: «С ночи москвичи выстраивались в траурную очередь на Садовом кольце. Так уже было несколько лет назад перед Театром на Таганке, когда хоронили Владимира Высоцкого. Теперь – на площади Маяковского.

Тысячи людей… Огромнейшая толпа…

На Ваганьковском кладбище – огромное скопление людей. Андрея проносили мимо них… К его ногам летел водопад цветов. Люди плакали, как плачут по самому близкому человеку. А из толпы кто-то кричал: «Передние, отойдите, нам тоже хочется посмотреть!» Было и такое…

Люди есть люди, толпа есть толпа. Никого не хочу осуждать. Прощание неотделимо от прощения…

Прощание не кончается. И сегодня у его могилы на кладбище с утра до ночи стоят сотни людей. Как помочь им не стать толпой, как объяснить, что надо отойти или по крайней мере опустить глаза, когда сюда приходят мать и близкие?..

На мою долю выпала участь сопровождать его в последней поездке по стране. На всей тысячекилометровой трассе от Риги до Москвы работники ГАИ выбегали, чтобы отдать ему честь, на всем пути незнакомые люди молча склоняли перед ним головы.

ЛЮДИ, которых он так любил…»

Как ни странно, но телевидение, которому Андрей Миронов посвятил многие годы своей жизни, в те скорбные дни даже не вспомнило о всенародно любимом артисте. Ни в день похорон, ни в последующие дни и недели ни один из каналов ЦТ не показал ни одного фильма или телеспектакля с участием Миронова. И первыми, кто вспомнил о нем, оказались телевизионщики Лен ТВ: именно там 5 сентября, спустя почти три недели после смерти Андрея Миронова, показали один из лучших фильмов артиста – «Фантазии Фарятьева».

В те же самые сентябрьские дни Театр сатиры открывал сезон в Москве. Перед артистами выступал Валентин Плучек. Говорят,

он даже не поднял артистов с их мест, чтобы почтить память Миронова и Папанова. И заявил: дескать, одни артисты уходят, а другие должны занять их место. Мол, «для вас наступил звездный час, теперь кто-то из вас сможет блистать и играть все роли, как Миронов и Папанов». В этих речах не было ничего удивительного. Во-первых, Плучек, как мы помним, опасался, что тот же Миронов захочет занять его место, а ему этого жуть как не хотелось. Четвертого сентября 1987 года режиссер справил свое 78-летие, из которых 30 лет он руководил Театром сатиры и уходить с этого поста не собирался. Поэтому смерть Миронова была ему очень даже кстати. В театре потом судачили, что когда Плучеку сообщили о смерти Миронова, супруга режиссера, бывшая возле него, всплеснула руками: «Есть же бог на свете!»

Во-вторых, время на дворе стояло такое – низвергательное. Страной правил Горбачев, который в январе 1987 года запустил «гласность», главный удар которой пришелся по былым авторитетам. Их низвергали с пьедесталов под восторженные крики: «Порулили – дайте другим порулить!» И на этом фоне даже смерти таких выдающихся людей, как Андрей Миронов, Анатолий Папанов или Аркадий Райкин (он умрет в декабре 1987-го), не казались людям катастрофическими. Люди были опьянены перестройкой и всерьез считали, что на смену старым кумирам придут новые, которые не только могут встать вровень с ушедшими, но даже превзойти их. Сегодня стало понятно, какими же наивными (а точнее – глупыми) были эти надежды. Как оказалось, история нашей культуры (как и страны в целом) в горбачевскую перестройку пошла не вверх, а вниз. Поэтому появление второго Андрея Миронова просто не могло произойти априори.

Часть вторая
Женщины после Андрея

Мама: Мария Миронова

После смерти Андрея Миронова главной хранительницей их семейного очага осталась его мама Мария Владимировна. Поэтому она была причастна практически ко всем мероприятиям, которые должны были увековечить память о ее сыне. Так, 21 июня 1990 года в Москве, на углу улицы Петровка и Рахмановского переулка, в 2 часа дня под проливным дождем состоялось открытие городского памятника артисту Андрею Миронову в доме, где он прожил большую часть своей жизни (с 1941 по 1960 год). Как писала Т. Егорова: «Белый шелковый лоскут, закрывавший часть стены, трепетал на ветру, приковывая взгляды собравшихся «зрителей». Ножницы коснулись лент, грянула музыка, как пелена с глаз… упал белый шелк. И перед всеми предстал Андрюша… в бронзе. Его голова, трагические складки на лице, измученный каким-то вечным вопросом взгляд, обращенный вовне и внутрь себя. Плакали. Охапки цветов. Пожизненное недоумение оттого, что его нет. Нет его энергичной походки, заразительного смеха, напряженной сосредоточенности, насмешливой самоиронии, культуры…»

В 1993 году в международный каталог была внесена малая планета под номером 3624 с именем Андрея Миронова.

В том же году в Москве в мемориальном доме М. Н. Ермоловой начала действовать выставка, посвященная А. Миронову.

В октябре 1996 года в Санкт-Петербурге открылся новый театр, которому дали имя А. Миронова. Однако в Москве, где родился этот замечательный актер, до сих пор нет даже улицы его имени.

В свое время, когда из жизни ушел Владимир Высоцкий, спустя год после его смерти родной ему Театр на Таганке выпустил спектакль «Высоцкий». По этим же стопам решил пойти и Театр сатиры, который к 60-летию Миронова в марте 2001 года выпустил спектакль «Андрюша». Режиссером выступил Александр Ширвиндт, авторами текста он же и Аркадий Арканов, а балетмейстером стал сводный брат юбиляра Кирилл Ласкари. Последний заявил: «Я думаю, что Андрюше это бы понравилось. Не нужно никакой помпезности и возвышенных эмоций. Это должен быть тихий, шутливый и веселый спектакль – такой, каким был и Андрюша. Правда, мне тяжело это смотреть, потому что на экране постоянно возникают люди, которых я любил…»

Между тем в начале 90-х здоровье Марии Владимировны начало стремительно ухудшаться. Ей пришлось лечь в больницу,

где ей сделали сложную операцию. После этого многие считали, что актерская карьера для Мироновой закончилась. Но они ошиблись. Миронова и на девятом десятке лет сумела доказать, что ее еще рано списывать со счетов. Летом 1993 года, спустя несколько месяцев после операции, она приступила к репетициям спектакля «Уходил старик от старухи» в театре «Школа современной пьесы». Ее партнером в нем стал замечательный актер Михаил Глузский. В этом же театре в январе 1996 года отмечался 85-летний юбилей Марии Мироновой. А президент Ельцин наградил юбиляршу орденом «За заслуги перед Отечеством». Получая награду, Миронова сказала: «Я эту награду делю на троих – на себя, на мужа и сына!»

В последние годы жизни Мария Владимировна сильно изменилась в лучшую сторону. Она стала мягче, добрее и даже смотрела сентиментальные сериалы типа «Санта-Барбары», которые раньше на дух не переносила. Также она смогла помириться с людьми, которых раньше не пускала даже на порог своего дома. Например, она несколько отдалила от себя Ларису Голубкину, зато приблизила к себе Татьяну Егорову – бывшую возлюбленную ее сына. В свое время именно она, Миронова, не разрешила Андрею жениться на Егоровой и разрушила их отношения. Но теперь, на склоне лет, Мария Владимировна сблизилась с Татьяной, и та стала бывать у нее дома чуть ли не ежедневно. В одном из своих интервью Лариса Голубкина, описывая эту ситуацию, сказала следующее:

«…Я понимала, что мне нужно все время напрягаться, мне нужно самой ездить, мне нужно самой звонить, мне нужно самой что-то предлагать. А у меня патологически сложная была ситуация, папа очень болел, я ничего не успевала. Он умер в 1996 году. Я его похоронила. Мне было безумно сложно. Но Мария Владимировна не интересовалась этим никогда. Хотя я понимала, что не нужно соревноваться в этом, но все же думала: почему она меня не спросит, почему она мне не позвонит, понимаете? И я пришла к таким отношениям с Марией Владимировной – отчужденным. Если же ей позвонишь, она делает такие большие паузы тяжелые, все ждешь, когда она что-то скажет. Последнее время совсем не общались, даже когда она праздновала свой юбилей – 85 лет, она меня не позвала. Ну, я понимала ситуацию.

Когда умер Андрюша, она растерялась. А со временем ее стала мучить проблема – кому оставить наследство. Она все думала. Потому что особенной любви ни ко мне, ни к Кате она тогда не имела, главное для нее была ее семья, ее сын. А тут какие-то подъехали, да? Что с ними делиться – очень надо! И я сказала: «Мария Владимировна, вот как Андрюша жил, так и я

живу. Ничего не нужно абсолютно, я вам советую: все, что у вас есть – отдайте в музей». И она радостно завещала все свое состояние Бахрушинскому музею и вздохнула свободнее. Действительно, ну а куда это все, с собой же не возьмешь? Вот «новые русские», у них наследство будь здоров. И тут уже родственники будут драться, когда будут миллионы долларов в Швейцарии лежать. А у Марии Владимировны – память о ее мужчинах, о ней, о времени, о целом веке. Вы же понимаете. И все равно больше всего суетятся по этому поводу окружающие. Я не уверена, что Катя беспокоится. Я тоже не беспокоюсь. А окружение, они создают по этому поводу волну.

Но ни Катя, ни я, ни наши дети никогда ни на что не претендовали – если говорить о наследстве Марии Владимировны. Единственное, на мой взгляд, – надо самостоятельно жить, достойно, достойно Андрюши, и ни в коем случае не втравливать его память в ненужные истории, которых вообще не было…»

Когда в ноябре 1997 года Миронова уезжала в больницу, ключи от своей квартиры на улице Танеевых она отдала Татьяне Егоровой. Но домой пожилая женщина больше не вернулась. А эта квартира стала мемориальным музеем актерской династии Мироновых, как указала в своем завещании сама Мария Владимировна.

Мама Андрея Миронова почувствовала себя плохо в семь часов утра 10 ноября, но в Центральную клиническую больницу ее привезли на «Скорой» только к десяти. У нее обнаружили обширный инфаркт миокарда в самом тяжелом варианте. Врачам удалось стабилизировать сердечную недостаточность. По их словам, Мария Владимировна мужественно переносила нечеловеческую боль и все время прекрасно держалась.

В реанимации актриса прожила двое суток. На третий день ей стало получше, и она даже пробовала шутить, самостоятельно присаживалась на краешек кровати. Но во второй половине дня ей вновь стало хуже. Мария Владимировна, видимо, поняла, что не выживет. Попросила пригласить к ней в палату самых близких и попрощалась с ними. Ночью ее сердце остановилось. В течение следующих полутора часов врачи пытались вернуть актрису к жизни, но тщетно.

Последний спектакль Мироновой назывался «Уходил старик от старухи», в котором ее героиня умирала. 26 октября она умерла на сцене в последний раз. Следующий спектакль был назначен на 16 ноября. Но до него актриса не дожила – умерла по-настоящему за три дня до этого, 13 ноября.

Волею судьбы этой женщине выпала нелегкая доля пережить

не только смерть своего мужа и постоянного партнера по сцене Александра Менакера, но и сына – национального кумира страны Андрея Миронова. Мужа она пережила на 15 лет, сына – ровно на десять.

Первая жена Андрея: Екатерина Градова

Вплоть до смерти Андрея Миронова она продолжала играть в Театре сатиры. В кино Градова прекратила сниматься еще в конце 70-х. Ее последняя роль – воровка Светлана Петровна Волокушина в знаменитом сериале «Место встречи изменить нельзя» (1979). Впрочем, сама актриса утверждает, что единственной ее достойной ролью в кино она считает радистку Катю (Кэт) Козлову в сериале «Семнадцать мгновений весны» (1973).

В Театре сатиры последней большой ролью Градовой стала госпожа Соколова в спектакле «Последние» (1987) по М. Горькому. После чего она ушла из профессии, поскольку время тогда наступило малопригодное для духоподьемного искусства. В итоге Градова решила круто изменить свою жизнь – она ушла в религию. Впрочем, лучше нее самой об этом никто не расскажет. Вот ее рассказ:

«…До 30 с лишним лет я жила на свете некрещеной. Самое сильное чувство посетило меня в день, когда я родила дочь (в мае 1973 года. – Ф.Р.), белоснежную, синеглазую девочку. Восхищение перед этим чудом, любовь и – одновременно – страх за нее соединились и стали основной составляющей того чувства, которое я до сих пор несу в сердце. Маша тоже не была крещена и в три с половиной года пережила тяжелейшее состояние, находясь в реанимации в больнице. В те страшные дни я не знала, где Тот, кому я могла бы крикнуть: «Помоги!» Я стояла у окна и просто выкрикивала это слово и била кулаками об стену от беспомощности. Не помню, добавляла ли я тогда: «Господи», ведь я не знала о Нем. Все кончилось благополучно. Я не поняла, Кто мне помог в этом горе. Но Господь меня не оставил и дальше.

Вскоре в мою жизнь вошли люди, рассказавшие мне о Творце, Его Пречистой Матери и об Ангеле-Хранителе, который после Крещения будет неусыпно рядом со мной и моей дочерью. То, что моя дочь будет охраняема и днем и ночью, что она обретет бесконечно чистого, нежного друга и, самое главное, что эта связь, в отличие от земных связей, будет реальна и неразрывна, заставило меня креститься для того, чтобы крестить и дочь.

Я была крещена в храме Воскресения Словущего, или на Филипповском, как его называют, на Арбате. Моим крестным отцом стал о. Владимир Фролов (Царствие ему Небесное). До самой смерти батюшка был родным человеком для моей семьи и многих моих друзей. Но, крестившись сама и крестив свою дочь, я вновь погрузилась в свою привычную жизнь, полную суеты и

честолюбивых устремлений. Мне бывало тяжело в храме, я сбегала со службы. Однажды я ушла из церкви зимой без шубы, потому что друзья отобрали ее у меня.

Я не выполнила наказ о. Владимира: «После крещения три дня постись, исповедуйся и прими Святое Причастие». Примерно через пять лет моей нераскаянной жизни я тяжело заболела…

И тут на нас хлынул поток выпущенных в то время из-под запрета нетрадиционных «гениев-целителей»: экстрасенсы разных толков, «Белое братство», Шамбала, Рерих, Блаватская, агни-йога, масса имен европейских оккультных школ, руководивших созданием «новой расы», а вместе с ней и «нового мирового порядка» во главе с «Гитлеровским рейхом», «великая» эзотерика Египта, Древней Греции и Рима. Господи, благодарю Тебя за то, что я не заблудилась во всем этом! Были и общества, в шутку называвшие себя «анонимными шизофрениками», некоторые из них вступали в контакт с «иноземными пришельцами», которые, кстати, талантливо изображены с давних времен в русских сказках в виде леших, водяных, домовых, только теперь их «наблюдали» в суперсовременном транспорте – летательных аппаратах. Удивительно, что все эти «ученые» категорически отрицали друг друга. Бывало, что за неделю в разных домах я знакомилась с тремя Наполеонами (в то время это была самая модная фигура, возникшая в результате так называемой оккультистами реинкарнации, или перевоплощения). Нам предлагалась Вселенная без Творца, без любви, «космос», населенный честолюбивыми существами, «богами», «учителями», хаотично общавшимися друг с другом через века и разрывавшими между собой всякую новую жертву, ожидавшую «элитарного» бытия и некоего «посвящения». Это было очень похоже на теперешние открытия «новых евангелий», новых подробностей из жизни на Земле Господа нашего Иисуса Христа. Но у них один и тот же источник – «отец лжи». Все они предлагали меня лечить, везли литературу. Я, к счастью, ничего не читала.

«Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся», – призывал Господь. Я взмолилась: «Хочу исповедаться». Во время исповеди мы стояли на клиросе, в церкви было полутемно, но из окна падал луч света на лицо батюшки, который читал мою исповедь и плакал. И вот только тогда я поняла, что я не такая, какой была замыслена Богом и какой должна была бы быть. «Ощущение человека кающегося – это, в общем-то, начало духовного пути», – писал Андрей Тарковский в конце жизни.

Потом начался путь, порой тяжелый, требующий преодоления собственных нажитых «мнений», путь падений, но в то же время

сопровождающийся ощущением великой радости, что я нужна, меня охраняют и за меня борются…

Мой возлюбленный духовный отец, о. Василий Швец, много сил положил на меня. Ему достался очень трудный, непослушный «ребенок». Много лет я ездила к нему на Чудское озеро, где почти в лесу стоит храм Святителя Николая, над которым кружили стрижи. Тогда в храме перед каждой иконой стояли собранные и составленные батюшкой необыкновенные букеты, некоторые из них засохли, не потеряв запаха и цвета.

Батюшка почти не выходил из храма, он мог служить бесконечно, ежедневные утренние и вечерние службы, долгие, без сокращений. А ночью в темном храме на коленях со свечами мы исповедовались. На сон оставались считаные часы. И не имело значения – два человека в храме или больше, службы всегда возносились к Господу. В 38 лет (1984) я начала жизнь сначала, но не с белого листа, как говорят, а с черного… Мне помогали. Обо всех этих необыкновенных людях хочется много писать, но не имею на это права. Благодарю Господа за встречи с ними…»

В 1992 году Градова снова вышла замуж – на этот раз за ядерного физика, ликвидатора чернобыльской аварии Игоря Тимофеева, с которым познакомилась во время паломничества в Оптину пустынь. Вскоре они усыновили мальчика Алешу (1992), взятого ими из детского дома.

И снова обратимся к интервью Градовой, которые она давала различным изданиям:

«…Современные массмедиа – это очень узкое, тесное, обедненное информационное пространство, в котором, как правило, все устраивается так, чтобы отвлечь человека от поиска истины; ему предоставлена иногда лишь возможность коснуться некоей социальной правды. Есть определенные установки, которым и следуют те, кто формирует через СМИ мировоззрения, предпочтения, вкусы людей. Рождается человек и живет до седин, убегая от самых главных, острых вопросов. Кто расскажет этим старикам о том, что есть иной мир, «град Божий», где живут сонмы святых и праведных людей и куда желательно было бы переселиться после ухода с земли, и как нужно прожить эту жизнь, чтобы обрести это продолжение?!

Крайне редко в СМИ можно увидеть или услышать то, что поможет человеку очнуться для прорыва в вечность. Ведь человеку дан не только ум, чтобы осознавать, но и сердце – для того чтобы верить в высокое и чудесное. И нет более чудесного, высокого и, если хотите, сенсационного во всей истории человечества, чем Воскресение Иисуса Христа. Ведь теперь мы можем воскликнуть: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя

победа?» (1 Кор. 15:55).

Мой духовный отец говорил мне: «Все процессы, ведущие к разъединению, они не от Бога». Само расположение России, евразийское, уже определяет соборность русской души. В СМИ же очень много сил кладется на стравливание, разъединение семей и людей разных национальностей. Только вот до переворота 1917 года наша огромная страна была многонациональной «территорией любви». Тому множество примеров. Верный сын азербайджанского народа и своего Отечества Гусейн Хан Нахичеванский, выдающийся полководец, присягавший на верность государю Николаю II и России, отказался присягать временному революционному правительству, он не предал своего царя, а выразил «готовность умереть за своего обожаемого Монарха». И в 1919 году был расстрелян большевиками. А для буддистов России Царь и Царевич были святыми. В 1937 году было расстреляно 16 000 буддийских лам. Остались свидетельства их последних слов перед гибелью: «Если ушел Белый Царь, то и мы умираем спокойно».

Есть интересный цикл документальных фильмов о Белом движении, послереволюционной эмиграции. Их снял Н. С. Михалков, известный кинорежиссер, общественный деятель, много труда положивший на изучение Белого движения. Это, пожалуй, самые трагические страницы истории нашего Отечества. Перед нами разворачиваются драматические события из жизни белых генералов. Но где же рассказ о главном участнике этой трагедии – святом государе Николае II, преданном большинством этих белых генералов и убиенном вместе со всей семьей? «Кругом измена, и трусость, и обман…» – дневниковая запись царя. Это одна из главных тем современности. РПЦ канонизирует государя Николая II как человека великой любви и смирения, но в то же время массмедиа продолжают публиковать и показывать ложную информацию о личности царя и России того времени.

Что это – «формат» или «неформат»? В каждом человеке – тайна творения Божиего. А что мы видим каждый день по ТВ! В многочисленных ток-шоу идет, как правило, постоянный показ разложившихся людей, которых выдают за «формат» русского человека. А нам надо не выживать в своей стране, а жить в любви и вере…

Раньше говорили: «человек долга» или «человек чести». Теперь законы о правах человека, о правах ребенка залепили все подходы к человеческому разуму и сердцу. Надвигающаяся на Россию система защиты прав детей под названием «ювенальная юстиция», только с разными ее названиями, направлена на уничтожение рода человеческого, выведение нового типа

человека-мутанта, отпавшего от Бога, предавшего родителей, а стариков отправившего на эвтаназию. Ювенальная юстиция – полное расчеловечивание детей. По-моему, это попытка нового фашизма в стране, победившей фашизм.

Да, у ребенка есть права: право родиться от тех родителей, кого определил для него Господь; не быть убитым во чреве или использованным как «абортивный материал», несмотря на бурную деятельность «планировщиков семьи»; не быть растленным учебниками, написанными безжалостными растлителями (В. Фадеева. «Как взрослеет мое тело» и М. Холмс, Т. Хатчисон. «Девчонкология») для детей от 10 лет. А было ли детство у г-жи Фадеевой?

А кто расскажет ребенку, что он должен? Даже если отец лежит пьяный, в грязной канаве, он должен отмыть, накормить и любить, как самого больного, почитать, как отца, и молиться о нем, а не метаться в поисках более выгодной стороны. «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле» (Еф. 6:1–3).

У нас нет будущего, если мы не очнемся и не станем восстанавливать порядок чести и долга в умах и душах наших детей, а не растлевать их понятием их прав.

…Больше всего в жизни я жалею о том, что много лет было потрачено на саморазрушение.

Основное мое занятие – это семья, мои дети и внук. Дочь очень много занята в кино и театре, поэтому я практически все время с ними. Кроме того, я занималась обустройством двух домовых церквей – в Доме малютки и Доме ветеранов. Сейчас веду занятия с детьми по предмету «Живое слово». Это изучение словесности, основанное на Евангелии и житиях святых, на русской классической музыке и живописи. Беседую со стариками о Боге, о Церкви и о Вере. Много времени провожу с деревенскими детишками…»

Уже более десяти лет Екатерина Градова зимой живет в Москве, а на лето она уезжает в городок Судогда Владимирской области.

Отметим, что и ее мама – Раиса Ивановна Градова, бывшая актриса Театра имени Гоголя – тоже ушла в религию. И спустя 13 лет служения Богу получила постриг в Даниловом монастыре в день святой великомученицы Екатерины с именем монахини Даниилы.

Скончалась Р. И. Градова в 2011 году в возрасте 88 лет.

Вторая жена Андрея: Лариса Голубкина

На момент смерти Андрея Миронова его жене было 46 лет. Не самый старый возраст для женщины, которая к тому же умеет за собой следить. И многим тогда казалось, что пройдет какое-то время, вдова погорюет, да и выйдет замуж снова. Благо ухажеров возле Голубкиной никогда не переводилось. Но с тех пор минуло вот уже почти 30 лет, а Лариса Голубкина как была вдовой, так ею и остается. И, судя по всему, никогда уже замуж не выйдет, поскольку никогда туда и не собиралась. По словам ее дочери Маши:

«…Были какие-то женихи, кавалеры, которые ходили кругами возле мамы, но это были взрослые дядьки, которым уже за 50. Помню, про одного я маме сказала: «Он симпатичный». А она ответила: «Маша, где ты видела мужчину, который хочет жениться, чтобы о ком-то заботиться? Как правило, они хотят, чтобы заботились о них. Так зачем мне нужен немолодой человек? Он развалится, а мне за ним ухаживай. А молодого я не потяну». Ей тогда было уже 47 лет, а в этом возрасте женщины, как правило, в хомут не лезут. Она уже в своей жизни и наготовилась, и настиралась выше крыши. При том что и работала всю жизнь довольно много…»

Между тем сама Лариса Голубкина говорит об этом следующее:

«…Меня всегда раздражала эта идиотская фраза: «Надо устраивать свою личную жизнь». Со времени смерти Андрюши я слышала ее от своих знакомых постоянно и просто возненавидела!.. Не скажу, что все 24 года тоскую о Миронове, это было бы неправдой. Но нового мужа я не искала. Просто время, которое прожила без него, дало мне возможность сейчас рассуждать об Андрее без показухи. Получается, только я знаю и хорошо помню, каким он был…

Все наши отношения с Андрюшей преподносятся как сказка. Мол, были такой принц и принцесса. Потом он ушел из жизни, она хотела прыгнуть с пятнадцатого этажа – не удалось. И она тоскует по нему все 24 года. Но это же все неестественно и цинично. Конечно, страшно, что люди уходят из жизни… Помню, через месяц после того, как Андрюша умер, мне пришлось ехать с театром на гастроли. Отказаться не было никакой возможности, и как бы мне не хотелось, я отправилась в дорогу. Театр тогда гастролировал в Сочи, где в совминовском санатории отдыхали мои друзья. Так получилось, что все свободное время я проводила у них. Ходила к самой известной в то время массажистке в Сочи.

А она не узнала во мне знаменитой артистки. Но мне это было на руку – не узнала, и слава богу. Я приходила к ней каждый день, ложилась на кушетку и отмечала, что массажистка все время находилась в приподнятом настроении. Она радовалась, веселилась, излучала просто какую-то эйфорию. В конце концов я не выдержала и спросила, почему она так довольна. И тут она мне с улыбкой сообщает: «Да я недавно мужа похоронила!» И так счастлива при этом была. Оказывается, муж на протяжении нескольких лет рассказывал, что похоронит ее, и даже показывал где. Но судьба распорядилась иначе, и теперь радости женщины не было предела. Помню, это заставило тогда задуматься, как странно устраивается жизнь…

У нас были совершенно иные отношения. Наша с Андрюшей жизнь протекала так же весело, как меня массировала та женщина из Сочи. Мы прожили вместе 13 лет. Вот уже четверть века, как я без Миронова. Почти в два раза больше, чем с ним прожила. За это время даже СССР превратился в… не знаю, во что. В общем, жизнь продолжается…»

В этой действительности Голубкина продолжает заниматься творчеством. Она играет на сцене Театра Российской армии, а также, пусть крайне редко, но снимается в кино. Так, в театре она за последние годы исполнила следующие роли: Фелициата Антоновна Шаблова в «Поздней любви», мадам Чейзен в «Школе любви», Меропа Давыдовна Мурзавецкая в «Волках и овцах», Ма-Мурэ в «Ма-Мурэ» и др.

Что касается кинематографа, то ее последняя роль там датирована 2007 годом – это Маргарита Михайловна Гагарина в фильме «Живописная авантюра».

Кроме этого, Лариса Голубкина – бабушка. Она стала ею еще в 1998 году, когда ее дочь Маша родила дочку Анастасию, будучи в браке с шоуменом Николаем Фоменко. Затем в 2003 году у них родился еще один ребенок – Иван. И хотя спустя пять лет молодые развелись, однако это событие не стало поводом к дележке детей. Поэтому они без всяких проблем встречаются как с родителями, так и со своими бабушками и дедушками с обеих сторон.

А вот еще один отрывок из интервью Л. Голубкиной, где она рассуждает о своей нынешней жизни и об окружающей ее действительности:

«…Я уже не жду ангела, который спустился бы с неба и спас меня. Дважды в год я езжу в Германию, в Баварию, в горы, где очень много хожу, занимаюсь своим здоровьем. Считаю, что нужно быть здоровым, бодрым человеком – не жадным, не завистливым, ибо зависть и жадность пожирают душу. Хотя в

каждом из нас заключены все качества: и тщеславие, и амбиции, и злость, и зависть, и любовь, и страсть. Но человек обязан в течение всей жизни уничтожать в себе самое противное, мерзкое. Кажется, этому учил нас Лев Толстой – осознать всю мерзость своей натуры и попытаться от нее избавиться, пожалуй, это все, что требуется.

Это только так кажется, что я сильная. Все время боролась и продолжаю бороться за свою независимость. Я не хочу, чтобы на меня давили, чтобы меня заставляли, не говоря уже о духовном насилии. Я предпочту отказаться от роли, если ради нее буду кому-то обязанной. Не хочу сидеть на шее у своей дочери, и так далее. Это моя манера, если хотите, мой стиль жизни.

Политикой я не интересуюсь. Впрочем, даже в той советской жизни я ни на секунду не верила ни в комсомол, ни в партию. Более того, я была самой большой хохотушкой на всех пионерских праздниках. Сначала я сама не понимала, почему я такая дикая, несознательная, а потом поняла. Виной всему – мой абсолютный слух, который чувствует малейшую ложь. Я вообще во всем люблю органику. Но когда стали происходить в стране перемены, я подумала, что появятся новые люди, которые создадут нам какую-то другую жизнь, а оказалось – нет. Действительно, появились другие люди, которые стали передвигаться как безразличные шашки, ведь шахматам свойственен интеллект. Признаюсь, что в 1993 году мне предложили вступить в какую-то партию, причем предлагали даже руководящий пост. Я один раз пришла туда и ничего не поняла, что там происходит. А в другой раз отчетливо увидела, что повторяется то скучное идеологическое прошлое, которое лично у меня ничего, кроме смеха, не вызывало…

Сейчас очень модно говорить про одиночество. Вы будете смеяться, но с точки зрения обывателя я очень одинока. Не считая того, что я выхожу на сцену, а там полторы тысячи зрителей сидят. Одиноко мне? И иду враскоряку домой, чтоб меня никто не трогал, – попить чайку и лечь спать, вот и все. А сколько в горах я ходила – только одна. Один раз со мной поехала моя приятельница, и после этого мы с ней вместе уже не ходили. Я поняла, что не могу в паре. Когда ты идешь в гору целенаправленно, какие разговоры могут быть? Не может быть разговоров…»

Дочери Андрея: две Маши

В момент смерти отца двум его дочерям было: родной 14 лет, удочеренной – без «пяти минут» 14 (эту дату она справила спустя пять недель после смерти Миронова). И жизни их в дальнейшем сложились по-разному. Хотя было и одно общее – обе стали актрисами.

Мария Миронова, окончив школу (1990), поступила в училище, где когда-то учился и ее отец – имени Б. Щукина. На курс к Юрию Любимову. Однако об учебе тогда думала меньше всего, поскольку почти сразу же… забеременела и ушла в декретный отпуск. Ее возлюбленным оказался тот самый юноша, который впервые увидел ее летом 1982 года в Ялте на съемках фильма «Сказка странствий». Маше в ту пору было девять лет, а юноше – 17. Звали его Игорь Удалов (1964). Узнав, что его девушка забеременела, он на ней женился. И 4 июня 1992 года (спустя неделю после 18-летия Марии) на свет появился мальчик, которого счастливые родители назвали Андреем в честь знаменитого дедушки – папы Маши Мироновой.

Окончив «Щуку» с некоторым опозданием (1996), Мария получила приглашение в театр «Школа современной пьесы». Но она всегда мечтала играть в «Ленкоме», это было самое заветное ее желание. Она часто туда ходила на спектакли с родителями, поскольку главным режиссером театра был приятель Андрея Миронова – Марк Захаров. Маше безумно нравилась атмосфера этого театра, правда, за кулисами она никогда не была. Но у нее было сильное желание попасть туда, и в какой-то момент она поняла, что если сама не сделает шаг навстречу своему желанию, оно никогда не осуществится. И она решила сделать этот шаг. Пришла к Марку Анатольевичу Захарову и сказала, что хотела бы работать у него. Тогда она готова была просто танцевать в одном из музыкальных спектаклей. И Захаров ее взял. Причем какое-то время она действительно танцевала в том спектакле – то есть ввелась сразу же, в начале сезона. И была очень благодарна Марку Анатольевичу, который однажды сказал: «Ну что же, Мария Андреевна, танцевать, конечно, очень хорошо, но молодость одна, надо играть». С тех пор ей стали давать и большие роли. В итоге всего за три сезона она сыграла четыре роли.

Между тем у Марии не только театральное, но и киношное образование. В тех же 90-х она училась и во ВГИКе – на курсе Михаила Глузского. Окончила его в 1997 году. И вскоре получила свою первую роль: в 2000 году снялась в роли Харловой в фильме «Русский бунт» Александра Прошкина. Главную роль в нем

(Емельян Пугачев) исполнял Владимир Машков, с которым Миронова спустя два года снимется в фильме «Олигарх» Павла Лунгина, где у них будет «горячая» постельная сцена, что называется, «на грани фола». Впрочем, на тот момент Мария уже успела развестись со своим первым мужем (они прожили 7 лет) и была свободна для такого рода съемок.

В 2000 году Мария снялась еще в одном фильме – «Свадьба», на котором у нее наладились отношения с ее сводной сестрой Марией Голубкиной. Последняя вспоминает:

«…Мы вместе оказались в картине «Свадьба». Нам было уже по 25 лет, у нас уже дети были. На съемках с нами приключилась забавная история, когда мы с ночной смены в Туле возвращались в Москву. Марат Башаров ехал на своей машине впереди, а мы на Машиной сзади, причем я была за рулем и без прав. Маша сказала: «Мои права возьмешь, не заметят». А Марат не знал, что у нас такая история с правами. Он подъезжает к посту ГАИ и говорит: «Сейчас здесь поедут сестры Мироновы, вы их остановите». Шутка такая. И вот нас, значит, останавливают, я показываю Машины права.

На счастье, никто ничего действительно не замечает. Но когда я узнала, что это Башаров все подстроил, ругалась: «Марат, я тебя убью просто!» А не так давно еду я по Ленинградскому шоссе, меня останавливают, берут мои документы и говорят: «Здравствуйте, Мария Андреевна. Как вам не стыдно?» Я удивляюсь: «А что такое?» – «Что же вы каждый день в одном и том же месте скорость превышаете? Вот вчера я вас поймал, сегодня». Я говорю: «Я вчера здесь не ездила». – «Да как же вы не ездили? На той же самой иномарке…» Тут я начинаю догадываться, в чем дело. Говорю: «Так, минуточку, какого цвета машина была?» – «Ну черная». – «А эта какого?» – «Белая». – «А фамилия?» – «Миронова». – «Между прочим, у меня в правах Голубкина написано». До сих пор нас с Машей путают!..»

Но вернемся непосредственно к Марии Мироновой.

После развода с первым мужем она не долго была одна и вскоре снова вышла замуж. Ее избранником стал Дмитрий Клоков (1977), который был моложе актрисы на четыре года. Он работал советником президента РАН и приносил в дом приличный доход. Но и этот брак оказался недолговечным – он продлился 5 лет, поскольку начали ходить слухи об измене молодого мужа. Этого Мария перенести не смогла и подала на развод.

После этого Мария решила вновь воссоздать семью и вернуться к первому супругу – Игорю Удалову. Он тогда как раз развелся с женой и был одинок. Бывшие супруги снова стали жить вместе, но тут Маша познакомилась со своим коллегой – актером

Алексеем Макаровым (сыном актрисы Любови Полищук). И ушла к нему, причем без всякого скандала. И в одном из своих интервью Мария так отозвалась о бывшем муже:

«…Игорь – человек, которому я буду благодарна по гроб своей жизни. Понимаете, он из редкой породы бескорыстных людей. Он многое мне дал – огромное количество поддержки, любви, и делал это абсолютно бескорыстно. В нем не было вот этого чувства собственничества, он не надеялся потом что-либо с меня получить. А для меня бескорыстие – одно из самых ценных человеческих качеств…»

В 2011 году Мария и Алексей поженились, но прожили вместе чуть больше года. Их брак был расторгнут 2 июля 2013 года, хотя сама Миронова, в отличие от Макарова, наличие этого брака отрицает.

А теперь приведу отрывок из одного интервью Марии Мироновой образца 2013 года:

«– Вы у мамы в Судогде бываете?

– Раньше бывала чаще, сейчас нет времени. Прежде не могла там долго находиться – скучала, а в последнее время полюбила. Там дивная русская природа, там легко дышится, хорошо спится.

– Вы хорошая дочь?

– Хорошей дочерью себя назвать не могу. Да, я несу ответственность за все, что в жизни мамы происходит. Но мне хочется общаться с ней каждый день вживую, а получается три минуты по телефону. Она скучает и, как ребенок, волнуется каждый раз, когда я уезжаю на съемки. Вот недавно сказала мне: «В детстве, когда мама уходит на работу, ребенок просит: «Мамочка, останься!» А в старости все меняется: ребенок уходит, а маме хочется сказать: «Может быть, ты не поедешь? Не уезжай!»

– С возрастом вы с мамой стали больше похожи?

– Мы и похожи, и отличаемся. Если я: «Мама бросила театр, но зато нашла себя. Ведь для того, чтобы быть счастливой, необязательно быть артисткой».

Если я больше человек дела, то мама – более эмоциональная. Так было всегда. Если я жалею, то сразу задаю вопрос: что от меня требуется? А мама будет молиться, сочувствовать. Это понятно: я молодая, работаю, у меня есть какие-то организационные ресурсы. У мамы их гораздо меньше. Но у нее настолько развито чувство сопереживания, она так быстро «подключается» к чужой боли, что подчас я боюсь за нее, волнуюсь за ее сердце. Кто-то из наших друзей пошутил: «Ты, Катюша, переживаешь даже за детей Никарагуа». Такие люди сейчас уже редко встречаются.

– Каким женским премудростям вас научила мама?

– Готовить потрясающий банановый торт. А бабушка, мамина мама, хорошо вязала, и я, когда мне было лет шесть, под ее руководством тоже что-то там соорудила. Но мне ее любовь к вязанию, увы, не передалась…

– Это они вам внушали, что для женщины дом и семья – это номер один в жизни?

– Нет, этого они мне как раз и не внушали. В противном случае я бы точно не пошла в артистки. (Смеется.)

– Почему? Так сложно совмещать сцену и семью?

– Думаю, да. Удачные актерские семьи – это скорее исключение, чем правило.

– Какие проверки вам лично жизнь устраивала?

– Она их устраивает каждый день… У меня в жизни только одна важная проверка, которую я, по моему ощущению, не выдержала, не прошла… Одной семьи на всю жизнь у меня не получилось. И по такой семье у меня крайняя тоска. Я искренне восхищаюсь людьми, которые нашли в себе силы сохранить семью навсегда. Меня это завораживает. Такая семья была у Олега Ивановича Янковского. Такая же – у его сына Филиппа. У Веры Васильевой, Леонида Куравлева… В жизни мне встречались многие прекрасные люди, обладающие даром сохранения семьи, которого у меня нет. Я у них учусь… У меня есть очень близкие друзья, совершенно фантастическая семья. Жена – врач, она спасает людей. Муж – ее опора. Они вместе взяли на себя ответственность за большое количество усыновленных детей. Они помогают всем вокруг, служат людям. И когда приезжаешь в их дом, ощущаешь неимоверное счастье, погружаешься в атмосферу любви… Такой атмосферы я, к сожалению, не чувствовала никогда. Я к этой семье тянусь, и другие люди тоже. Когда ты чувствуешь запах и вкус счастья, ты туда летишь, как на мед…

– Вы как-то говорили: «Стремление определяет мое бытие». Если у вас есть такая тоска по семье, то, может, все еще будет?

– У меня нет тоски по семье! У меня сейчас все в порядке, у меня абсолютно все есть. Я говорю о тоске, что я не смогла сохранить цельную единственную семью навсегда. Я чувствую, что, когда эта цельность существует – когда у ребенка есть отец и мать, – это правильно. Это такой «домик», основа. А иначе строение чуть-чуть покосившееся… Начинаешь его со всех сторон укреплять – получается довольно сложная конструкция… У меня сейчас есть семья, в ней дружба, любовь и мир. Но целостности нет. И это единственное…

– …о чем вы жалеете?

– Не то что жалею, просто я это профукала в какой-то момент. Чтобы сохранить, не хватило тогда осознания и зрелости.

У каждого свой путь.

– Какие у вас сложились отношения с маминым мужем?

– Дивные, дружеские. Я отношусь к нему с большим уважением и теплотой, и это взаимно. Видно, что он очень хороший и верный человек. Он любит мою маму, заботится о ней и оберегает…

А мой сводный брат Алексей (как мы помним, Градова и ее супруг взяли мальчика из детдома. – Ф.Р.) отслужил в армии – в морфлоте в Мурманске, и я его за это очень уважаю. Абсолютно самостоятельный человек и личность. Сейчас собирается поступать в ГИТИС на продюсерский факультет…»

Между тем Андрей Удалов – сын Марии Мироновой и Игоря Удалова – пошел по стопам своего именитого деда и тоже стал актером. Правда, сначала он учился в Московском городском университете управления (специальность – «социально-культурная деятельность»), но затем поступил в Московский театральный институт им. Б. В. Щукина (курс В. Иванова). В 2014 году окончил его и спустя год стал актером Московского государственного академического театре им. Е. Б. Вахтангова. С ходу получил там две роли: Кота в спектакле «Кот в сапогах» и в «Мозаике».

Рассказывает М. Миронова: «…Андрей впервые вышел на сцену, когда ему было около восьми лет. На сборе труппы на гастролях он сидел с артистами в зале. И когда Марк Анатольевич Захаров поинтересовался, есть ли у кого-то вопросы и предложения, мой активный сын встал и спросил: «Марк Анатольевич, вон там сцена?» – «Да». – «А можно я на нее выйду?» И он вышел! Так что его первый выход на сцену состоялся на Святой земле в Израиле.

В 21 год он дебютировал в детском спектакле «Кот в сапогах», на который трудно попасть. Пыталась в сентябре купить билет в кассе вахтанговского театра, так мне сказали: «Билеты раскуплены вплоть до конца ноября». Андрей играет главную роль – Кота. И за это большое спасибо мастеру его курса Владимиру Иванову, который в Андрея верит и его любит. Владимир Владимирович – уникальный педагог, единичный, еще прежней плеяды. «Кота в сапогах» он поставил, заняв практически весь свой курс. Сейчас Андрей приходит домой после спектакля с охапками цветов. У него толпы маленьких поклонниц. Такое количество букетов я получала только в дни самых громких премьер. А чтобы просто на спектакле – нет.

Андрей похож на меня по характеру, но более активный. Мы с ним и по знаку зодиака оба – Близнецы. Возможно, поэтому я его очень хорошо понимаю. И никогда не даю лишних советов,

потому что вижу – он достаточно осмысленно движется по жизни…»

Мария Миронова по-прежнему творчески востребованный человек – она играет на сцене «Ленкома» и снимается в кино. Так, в 2015 году она стала лауреатом премии «Хрустальная Турандот» за лучшую женскую роль сезона (Марина Мнишек, спектакль «Борис Годунов», «Ленком»).

В том же 2015-м на российском ТВ состоялась премьера сериала «Родина», где Мария сыграла главную роль – Елену Брагину. Причем ее мужем по фильму был все тот же Владимир Машков, с которым она снималась в 2000 году в «Русском бунте», а потом «зажигала» в постели в «Олигархе». Кстати, эту «зажигательную» сцену из нынешней версии фильма вырезали.

А теперь самое время рассказать о второй дочери Андрея Миронова – о Марии Голубкиной. Слово ей:

«…Когда мне было 16 лет (1989), я рылась в мамином шкафу. Искала какие-то колготки, кофты, юбки – я часто брала мамины вещи, причем портила их и всегда получала по башке, что меня не останавливало. В общем, я рылась в ящике и нашла документ об удочерении меня папой. Я была поражена. Помню, подумала о том, какой же мой папа прекрасный и замечательный человек, как он растил меня и воспитывал. Он научил меня дружить. Он научил меня работать, отвечать за свои слова, держать себя и свой дом в порядке…

А в выпускном классе я осталась на второй год. Потому что вместо того, чтобы уроки делать, я коллажи вырезала, ерундой занималась, где-то тусовалась. В школе меня стали пугать: «Мы тебя завалим на экзаменах». А я очень не люблю, когда меня шантажируют. Я подумала: «Что? Это вы-то меня завалите на экзаменах? Ха!» В общем, прихожу на экзамен, беру билет и, не глядя в него, заявляю: «Я ничего не знаю. Вы меня столько лет учили и совершенно ничему не научили». И так три раза, ведь чтобы остаться на второй год, надо не один экзамен завалить, а три. Мама не понимала, что происходит. Я говорю: «Мам, ну я пропустила много материала, хочу остаться на второй год, только, умоляю, в другой школе, не в этой!» Ну меня и перевели в другую. И я вздохнула, как будто сбросила те самые тесные туфли. То есть я хочу сказать, что развестись или остаться на второй год в школе – это не катастрофа, это иногда бывает счастьем! В новой школе ко мне очень хорошо относились. На мои дурацкие выходки типа, а у меня свое мнение есть, реагировали так: «Хорошо, Маша, давай скажи». Через год я снялась в кино, и уже стало понятно, куда я пойду. Хотя до фильма «Ребро Адама» я не задумывалась об актерской карьере.

Совершенно посторонние люди говорили: «Ну, наверное, будешь артисткой». И меня это страшно раздражало…»

Окончив школу, Мария поступила в тот же театральный вуз, где учился когда-то ее папа и теперь училась сводная сестра Маша – училище имени Б. Щукина. Но окончила она его на год раньше сестры, поскольку не была в декретном отпуске, – в 1995 году. Но именно тогда Голубкина вышла замуж за известного музыканта из группы «Секрет» и шоумена Николая Фоменко. И, как мы помним, три года спустя родила первого ребенка – дочку Анастасию. А в 2003 году на свет появился еще один ребенок – сын Иван.

Но прежде чем произошли эти события, Мария Голубкина успела сделать себе имя в кино, сыграв главную роль (Настя) в своем дебютном фильме «Ребро Адама» (1990) Вячеслава Криштофовича, за что была удостоена премии гильдии киноактеров России «Созвездие». А в 1996 году она влилась в труппу Театра сатиры, где когда-то работал ее приемный отец. Вот ведь парадокс. Родная дочь Миронова попала в «Ленком», а приемная – в «Сатиру». Почему же Маша Миронова не захотела стать «сатировцем»? Вот как она сама отвечает на это:

«…«Сатира» с детства была для меня домашним театром. Я всех знала, со всеми общалась, поэтому у меня никогда не возникало профессионального желания туда попасть…»

Но вернемся к Марии Голубкиной.

В 90-е годы она снялась в пяти фильмах, где исполнила две главные роли: Ленку в «Завтра» (1992) и Виолетту в «Хороводе» (1994). А в 2000 году, снимаясь в фильме Павла Лунгина «Свадьба», наконец-то восстановила дружеские (или сестринские) отношения с Марией Мироновой.

В 2000-х Голубкина снялась в 17 фильмах, где исполнила семь главных ролей. А вот ее сестра за это же десятилетие снялась в 23 фильмах (два из них фильмы-спектакли), где у нее было 9 главных ролей. Вот такое негласное соревнование было между сестрами, в котором с небольшим отрывом лидировала Мария Миронова.

Кстати, в 2009 году, когда Алла Сурикова решила снять продолжение фильма «Человек с бульвара Капуцинов», на главную роль внучки мистера Феста по имени Маша она пригласила Марию Миронову. Это опять была комедия, где рассказывалось о приключениях в России внучки господина Феста. Девушка влюблена в российское кино и мечтает снять фильм в его традициях, для чего и приезжает в Россию.

В период 2010–2015 годов Мария Миронова записала на свой счет еще 15 фильмов и 8 главных ролей, а Голубкина – 6 фильмов

и две главные роли.

И все же Мария Миронова на сегодняшний день является «поблокбастернее», чем ее сестра, – на ее счету чуть побольше по-настоящему «громких» фильмов. Среди них: «Ночной дозор» (2004, Ирина, мать Егора), «Дневной дозор» (2005, мать Егора), «Статский советник» (2005, мадемуазель Жюли, хозяйка «агентства» интимных услуг), «Гибель Империи» (2005, главная роль – Елена Ивановна Сабурова), «Апофегей» (2012, главная роль – Надя Печерникова), «Три мушкетера» (2013, Анна Австрийская, королева Франции), «Крик совы» (2013, главная роль – Нина Каверина, работница почты), «Родина» (2015, главная роль – Елена Брагина).

У Марии Голубкиной этот список покороче: «Француз» (2004, главная роль – Анна), «Брежнев» (2005, Софья, младший лейтенант м/с, фронтовая подруга Брежнева в 1943 году), «Есенин» (2005, Софья Толстая, внучка Льва Николаевича Толстого).

Что касается личной жизни сестер, то и здесь у Марии Мироновой преимущество (если это можно так назвать) – она уже неоднократно сходилась-расходилась с мужчинами, а вот Голубкина сделала это только единожды – в 2008 году развелась с Николаем Фоменко. Впрочем, учитывая, что в Марии Мироновой течет кровь ее отца, дамского угодника, в таком ее поведении с мужчинами нет ничего удивительного.

Спустя два года после развода Мария Голубкина официально узнала, что Андрей Миронов не был ее настоящим отцом. Вот как это выглядело, по ее же словам:

«…В 2010 году, 8 марта, мама по телевидению 150-миллионной аудитории заявила следующее: моя дочь не от Андрея, но она об этом никогда не узнает. Приблизительно такой был текст. Вот так я получила эту информацию. Мне вообще странно эту тему обсуждать. Если нас с сестрой путают на дороге даже полицейские, то, ну, наверное, каким-то чудесным образом я похожа на своего отца. Мама может говорить все что угодно, это моя мать. Но с ее подачи каждый почему-то считает возможным это обсуждать… Знаете, почему в еврейских семьях национальность определяется по матери? Потому что кто мать – все знают точно, а у кого кто отец – приблизительно. По статистике, 30 процентов мужчин воспитывают не своих детей и об этом даже не подозревают…»

А спустя какое-то время широкую общественность облетела новость, что Мария Голубкина вышла замуж во второй раз. Ее избранником, по ее же словам, стал некий летчик Андрей из Звездного городка. Однако и с бывшим мужем у нее прекрасные

отношения. Как заявила она в одном из интервью:

«…У нас с Колей приятельские отношения, мы родные друг другу люди. Я дважды рожала детей от этого мужчины. Почему должны быть плохие отношения? Мы не перестали быть друг другу родными людьми, мы много пережили вместе за 13 лет. У нас дети, которые любят нас одинаково, иногда больше его, иногда больше меня. Настя всегда больше любила отца, как мне кажется. У меня не было никакой психологической травмы, я знала, что делаю и почему развожусь. И все это стереотипы, что женщины больше переживают из-за развода. Все страдают. Мы больше страдали из-за детей, они-то не виноваты ни в чем, а для них это стресс! Но мы постарались, чтобы для них все осталось как прежде…»

На сегодняшний день Мария Голубкина ни в одном из театров уже не играет (с 2006 по 2010 год она входила в труппу Московского театра им. Пушкина и сотрудничала с Санкт-Петербургским ТЮЗом), но зато периодически появляется на ТВ и радио в качестве ведущей.

Что касается кинематографа, то в 2013 году она снялась в двух фильмах: «Путь лидера. Огненная река. Железная гора» (Казахстан, тетя Стеша, водитель автобуса) и «Вверх тормашками» (Зоя Ольговна Саламатникова, одноклассница Андрея).

Миронов и Она: Татьяна Егорова

Как уже говорилось ранее, после смерти Миронова его мама сблизилась именно с Татьяной Егоровой. Та часто бывала у нее дома, скрашивала ее одиночество, которое так внезапно свалилось на нее в год ее 77-летия. И во время празднования Нового года, которое впервые проходило без ее сына, рядом с Марией Владимировной была Егорова. Впрочем, не только она. Вот как это описывает сама Татьяна:

«…31 декабря. Встречаем Новый, 1988 год. Я сижу рядом с тарелкой для Андрюши, на которой лежит его визитная карточка с его же надписью красным фломастером: «Мамочка, с Новым годом!» За столом Певунья (Лариса Голубкина. – Ф.Р.) со своей дочкой, друг дома Федор Чеханков, критик, давний друг Менакера и Марии Владимировны Поюровский с женой. На рояле – большой портрет Андрея, вокруг цветы, глаза живые и улыбаются… Новый год, цветы, гости, нет только его… Он лежит в промерзлой земле на Ваганьковском кладбище…»

А в Театре сатиры Егорова проработала еще два года. В начале сентября 1989 года она пришла на очередное открытие сезона, увидела, как престарелый Плучек, восседая в кресле из спектакля «Женитьба Фигаро», в котором когда-то сидел на сцене Андрей Миронов, хихикает с актрисами, ни словом не обмолвившись о Миронове и Папанове, и написала заявление об уходе. «Ловить» в этом театре ей было уже нечего.

Чем же занималась в те годы Егорова?

В основном литературной деятельностью – писала статьи для разных изданий, книги. В 1995 году выпустила в свет повесть «Обрученные любовью». А также снялась в одном фильме – «Армавир» (1991), где сыграла эпизодическую роль водяной нимфы. Вообще в ее фильмографии около двух десятков фильмов и фильмов-спектаклей, но играла она в них сплошь одни эпизоды. Хотя начинала она свой путь в кино с многообещающей роли-эпизода: в фильме «Сквозь ледяную мглу» (1966) она исполнила роль соратницы Ленина Елены Дмитриевны Стасовой. После таких ролей обычно актеров замечали. Но с Егоровой этого не случилось, и ее карьера в кино по большому счету не сложилась. Хотя в ее послужном списке есть фильмы, имевшие большой успех. Это: «Проснись и пой!» (1974, Мари, девушка Дьюлы), «Служебный роман» (1978, гостья у Самохваловых), «Однажды двадцать лет спустя» (1981, одноклассница Кругловой).

Летом 1999 года Татьяна Егорова произвела настоящий фурор, выпустив в свет книгу мемуаров под названием «Андрей

Миронов и я». Скажем прямо, это была настоящая «бомба». Если большинство мемуаров обычно пишутся по принципу «как бы кого не обидеть», то автор этой книги рубила правду-матку, что называется, с плеча – никого не жалела. И про свои взаимоотношения с Андреем Мироновым Егорова написала так откровенно, что вызвала у многих оторопь. Некоторые обвинили ее в предательстве памяти Андрея, в попытке примазаться к его славе. Например, Александр Ширвиндт, давая интервью «Литературной газете» (журналисту В. Бурту), сказал следующее:

«Есть такая замечательная писательница Татьяна Егорова. Она стала оче-е-нь популярной после книги «Андрей Миронов и я». То есть она. А я там – главное действующее дерьмо… Так вот, когда-то я взял Таньку за ручку и с каким-то рассказиком привел к Вите Веселовскому в «Клуб 12 стульев». То есть, по сути, сделал ее писательницей.

Знаешь, к чему я это рассказал? Брать за ручку надо не всякого. И в руки давать ручку тоже не каждому…»

И совсем иначе отозвалась на книгу Егоровой актриса Валентина Титова:

«Я считаю, что Таня Егорова сделала главное дело своей жизни. Она поставила монумент замечательному актеру Андрею Миронову. То, что Таня написала об Андрее, не мог написать никто. Ни одна женщина, которая общалась с этим актером, не смогла бы так полно описать, скольких же трудов стоит «то легкое, изящное прикосновение Бога». Она показала яркий кусок из жизни, когда люди, которые сейчас – кумиры миллионов, были еще молодыми и только формировались как личности. Конечно, кому-то это может не понравиться. Кто-то считал, что он – другой человек. Что делать? Со стороны мы выглядим иначе! Но ведь никто не предъявляет претензии к Булгакову, хотя то, что он написал когда-то, тоже не всем нравилось».

Короче, сколько людей – столько и мнений. Но послушаем саму Т. Егорову:

«…Звонок по телефону.

– Здравствуйте, я Садальский. Вы не могли бы сегодня прийти? Час будете в эфире… Расскажете о вашей книге.

Я соглашаюсь. Я не знаю, кто такой Садальский, и подумала, что это телевидение. Навела марафет и в 6 часов пришла на Калининский проспект. Когда вошла в студию, то поняла, что это не телевидение, а радио под названием «Роке». Садальский оказался Скандальским, заявив мне, что книгу мою он не читал. И начал звонить по телефону артистам Театра сатиры. Все было заранее подстроено. Он меня подставил, я попала в ловушку. Но это была дуэль! Артистка Корниенко – Акробатка не говорила, а

рычала, как злая собака: как я смела такое написать! Какие только мерзости и гадости не неслись в мой адрес! Я чувствовала, что Садальскому важно было угодить Акробатке, уж из каких соображений, это знают только они вдвоем. Но меня голыми руками не взять, и я несъедобная… У меня нет абсолютного слуха, но целый час в эфире я отстреливалась от стаи «товарищей» с такими знакомыми мне по театру голосами. Я твердо держала удар, для всех нашла ответ, и в награду за стойкость получила последний телефонный звонок, который Садальский, потеряв бдительность, не проконтролировал:

– Таня, – раздался глухой голос молодого человека. – Я – детский писатель… Не слушайте все эти гадости, не слушайте никого – вы написали гениальный роман!..»

Лично мне книга тоже понравилась, более того – она меня потрясла. Сколько я до этого прочитал разного рода мемуаров, но такие – впервые. Для любого исследователя такого рода литература – кладезь полезной и, главное, нетривиальной информации. До ее выхода в массовом сознании существовал Миронов-миф. После выхода книги миру был явлен Миронов-человек. Добрый и злой, галантный и грубый, ласковый и истеричный, мужественный и трусливый, веселый и грустный. Короче, не миф, а вполне себе земной человек. Но его величие как актера после этой книги нисколько не пострадало. Ведь не будь он столь разным и противоречивым, то никогда бы ему не удалось стать тем Андреем Мироновым, в кого была влюблена вся страна. Впрочем, почему «была»? Она и сейчас до сих пор лежит у его ног. А он взирает на нас сверху и снисходительно улыбается. Той самой знаменитой мироновской улыбкой, что запечатлена в десятках фильмов с его участием, а также на обложке первого издания книги «Андрей Миронов и я».

В жизни Андрея Миронова женщины играли главную роль. Поэтому не случайно этого великого актера называли дамским угодником. Он и в самом деле стремился угодить женщинам, поскольку видел в них своих главных вдохновительниц как в творчестве, так и в жизни. При этом через жизнь актера прошло множество женщин. Но среди них многие были случайными, а главных женщин было не так уж и много. Именно им и посвящена эта книга. Среди них: женщина, которая родила на свет актера – его мама, а также женщина, которая подарила ему первую любовь, женщины, которые могли быть его женами, но так и не стали ими в силу различных обстоятельств, женщины, ставшие ему женами, две его дочери, женщины, которые снимали Миронова в своих фильмах, и женщины-актрисы, с которыми он играл в кино любовь.

Все они оставили свой след в судьбе Андрея Миронова, и без них его жизнь и творчество не обрели бы той феерической привлекательности, которая до сих пор заставляет людей помнить об этом прекрасном актере. Прочитайте эту книгу, и вы узнаете массу интересного из жизни «дамского угодника», у ног которого в свое время лежала вся страна – причем не только слабая ее половина.

Источники:

Газеты: «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Экспресс газета», «Собеседник», «Аргументы и факты», «Труд», «Факты», «Вехи века».

Журналы: «Караван историй», «Виноград».

Интернет-ресурсы: kino-teatr.ru, 7days.ru, Википедия.